ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ X.

МОСКВА, 1803.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Университетскаго Цензора.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ 1803.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Меланхолія и воображеніе (*).

(Окончаніе.)

Между тѣмъ Нельсонъ, въ горестныхъ размышленіяхъ, сидѣлъ подъ окномъ въ своей комнатѣ. Эльмина его видѣла; Эльмина, можетъ быть, замѣтила страсть его. „Боже мой! думалъ онъ: за чѣмъ я сюда пріѣхалъ? Мнѣ оболстить Эльмину! мнѣ быть губителемъ непорочности! Могъ ли я положиться на чистоту своего сердца? Питая непозволенную склонность, оно уже виновно, и Богъ знаетъ, къ чему приведетъ

(*) Здѣсь первыя двадцать страницъ переведены не Издателемъ, а однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго пріятной слогъ со временемъ будетъ замѣненъ публикою.

это первое заблужденіе! Какъ можно имѣть довѣренность къ самому себѣ? Рѣшившись не казаться Эльминѣ, являюсь передъ нею со всѣмъ очарованіемъ горестной чувствительности. . . . ищу другова случая съ нею встрѣтиться; бѣгаю по слѣдамъ ея; возмущаю тихія удовольствія Эльмининыхъ прогулокъ. . . . Ахъ! сколько слабостей влечетъ за собою одна, которой мы побѣдить не умѣли!“

Блеснула заря; открылись прелестные виды. Нельсонъ сидѣлъ въ задумчивости — великолѣпіе Натуры не плѣняетъ растерзаннаго сердца. Кто мирно покоился въ объятіяхъ кроткаго сна, тотъ съ радостію видитъ свѣтлое утро; но глаза, помраченные слезами безнадежной страсти, отвращаются отъ него съ неудовольствіемъ. . . . Унылый Нельсонъ взглянулъ на обширную равнину, которая начинала озаряться, и мало по малу оживлялась. Скоро пришли на поле молодые крестьяне и крестьянки. Заиграла свирѣль; раздались звуки радости, сердечной и непритворной. Горестное чувство, похожее на зависть, стѣснило душу Нельсона. Онъ встаетъ, чтобы затворить окно, и вдругъ, въ отдаленіи, видитъ шпицъ мраморнаго обелиска на кладбищѣ. Въ это время Эльмина обык-

новенно приходила съ цвѣтами ко гробу матери. Нельсонъ слѣдуетъ за нею въ воображенїи; дивится милой, плѣнительной красотѣ ея . . . видитъ, что она провела ночь безпокойно: взоры ея томны, румянецъ на щекахъ блѣднѣе. Эльмина приближается къ кладбищу, отворяетъ решетку, подходитъ медленно ко гробу, обнимаетъ мраморъ. . . . Нельсонъ, простирая къ обелиску руки, бросается на колѣна и восклицаетъ въ упоенїи страсти и горести: *по крайней мѣрѣ могу плакать съ тобою!*

Сильное волненїе сердца истощило въ немъ силы. Лицо его такъ перемѣнилось, что всѣ удивились, когда онъ сошелъ внизъ къ завтраку. Нельсонъ жаловался на головную боль и молчалъ. Но вдругъ произнесли имя Господина Б*... Онъ началъ слушать и узналъ, что Господинъ Б* уѣхалъ съ своею дочерью въ Сагань (городокъ въ тридцати миляхъ отъ Вармбруна). Сїя неожидаемая новость поразила его. Онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Гиршбергъ на всю осень, чтобы не встрѣчаться съ Эльминою; но вдругъ, не приготовясь, съ нею разлучиться; не имѣть возможности видѣть ее; лишиться всей надежды на *случай* — сколько огорченїй!... Нельсонъ жалѣлъ даже и о томъ, что не

могъ убѣгать Эльмины: для него пріятно было жертвовать ей своимъ наслажденіемъ.

Онъ скоро отмѣнилъ ѣхать въ Гиршбергъ. Что бы заключили объ его отъѣздѣ? Какой найти предлогъ? . . . думалъ и не находилъ. Разумъ намъ теряетъ всю силу свою, когда хотимъ доказать себѣ необходимость чего нибудь непріятнаго!

Нельсонъ проводилъ время Эльминина отсутствія въ таинственной бесѣдкѣ своей; нѣсколько разъ въ день перечитывалъ ея записную книжку — думалъ объ одной Эльминѣ, о плѣнительномъ ея взорѣ, о звукѣ голоса, которой такъ сильно потрясъ его сердце; считалъ дни и минуты мучительной разлуки; наконецъ, заключивъ, что ей уже надобно быть въ дорогѣ, началъ опять находить пріятность въ своихъ прогулкахъ, и Вармбрунъ снова украсился въ глазахъ его.

Эльмина возвратилась. Господинъ Б* остался въ Вармбрунѣ обѣдать у одного пріятеля, которой удержалъ его и ночевать. Послѣ стола онъ сѣлъ играть въ пикетъ съ своимъ хозяиномъ, которой совѣтовалъ Эльминѣ итти въ садъ Госпожи Нельсонъ, и посмотрѣть, какъ онъ въ три мѣсяца перемѣнился. Я не-

знакома съ Госпожею Нельсонъ, отвѣчала Эльмина. — „Ее теперь нѣтъ дома; она въ гостяхъ у нашего сосѣда.“ — Но впустятъ ли меня въ садъ? — „Безъ сомнѣнія; онъ открытъ для всѣхъ. На примѣръ, Англичанинъ Фриморъ всякой день въ немъ бываетъ.“ — Фриморъ? — „Да; вы, я думаю, съ нимъ встрѣтитесь. Онъ недавно прошелъ мимо насъ и конечно въ садъ.“ — Эльмина закраснѣлась, замѣшалась, подумала; наконецъ рѣшилась и пошла.

Она все еще почитала Фриморомъ Нельсона, и съ трепетомъ входитъ въ садъ, думая, что найдетъ въ немъ Англичанина. Ея замѣшательство увеличилось, когда она увидѣла, въ концѣ длинной алеи, прелестную малютку, дочь Нельсонову, которая тотчасъ подбѣжала къ ней и бросилась на руки. Эльмина приближилась къ забору цвѣтника, и вдругъ слышитъ крикъ, видитъ бѣгущихъ людей и пламя. Коралія испугалась и скрылась. Эльмина сѣла на дерновое канапе въ пятидесяти шагахъ отъ забора. Нельсонъ, желая имѣть во всякое время года резеду и ясмины, построилъ въ своемъ саликѣ теплицу, которая отъ неосторожности садовника загорѣлась. Выломили дверь и въ минуту погасили огонь. Эль-

мина между тѣмъ, не видя пламени, вздумала осмотрѣть цвѣтникъ. Можно представить себѣ ея изумленіе, когда она увидѣла точно свой садикъ, свои ясмины и резеду! Духъ сихъ цвѣтовъ произвелъ неизъяснимое чувствво въ ея сердцѣ; она вспомнила букетъ, орошенный слезами, и затрепетала. . . . Большіе ясминные кусты закрывали бесѣдку; дверь была растворена. Эльмина, которой никто не замѣтилъ, пошла туда. Вдругъ позади ее сказали громко: *Господинъ Фриморъ! вы забыли свою трость.* Эльмина вздрогнула, остановилась, раздѣлила немного вѣтьви, и увидѣла молодаго человѣка въ траурѣ, совсѣмъ ей незнакомаго, которой, взявъ изъ рукъ садовника трость, вышелъ изъ саду. Эльмина поблѣднѣла; очарованіе разрушилось, призракъ блаженства исчезъ навѣки. Нещастная бросается въ бесѣдку, желая нѣсколько успокоиться.... Новое зрѣлище! Она въ своемъ кабинетѣ: вотъ голубыя кресла ея матери; вотъ пяльцы, покрытыя чернымъ флеромъ; вотъ ея стулъ и маленькой столикъ.... одно только лишнее: Эльминины волосы подъ стекломъ. „Боже мой! воскликнула она, залившись слезами: какая любовь! а моя благодарность есть преступленіе!... Ахъ! я одна преступница! за чѣмъ искала

его? Чувствительной, добродѣтельной человѣкъ! онъ пылалъ страстію, но убѣгалъ меня!“

Слезы лились рѣкою изъ глазъ Эльмины. Тайный голосъ разсудка повелѣвалъ ей взять свои волосы, данные милой дочери Лорда Фримора; ея сердце терзалось и противилось разсудку; но Эльмина рѣшилась побѣдить сердце свое, взяла перо и дрожащею рукою написала на лоскуткѣ бумаги слѣдующую записку къ Нельсону:

„Я была въ заблужденіи: почитала „Фриморомъ *того*, кто встрѣтился со „мною на кладбищѣ, 2 Іюня; думала, „что прекрасный ребенокъ, которому я „дала свои волосы, есть дочь Лорда Фри„мора: теперь узнала истину; завтра „ѣду въ Гиршбергъ — и не возвращусь „никогда.“

Эльмина хотѣла положить записку на то мѣсто, гдѣ лежали волосы. . . . Вдругъ вбѣгаетъ Коралія, и кричитъ: *вотъ папинька, папинька!* . . . . Эльмина посмотрѣла въ дверь: Нельсоновъ образъ мелькнулъ въ глазахъ ея; она запрепятала и упала въ обморокъ. . . . . Пришедши въ память, видитъ передъ собою Нельсона, стоящаго на колѣняхъ, блѣднаго, съ растрепанными волосами — онъ

держалъ въ рукѣ спиртъ, а маленькая Коралія плакала и цѣловала ее. . . . Эльмина съ трепетомъ взглянула на Нельсона, отвороиилась, взяла Коралію на руки, прижала къ сердцу и залилась слезами. . . . Нельсонъ, внѣ себя и все еще на колѣняхъ, схватилъ руку своей дочери, поцѣловалъ ее съ жаромъ, и посмоиърѣвъ на Коралію глазами, въ которыхъ блистали слезы, сказалъ выразительнымъ, страстнымъ голосомъ: „о милая дочь! ты никогда меня не утѣшишь, но съ этой минуты будешь мнѣ драгоцѣннѣе!“ . . . . Встаетъ, и съ видомъ неописанной горести бросается въ двери. . . . Горестное восклицанїе, которое вырвалось изъ сердца Эльмины, потрясаетъ всю его душу; онъ останавливается, устремляетъ на нее пламенной взоръ и скрывается.

Эльмина, взявъ Коралію за руку, выходитъ съ нею изъ опасной бесѣдки... Знакомый, унылой голосъ зоветъ Коралію. Эльмина, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, удаляется и выходитъ изъ саду, оиодохнувъ нѣсколько минутъ на дерновомъ канапе. Отецъ Эльмины спросилъ о причинѣ блѣдности лица ея: она сказала о пожарѣ въ саду, о своемъ сиирахѣ, и никто не искалъ другой причины.

Нельсонъ, увѣренный въ послушанїи Коралїи, запретилъ ей говорить о *прекрасной госпожѣ* (такъ называла она Эльмину); отослалъ ее домой, а самъ возвратился въ бесѣдку, увидѣлъ записку Эльмины подлѣ забытыхъ волосовъ, взялъ и читалъ ее съ трепетомъ . . . Онъ чувствовалъ, что заблужденїе должно было усилить въ сердцѣ Эльмины такую склонность, которой не противилась ея добродѣтель. . . . Случай открылъ ей, съ какимъ жаромъ, съ какимъ изступленїемъ обожали ее; случай открылъ ему, что сердце Эльмины пылало вмѣстѣ съ его сердцемъ. . . Ахъ! сїи восхитительныя мысли были новы для души Нельсоновой! Страшный образъ будущаго не приводилъ его въ трепетъ; онъ забылъ на минуту и честь и спокойствїе и непорочность Эльмины! „Она меня любитъ! она знаетъ, какъ страстно любима мною! повторялъ онъ: могу ли обвинять себя? Небо хотѣло соединить узами симпатїи, благодарности, нещастїя и сожалѣнїя два сердца, разлученныя должностїю! . . . . Вѣчныя, священныя узы! . . . Она знаетъ, она чувствуетъ, какъ неизъяснимо люблю ее! . . . Эльмина будетъ жалѣть обо мнѣ, оплачетъ горестную судьбу мою!“

Такова любовь, самая пылкая, самая страстная! все относитъ къ одной себѣ, находитъ утѣшительную прелесть въ страданіяхъ, ею причиняемыхъ. . . . Любовь, всегда нѣжная, часто бываетъ безжалостна!

„Эльмина оставляетъ Вармбрунъ! Эльмина уже не возвратится!“ сказалъ Нельсонъ съ горестію и рѣшился написать къ ней. Письмо его было коротко и просто: онъ клялся убѣгать ее, цѣлый мѣсяцъ не выходить изъ дому, и умолялъ Эльмину отложить свой отъѣздъ въ Гиршбергъ. На другой день, передъ зарею, Нельсонъ пошелъ на кладбище и положилъ письмо на гробъ Госпожи Б*—не было другова средства доставить его Эльминѣ. Спрятавшись въ кустахъ, ожидалъ онъ ея прихода.—Эльмина приближается ко гробу; блѣднѣетъ, видя письмо; беретъ его дрожащею рукою, прочитываетъ нѣсколько разъ сряду, кладетъ на свою грудь, и слезы ручьями льются изъ глазъ ея. Сіи слезы были отвѣтомъ Эльмины. Нельсонъ, увѣренный, что прозьба его будетъ исполнена, хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ замѣтилъ, что Эльмина съ робкимъ замѣшательствомъ осматривалась вокругъ ссбя и чего-то искала глазами . . . . . Нельсонъ былъ недалеко отъ обелиска;

тихонѣко потрясъ вѣтьвями куста, за которымъ скрывался; раздѣлилъ ихъ и бросилъ букетъ ясминовъ на гробъ Госпожи Б*... Эльмина затрепетала, устремила на кустъ глаза свои — движенїемъ головы изъявила согласіе, и, махнувъ бѣлымъ платкомъ, дала знать, чтобы Нельсонъ удалился. Онъ исполнилъ ея волю.

Эльмина, возвратясь домой, раскалась въ своей неосторожности... Жить болѣе шести недѣль подлѣ опаснаго Нельсона, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все напоминало о немъ; гдѣ образъ его всюду за нею слѣдовалъ; гдѣ все говорило ей о Нельсонѣ: и маленькой садикъ, и запахъ ея цвѣтовъ, и тихой кабинетъ, посвященный нѣжности, и самый гробъ ея матери!... Она уже не могла отдѣлить чувствъ любви отъ впечатлѣнїй горести и мыслей о смерти..... Эльмина съ трепетомъ, въ нерѣшимости, вошла въ цвѣтникъ. Мысли, которыя ожидали ее въ бесѣдкѣ, были ей напередъ ужасны.... „Ахъ! сказала она: вчера моя любовь и горесть могли назваться невинными; а нынѣ все перемѣнилось! Я не найду наслажденїя въ слезахъ своихъ!“... Она отворила дверь въ бесѣдку, и обративъ глаза на большїя кресла своей матери, почувствовала робость, которая скоро пре-

вратилась въ ужасъ.... Эльмина стала, по обыкновенїю своему, на колѣни; хотѣла молиться усердно, но не могла... Страшный предметъ темно представлялся ея воображенїю..... Казалось, что кресла, стоявшїя противъ нее, были непусты. Глаза ея, устремленные въ книгу, видѣли образъ почтенный и грозный, укоряющїй слабую; тѣнь была передъ нею!... Эльмина молилась; не смѣла тронуться съ мѣста; волосы ея становились дыбомъ; холодъ разливался повсей ея внутренности, но голова Эльминина пылала: кровь подымалась въ нее съ быстротою и производила въ ушахъ обманчивый шумъ, подобный отдаленному звону погребательнаго колокола.... Въ сїю минуту большая книга упала съ полки и застучала.... Страхъ возвратилъ силы Эльминѣ, которая бросилась изъ бесѣдки въ садъ, упала на дерновое канапе, и воскликнула: *она выгнала меня; мои молитвы ей противны!*

Пришедши въ себя, Эльмина ужаснулась своего движенїя, встала и ушла изъ саду. Въ спальнѣ ея висѣлъ совершенно сходный портретъ Госпожи Б*, на которой, послѣ ея кончины, Эльмина не имѣла твердости взглянуть ни разу. Госпожа Б* нарочно списала себя для Эльмины. Она изображена была во весь ростъ,

съ отверстыми объятіями; нѣжный взоръ ея, казалось, призывалъ любезную дочь къ материнскому сердцу... Въ сей комнатѣ и передъ сими портретомъ Эльмина рѣшилась привести спокойствіе въ порядокъ ума. Она всходитъ на лѣстницу, отворяетъ поспѣшно дверь и запирается въ спальнѣ. Тутъ въ первой разъ воспоминаніе о Нельсонѣ изчезаетъ; любовь къ несравненной матери — первое, непорочное чувство Эльминина сердца — снова оживаетъ въ немъ. Эльмина думаетъ, что спокойствіе и невинность ея возвратились .... бросается на колѣни, устремляетъ глаза, помраченные слезами, на образъ незабвенной, и восклицаетъ: „о милая! здѣсь обновляю горесть свою; здѣсь, оплакивая потерю твою, живѣе чувствую цѣну добродѣтели! Отнынѣ тебѣ одной посвящаются мои слезы... Ангельскія черты твои напоминаютъ мнѣ должность мою... Дай мнѣ силу исполнить ее; подкрѣпи слабое сердце твоей Эльмины!“ ... Она сѣла и задумалась; ей казалось, что голосъ матери, нѣжной и кроткой, говорилъ ей: *бѣги, Эльмина! бѣги, пока есть время!* ... *Ты на краю пропасти! нужна рѣшительность и твердость! Бѣги, Эльмина!* — ... Исполню волю твою, о милая родительница! сказала Эльмина съ жаромъ: я рѣшилась;

ѣду сей же вечеръ! . . . Она взглянула на портретъ своей матери; чувство горести, сладкой и тихой, наполнило ея сердце. Ты еще жива для Эльмины, думала она: я слышала твой голосъ; онъ отдался въ моемъ сердцѣ. Ахъ! твои объятія не будутъ уже моимъ вѣрнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ. . . . но ты одна будешь оживлять мою душу; ты одна будешь подкрѣплять меня, слабую, осиротѣвшую!

Эльмина выходитъ изъ своей комнаты, съ твердымъ намѣреніемъ уѣхать въ тотъ же день въ Гиршбергъ, гдѣ жила ея тетка. Она была увѣрена, что отецъ согласится отпустить ее. Подошедши къ лѣстницѣ, Эльмина вспомнила обѣщаніе, данное Нельсону. Что онъ подумаетъ? Не льзя ли предупредить его? Но какъ? Не возможно! . . . Она остановилась въ размышленіи на первой ступени, и вдругъ услышала голосъ Госпожи Сульмеръ. . . . Эльмина тайно обрадовалась сему посѣщенію, которое не позволяло ей говорить объ отъѣздѣ съ отцемъ своимъ. Она сошла внизъ. „Со мной случилось - было великое несчастіе, сказала Госпожа Сульмеръ: я нарочно пріѣхала къ тебѣ сама, боясь, чтобы не испугали тебя пустыми разсказами. Нынѣ по

утру, на Вармбрунской дорогѣ, взбѣсились мои лошади. Кучеръ не могъ удержать ихъ; онѣ скакали прямо въ пропасть, и мы конечно бы упали въ нее, когда бы Господинъ Нельсонъ, которой, по щастію, попался намъ на встрѣчу, не бросился на лошадей и не остановилъ ихъ. Ты поблѣднѣла, моя милая!... Успокойся; опасность миновалась благополучно. Благодаря Нельсону, я отдѣлалась однимъ страхомъ, и теперь узнала, что этотъ молодой человѣкъ, всегда задумчивый и печальный, услужливъ и добродушенъ.“ — Правда, сказала Эльмина такъ тихо, что Госпожа Сульмеръ едва могла слышать: онъ подвергался великой опасности... — „Конечно, и я никогда не забуду его услуги. Только въ немъ есть странность: онъ дичится и бѣгаетъ отъ людей. Повѣришь ли, что я никакъ не могла уговорить его заѣхать ко мнѣ въ деревню? Онъ сказалъ, что не выдетъ изъ комнаты до 15 или 20 Ноября... Не чудно ли это?“ — Эльмина вздохнула и начала говорить о другомъ. Госпожа Сульмеръ просидѣла у нее часа три: время прошло; ѣхать въ городъ было уже поздно. Эльмина отложила отъѣздъ свой до слѣдующаго утра. Но тайный голосъ, голосъ безпокойно-

совѣсти твердилъ ей: *бѣги, Эльмина! бѣги, пока есть время!* . . . Она не имѣла силъ повиноваться ему; — рѣшительность исчезла; новыя мысли, новыя сомнѣнія волновали ея душу: Нельсонъ далъ слово не казаться на глаза ея! За чѣмъ же огорчать его отъѣздомъ? Она его не увидитъ: для чего же не остаться? . . . и Эльмина осталась.

Она слышала о Нельсоновомъ уединеніи, и желая знать всѣ подробности жизни его, свѣдала, что онъ оплакиваетъ отца, нѣжнаго и чувствительнаго. Такое сходство положеній совершенно очаровало Эльмину: образъ Нельсона, задумчиваго и печальнаго, день и ночь за нею слѣдовалъ. — Терзаясь раскаяніемъ и не имѣя силъ побѣдить страсти, Эльмина потеряла спокойствіе, лишилась сна, разстроила свое здоровье. Нельсонъ слышалъ о томъ и страдалъ: какъ мучительно приближеніе несчастія, когда не имѣемъ способа дѣйствовать, съ надеждою отвратить его! Нельсонъ не могъ видѣть Эльмины, не могъ ни съ кѣмъ говорить о болѣзни ея, дѣлалъ множество плановъ, одинъ другому противныхъ: то началъ писать къ Эльминѣ, и дралъ свои письма; то вдругъ собирался ѣхать въ Дрезденъ. . . . Часто приходило ему на

мысль увезти Эльмину. . . „Мы поселимся, думалъ онъ, въ тайномъ убѣжищѣ... Коралія будетъ съ нами. . . . Эльмина проститъ мою дерзость. . . . видя мою горесть, забудетъ свою собственную. . . мы будемъ вздыхать, проливать слезы, но будемъ неразлучны! — Что я говорю?... Мнѣ развратить Эльмину! оправить раскаяніемъ непорочную жизнь ея! мнѣ унизить Эльмину, образецъ совершенства, достойную обожанія! . . . Одна только Ангельская добродѣтель могла очаровать мое воображеніе. . . сердце мое, только восхищаясь ею, могло впасть въ заблужденіе! . . . О Эльмина! боготворя тебя, не могу питать въ себѣ обыкновенныхъ чувствъ! . . . Твоя любовь и добродѣтель равно для меня священны!“

Между тѣмъ Эльмина переселилась въ Вармбрунъ, къ водамъ; она приближилась къ Нельсону, и оживилась. Медики вездѣ разгласили, что они вылечили ее: Нельсонъ повѣрилъ, и рѣшился остаться на всю зиму въ Вармбрунѣ. Наконецъ Эльмина съ отцомъ своимъ уѣхала въ Гиршбергъ. Не смотря на ея отсутствіе, всякое утро лежали новые цвѣты на гробѣ Госпожи Б*. Эльмина поручила сію должность одной маленькой дѣвочкѣ, именемъ Ленѣ, крестницѣ ея машери:

такимъ образомъ невинность заступила мѣсто добродѣтели. Нельсонъ мѣсяца черезъ два узналъ, что Лена больна и не можетъ ходить на кладбище: на другой день онъ всталъ до свѣту, самъ отнесъ на гробъ цвѣты — и съ того времени ни дождь, ни снѣгъ не мѣшали ему исполнять сей произвольной обязанности съ величайшею почтительностію. Мысль, что Эльмина угадаетъ невидимую руку, которая приноситъ жертву праху матери ея, была для него восхитительна. Съ какимъ удовольствіемъ онъ садилъ и поливалъ цвѣты, столь любезные его сердцу по ихъ употребленію! Самая разлука уже казалась сносною. Нельсонъ, живучи въ Вармбрунѣ, заступалъ мѣсто Эльмины! . . . Въ самомъ дѣлѣ слыша о букетѣ цвѣтовъ, всякое утро приносимомъ на могилу Госпожи Б* во время Лениной болѣзни, она угадала истину; а тѣмъ, которые съ удивленіемъ говорили ей о сей странности, отвѣчала, что мать ея многимъ дѣлала добро, и что такая жертва есть конечно дѣйствіе признательной благодарности. *Тайна*, сказала она, *придаетъ ей гораздо болѣе цѣны.* Нельсонъ скрывался отъ самыхъ своихъ домашнихъ: никто изъ нихъ не зналъ, гдѣ онъ бываетъ такъ рано

по утру. Однажды застала его на дорогѣ ужасная буря съ градомъ. Нельсонъ едва могъ дойти до кладбища, и положивъ цвѣты, укрылся подъ большимъ деревомъ въ оградѣ. Тамъ, смотря на востокъ, въ ту сторону, гдѣ былъ Гиршбергъ, онъ съ нѣжнымъ удовольствіемъ воображалъ Эльмину, пробужденную шумомъ града: „она думаетъ обо мнѣ; знаетъ, что я „здѣсь, и жалѣетъ! . . Ахъ, нѣтъ! участь „моя достойна зависти! Благодарю Небо „за эту бурю, которая обращаетъ мы„сли твои на меня! . . . Эта глубокая „тьма скрываетъ отъ глазъ моихъ раз„дѣляющее насъ пространство. . . Я одинъ „съ своимъ воображеніемъ, и слѣдствен„но съ тобою; вижу, слышу вздохи „твои, и люблю густую тьму ночи бо„лѣе лучезарнаго дня! . . Ахъ! горест„ная любовь, осужденная на безмолвіе, „можетъ обнаруживаться только во мра„кѣ; днемъ надобно мнѣ притворяться, „скрывать слезы и тоску мою!“ . .

Буря не разбудила горестной Эльмины: она вставала обыкновенно въ пять часъ, какъ Нельсону надлежало итти изъ дому; отворяла окно — смотрѣла, каково время, — и мысленно провожала своего друга до кладбища. Буря сдѣлала ей гораздо болѣе вреда, нежели ему:

во весь тотъ день она чувствовала себя хуже обыкновеннаго; но ввечеру поѣхала въ кабинетъ эстамповъ. Выбравъ для себя нѣкоторые, Эльмина хотѣла уже итти — но вдругъ ноги ея подкосились. . . Вошли два человѣка, которыхъ, не смотря на темноту, она тотчасъ узнала: Госпожа Сульмеръ и Нельсонъ. . . „Боже мой! что съ вами дѣлается?“ сказала первая Нельсону, которой затрепеталъ, ударился объ столъ, отскочилъ назадъ, и съ трудомъ могъ отвѣчать нѣсколько словъ. Между тѣмъ Госпожа Сульмеръ, видя Эльмину, подошла къ ней и спросила объ ея здоровьѣ. Я дурно провела эту ночь, отвѣчала она тихимъ голосомъ: буря меня очень безпокоила. — „Какъ! развѣ ты боишься вѣтру и града?“ — *Боюсь ночью*, сказала Эльмина, и велѣла подвезти карету. Госпожа Сульмеръ захотѣла ѣхать съ нею; онѣ вышли вмѣстѣ.... Нельсонъ подалъ дрожащую руку Эльминѣ, которая въ замѣшательствѣ обступилась съ подножки — онъ схватилъ ее обѣими руками и стоялъ неподвижно. . . . Эльмина въ его объятіяхъ! . . Нельсонъ чувствуетъ ея дыханіе! . . . Страхъ, тайна и добродѣтель, для сердецъ нѣжныхъ и страстныхъ, украшаютъ неизъяснимою прелестію самые малѣйшіе случаи. Какая

благосклонность женщины легкомысленной и порочной могла бы такъ восхитить любовника, какъ въ сію минуту восхищался Нельсонъ! . . Онъ изумленъ своимъ блаженствомъ; ему кажется, что оно превосходитъ всѣ его желанія. . . . Не убилась ли ты? спросила Госпожа Сульмеръ. Эльмина хотѣла отвѣчать; но не могла сказать ни слова... Садится, и карета ѣдетъ. . . . Нельсонъ смотритъ въ слѣдъ за нею; уже не видитъ, но еще слышитъ вдали стукъ ея; скоро все исчезло, какъ минутное восхитительное сновидѣнїе; въ сердцѣ его осталось одно чувство живѣйшей любви и горести. Онъ возвращается въ лавку, видитъ нѣсколько отложенныхъ эстамповъ и слышитъ, что дѣвица Б* купила ихъ. Нельсонъ разсматриваетъ всякой эстампъ, желая угадать, для чего выбрала его Эльмина, и покупаетъ для себя такїе же; они тѣмъ болѣе ему нравились, что содержанїе ихъ было меланхолическое и трогательное — наконецъ онъ садится въ коляску и ѣдетъ въ Вармбрунъ.

Между тѣмъ здоровье Эльмины день ото дня слабѣло. Сдѣлали новой консилїумъ, и Медики объявили, что она въ злой чахоткѣ, но что можетъ еще вы-

здоровѣть, и совѣповали ей немедленно ѣхать къ Пирмонтскимъ водамъ. Нельсонъ узналъ все отъ Госпожи Сульмеръ, и былъ въ отчаяніи. Страхъ лишиться обожаемой Эльмины, которая любила его взаимно, оживилъ въ немъ раскаяніе. „И такъ я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, думалъ онъ, чтобы отравить ядомъ горести и сократить жизнь ея! не могъ скрыть тайны своей, побѣдилъ разсудокъ Эльмины, тронулъ сердце — и веду ее къ могилѣ!.. Какая же розница между мною и гнуснымъ развратителемъ?.. Ахъ! слабость можетъ быть столь же гибельна, какъ и злодѣйство!“.... Сія мысль устрашила Нельсона; пламенное воображеніе представило ему Эльмину умирающую!.. Тутъ узналъ онъ всю муку страсти, которая прошивна совѣсти, и съ которою мы не хотѣли бороться; судилъ себя жестоко, и признавался, что ѣхалъ въ Вармбрунъ съ темною надеждою не только узнать, но и прельстить Эльмину, и что внутренно ожидалъ всего отъ времени .... „Боже мой! воскликнулъ онъ съ ужасомъ: она не нашла бы защиты для себя ни въ чести моей, ни въ совѣсти; одна смерть могла ее у меня похитить; одна могила была ей вѣрнымъ убѣжищемъ!.. О Эльмина! переспань меня ужасаться! Живи,

живи, хотя бы надлежало мнѣ навѣки разсѣяться съ тобою и побѣдить любовь, которая, не смотря на угрызенїе совѣсти, милѣе всего для души моей!.. Ахъ! не забвенїе твое можетъ быть главнымъ для меня нещастїемъ: я найду утѣшенїе въ мысли, что ты жива и спокойна; но что буду, естьли перестану любить тебя?.. умру, уничтожусь душею!.. Можно прибѣгнуть къ великодушїю, когда жизнь мучительна; но какъ сносить ее, когда она есть только бремя?.. Такъ, мнѣ должно всѣмъ пожертвовать спокойствїю Эльмины; должно удалиться, и навѣки! Въ разлукѣ съ нею могу питать любовь и менѣе терзаться совѣстїю!“

Случай заставилъ Нельсона въ самомъ дѣлѣ исполнить сїе намѣренїе. Генрїету увѣдомили, что отецъ ея опасно боленъ въ Дрезденѣ; она спѣшила къ нему. Мужу не прилично было оспаться въ Вармбрунѣ; къ тому же Эльмина ѣхала въ Пирмонтъ. И такъ Нельсонъ отправился въ Дрезденъ, но съ великою горестїю; и хотя говорилъ самому себѣ, что уже никогда не возвратится въ Шлезїю, однакожь не рѣшился ни продать, ни отдать въ наемъ своего дому. Во всю дорогу онъ мучился страхомъ и жестокимъ предчувствїемъ. Видя кладбище или погребенїе, невольнымъ

образомъ думалъ объ Эльминѣ, и наконецъ не могъ вообразить ее безъ могилы и гроба! Сіи двѣ мысли сдѣлались въ его воображенїи нераздѣльными и произвели въ немъ такую глубокую меланхолїю, что иногда онъ казался помѣшеннымъ; часто трепеталъ, блѣднѣлъ и закрывалъ глаза съ ужасными судорогами въ лицѣ; въ другое время плакалъ, стоялъ неподвижно, ничего не слыхалъ и на вопросы не отвѣчалъ ни слова — когда же наконецъ приходилъ въ себя, тогда впадалъ въ уныніе и въ чрезвычайное изнеможенїе: онъ жаловался на слабыя нервы, и Генрїета, не подозрѣвая ничего болѣе, спокойно давала ему принимать Гофмановы капли.

Нельсонъ нашелъ тесіпя своего въ гнилой горячкѣ съ пятнами и не хотѣлъ впускать къ нему Генрїеты; но она уже заразилась сею болѣзнїю, слегла въ постелю и не встала. Опасность ея возбудила всю чувствительность мужа; но ему трудно было удалять отъ себя мысль, которая невольнымъ образомъ предсіавлялась ему и походила на ужасную радость. . . . Состояніе мучительное для сердца добраго и нѣжнаго, когда тайныя его желанїя, вопреки великодушнымъ правиламъ, не согласны съ законами добродѣтели! . . . Чтобы избавиться отъ

несносныхъ упрековъ совѣсти, Нельсонъ поступилъ какъ вѣрнѣйшій и нѣжный супругъ; не только ходилъ за больною, но даже не оставлялъ ее ни на минуту, и черезъ недѣлю самъ занемогъ горячкою. Генріета умерла въ десятой день: онъ уже чувствовалъ сильной жаръ, но былъ съ нею до послѣдней ея минуты; наконецъ его вынесли въ другую комнату. Видя на себѣ багровыя пятна, онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ думалъ, что заразился сею болѣзнію ходя за своею нещастною женою; сія мысль успокоивала его совѣсть. — Болѣзнь Нельсонова была продолжительна и казалась смертельною. Двенадцать дней онъ не выходилъ изъ безпамятства. Ложный слухъ о его кончинѣ разнесся и дошелъ въ Пирмонтѣ до Эльмины . . . Черезъ недѣлю она узнала, что Нельсонъ живъ; но смерть была уже въ груди ея.

Нельсонъ опамятовался, и первою его мыслію было: *я свободенъ*! Ему отдали письмо отъ Госпожи Сульмеръ, давно писанное: она увѣдомляла его, что Эльминѣ стало лучше. Онъ скоро выздоровѣлъ и спѣшилъ окончить дѣла свои, чтобы возвратиться въ Вармбрунъ; но, не смотря на перемѣну состоянія — не смотря на то, что былъ увѣренъ въ

любви взаимной — не могъ радоваться. Одна чистая совѣсть умѣетъ наслаждаться кроткою надеждою. Нельсону казалось, что Провидѣніе не можетъ благословить любви, которая столь долго была порочною. Онъ ѣхалъ съ неописаннымъ безпокойствомъ, предчувствуя ударъ судьбы, и наконецъ услышалъ въ Вармбруннѣ, что Эльмина возвратилась изъ Пирмонта умирающею, хотя всякой день бываетъ еще на гробѣ матери. . . .

Пораженный симъ извѣстіемъ, Нельсонъ окаменѣлъ въ душѣ своей; не могъ ни плакать, ни жаловаться на судьбу, и былъ въ страшной безчувственности до самой той минуты, какъ ему подали слѣдующую записку отъ Эльмины: „Наконецъ могу видѣться и говорить съ „вами безъ преступленія; завтра въ 5 „часовъ утра буду на кладбищѣ. *Эльмина.*“ Злощастный Нельсонъ, видя сіе милое имя, подписанное слабою, хладѣющею рукою, ожилъ въ сердцѣ, но только для страданія . . . Отчаяніе могло бы довести его до чего нибудь ужаснаго, естьли бы Эльмина не назначила ему горестнаго свиданія. „Такъ, говорилъ онъ, мнѣ должно видѣть еще смерть Эльмины, слышать ея послѣднее стенаніе, и тогда уже думать о концѣ ненавистнаго бытія

моего!“ Кровь его кипѣла; мрачная свирѣпость, казалось, истребила въ немъ чувствительность. Онъ старался собирать въ мысляхъ всѣ ужасы, чтобы ужаснѣе проклинать долю свою; сердце его, ожесточённое страданїемъ, не могло умилиться, и стремилось только къ изступленїямъ безумной злобы на судьбу; ненависть къ жизни побѣждала въ немъ самую любовь! . . .

Ввечеру Коралїя вошла къ нему въ комнату: Нельсонъ затрепеталъ. Невинная дочь напоминала ему священный долгъ хранить жизнь свою: онъ съ грознымъ видомъ оттолкнулъ ее. Коралїя испугалась, и думая, что она неумышленно сдѣлала какую нибудь вину, бросилась на колѣни, сложила руки и со слезами воскликнула: *простите*, *паленька*, *простите!* . . . Сїе любезное движенїе невинности тронуло Нельсона, не упѣшивъ его сердца. Онъ еще болѣе почувствовалъ горесть свою, лишась той обманчивой твердости, которая по крайней мѣрѣ не даетъ душѣ размягчиться . . . Онъ взялъ Коралїю на руки, заливаясь слезами. Милыя ласки ея привели его въ нѣжное умиленїе и въ то же время возбудили въ немъ горестную мысль . . .

„Такъ, сказалъ Нельсонъ, естьли оста-

нусь жить для тебя, то вѣрно долженъ буду видѣть смерть твою!“ . . . Онъ посадилъ ее на стулъ и, кликнувъ слугу, велѣлъ вынести. — Сія страшная ночь прошла для него въ неизъяснимой тоскѣ, не облегчаемой никакою надеждою. Онъ безпрестанно твердилъ себѣ, что Эльмина умираетъ отъ нещастной любви его, и вообразилъ наконецъ, что она, прежде знакомства съ нимъ имѣвъ отвращеніе отъ супружества, конечно бы не вышла за-мужъ до смерти жены его. . . . Сія мысль увеличила Нельсонову раскаяніе, такъ, что онъ даже не понималъ своей безразсудности. Угрызенія совѣсти бываютъ всего мучительнѣе, естьли преступленіе лишило насъ того самаго щастія, для котораго мы его сдѣлали.

Хотя Нельсонъ считалъ всѣ минуты сей долгой ночи, однакожъ не могъ безъ ужаса видѣть первыхъ лучей свѣта. „Что будетъ со мною, думалъ онъ, когда приближусь къ могиламъ; когда увижу Эльмину блѣдную, обезображенную, почти уже мертвую . . . на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ ее во всемъ блескѣ молодости и красоты! . . . Но мнѣ должно укрѣпиться въ сердцѣ: для того ли пойду къ ней, чтобы ускорить ея кончину?“ . . . Онъ пошелъ на

кладбище. Мысль, что Эльмина не знаетъ, можетъ быть, своей опасности и страхъ открыть ей глаза, вооружили его мужествомъ; а чтобы еще болѣе утвердиться въ семъ расположеніи, то онъ старался оживить въ растерзанной душѣ своей хотя слабую искру надежды, думая, что Медики часто обманываются, и что молодость легко можетъ спасти Эльмину.... Въ 5 часовъ Нельсонъ слышитъ стукъ кареты, съ трепетомъ обращаетъ глаза на ворота и хладѣетъ отъ ужаса, видя Эльмину.... Она уже не походила на ту прелестную женщину, которая плѣняла глаза цвѣтущею красотою; но казалась только тѣнію прежней Эльмины, все еще трогательною и пріятною, но слабою и томною — едва идущею въ сію обитель смерти — едва сносящею свѣтъ утренній и готовою скрыться въ могилѣ, на которую она въ безмолвіи опиралась. Подлѣ гроба сдѣлано было дерновое канапе: Эльмина сѣла... Нельсонъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на нее глазами отчаянія... Она движеніемъ руки указала ему подлѣ себя мѣсто... Сіи нещастные любовники, которые еще никогда не говорили другъ съ другомъ, наконецъ могутъ прервать молчаніе, но единственно для того, чтобы проститься навѣки... Эльмина

отъ слабости и сердечнаго волненія не въ силахъ сказать ни слова. Ея тяжелое дыханіе, блѣдность и помраченные глаза изображали, казалось, послѣднюю минуту жизни . . . Нельсонъ съ восклицаніемъ ужаса протянулъ руки къ Эльминѣ, которая опускаетъ голову на грудь его, говоря: „ахъ! какъ мило покоиться тутъ безъ угрызенія совѣсти!“... Тихій, но все еще милый голосъ ея проникнулъ во глубину Нельсонова сердца.... Эльмина смотритъ на него съ Ангельскою нѣжностію; еще живетъ, еще любитъ своего друга... Онъ прижимаетъ ее къ своей груди, и прелесть взаимной любви, которою душа ихъ въ первый разъ свободно наслаждалась, сильнѣе ужаснаго рока и самой смерти; она побѣждаетъ на минуту горесть! ... Эльмина, кажется, воскресаетъ; румянецъ блеснулъ на щекахъ ея, глаза наполнились слезами — а слезы давно уже были для нее жизнію.... Она вспала, положила руку на гробъ и сказала: „Нельсонъ! вотъ обыкновенный конецъ и самой щастливой страсти!“.. Онъ бросился на колѣна передъ нею и прижалъ къ сердцу руку ея... „Здѣсь, продолжала Эльмина, здѣсь любовь, подъ трогательнымъ видомъ сожалѣнія, плѣнила нашъ разсудокъ. Этотъ гробъ напо-

минаетъ мнѣ всѣ чувства и всѣ горести, которыя имѣла я въ жизни . . . Сюда Нельсонъ часто приходилъ вмѣсто Эльмины: здѣсь должно ему и впредь заступить ея мѣсто... Рука его будетъ украшать этотъ мраморъ цвѣтами . . . Я поручаю вамъ должность, и слѣдственно могу надѣяться, что вы будете хранить жизнь свою... Даете ли мнѣ слово?“.... Повинуюсь! воскликнулъ Нельсонъ: исполню волю твою, о другъ безцѣнный! Малодушное отчаяніе не прекратитъ жизни, которая была посвящена тебѣ. Будь покойна; будь увѣрена, что Небо сдѣлаетъ чудо и продлитъ наказаніе нещастнаго!.. Я стану жить и мучиться терпѣливо; страданіе есть моя должность и жертва любви.... Но развѣ не можемъ еще надѣяться? Судьба насъ соединяетъ“..

Эльмина сдѣлала знакъ головою, что не имѣетъ надежды; двѣ слезы выкатились изъ ея глазъ и блистали на длинныхъ ресницахъ; томная и милая улыбка украсила еще Ангельское лицо ея. „На что себя обманывать? сказала она: но Небо, прежде вѣчной разлуки нашей, даровало намъ нѣсколько минутъ блаженныхъ... Мы могли видѣться, говорить и любить другъ друга безъ упрековъ внутреннихъ... О другъ нѣжной! я оставляю тебѣ пріятность

ятное воспоминанїе! и ничто уже не запрещаетъ твоему сердцу меня оплакивать!“

Тутъ небо, покрытое облаками, еще болѣе омрачилось; зашумѣлъ вѣтеръ и дождь.... Нельсонъ закрываетъ Эльмину плащемъ своимъ. Имъ должно было разстаться. Эльмина становится на колѣни у гроба, поднимаетъ невинныя руки свои къ Небу и молится въ безмолвїи .... Прекрасные волосы ея падаютъ на плеча и на грудь... Молнїя живымъ блескомъ озаряетъ ей лицо: оно кажется лучезарнымъ и небеснымъ.... *Свершилось!* воскликнулъ Нельсонъ: *Ангельская душа ея переселилась на небо... Эльмина!*.... Она взглянула на него, встала, бросилась въ его объятїя, и блѣдныя, хладныя уста ея напечатлѣли нѣжный поцѣлуй на пламенныхъ устахъ Нельсоновыхъ... О чувство неизъяснимое, вмѣстившее въ себѣ муки и блаженство долговременной жизни! минута бы трая, въ которую душа испощила весь пламень свой; въ которую сильнѣйшее отчаянїе соединялось съ нѣжнѣйшими восторгами страсти, и сердце испытало всю способность свою любить, наслаждаться, мучиться!.. Сей первый поцѣлуй былъ чистъ подобно святой дружбѣ и — смерти!... Любовь сихъ

нещастныхъ не имѣла въ себѣ ничего земнаго, кромѣ напрасныхъ сожалѣній и горести....

Дождь усилился. Лудвигъ прибѣжалъ къ госпожѣ своей и хотѣлъ подать ей руку: Нельсонъ отталкнулъ его, взялъ ее на руки, донесъ до кареты, стоявшей у воротъ кладбища.... Карета ѣдетъ... Нельсонъ устремилъ на нее глаза свои; она удаляется, и силы постепенно въ немъ слабѣютъ: съ нею исчезаетъ его блаженство, желанія, остатокъ надежды и самое бытіе.... Она въѣзжаетъ въ темный сосновый лѣсъ и скрывается.... Нельсонъ затрепеталъ какъ умирающій послѣ долговременныхъ страданій и въ изнеможеніи горести упалъ на землю.. Память его запмѣвалась... но онъ видитъ на пескѣ слѣды Эльмининой кареты, и снова приходитъ въ себя... „Боже мой! думаетъ нещастный: она умираетъ, а я не съ нею!.. Можетъ быть, ее уже нѣтъ на свѣтѣ!“ ... Съ сею мыслію онъ всталъ, хотѣлъ бѣжать по слѣдамъ кареты, но колѣна его подогнулись; густое облако закрываетъ глаза; онъ падаетъ безъ чувствъ на дорогѣ.... Покойся, нещастный! наслаждайся нѣсколько минутъ безчувствіемъ!... Когда глаза твои откроются, ты не узнаешь свѣта; все для

тебя перемѣнится; увидишь передъ собою одну неизмѣримую пустыню и злополучіе безъ надежды!... Эльмины нѣтъ; она скончалась въ объятіяхъ отца своего.

Нельсонъ лежалъ безъ памяти около двухъ часовъ; наконецъ земледѣльцы увидѣли его и внесли въ хижину. Онъ образумился; видитъ плачущихъ крестьянъ; слышитъ, что они лишились своей благотворительницы — именуютъ Эльмину — и вторичной глубокой обморокъ на нѣсколько минутъ избавляетъ Нельсона отъ ужаснаго страданія. Онъ снова открываетъ глаза... Добродушное семейство въ безмолвіи окружаетъ его, и печальный звукъ колокола извѣщаетъ прихожанъ о смерти человѣка.... Нельсонъ, расперзанный, упомленный отчаяніемъ, кажется въ сію минуту примѣромъ твердости; повинуясь опредѣленію Небесному, онъ готовъ посвятить остатокъ жизни своей нещастію; но удивляется, что можетъ еще жить и мыслить!.. Хозяинъ отвезъ его домой. Недѣли двѣ онъ не вставалъ съ постели. Въ сіе время Господинъ Б* погребъ тѣло нещастной дочери въ могилѣ супруги своей. Естьли бы чувствительная Эльмина предвидѣла, что прахъ ея будетъ лежать вмѣстѣ съ прахомъ матери, то она не поручила бы

Нельсону жестокой должности, всякой день носишь цвѣты на гробъ ея. Не думая умереть такъ скоро, Эльмина хотѣла ѣхать въ Гиршбергъ, чтобы тамъ ожидать конца и быть погребенною въ семъ городѣ....

Искусство Медика возвратило здоровье Нельсону. Узнавъ, что гробъ Госпожи Б* есть и гробъ Эльмины, онъ велѣлъ везти себя на кладбище, упалъ на могилу, положилъ цвѣты на холодный мраморъ и не умеръ!... Съ сего времени всякое утро ясмины и резеда, омоченные слезами, украшаютъ могилу Эльмины. По чудесному постоянству злощастія НельсонЪ еще живъ (*)!... Милая дочь, вмѣсто утѣшенія, сдѣлалась для него предметомъ мучительнаго безпокойства: онъ увѣренъ, что лишится ее! Пылкое воображеніе въ немъ угасло; двѣ мысли безпрестанно занимаютъ душу его: *я убійца Эльмины и долженъ потерять Коралію!* Въ прошедшемъ находитъ онъ только *одно* жестокое воспоминаніе, а будущее есть для него ничто иное, какъ *ужасное предчувствіе!*

(*) Госпожа ЖанлисЪ говоритъ, что истинный анекдотъ подалъ ей мысль сочинить эту повѣсть.

II.

Горесть супруга (*).

Я навѣки разлучился
Съ другомъ сердца моего.
Рокъ ужасный совершился,
Въ немъ лишивъ меня всего.

Буду безъ нее терзаться
Непрерывною тоской:
Въ сердцѣ чувства сѣединятся
Въ чувство горести одной.

И веселья веселѣе,
Съ ней когда ихъ раздѣлялъ;
И печали я скорѣе
Въ милыхъ взорахъ забывалъ!

Все прошло! и я остался
Въ цѣломъ мірѣ сиротъ.
Вѣкъ мой щастливой прервался:
Ахъ! какъ былъ онъ коротокъ!

Другъ мой нѣжной раздѣляешь
Бремя горестей моихъ;
Раны сердца облегчаетъ —
Но лишь гробъ закроетъ ихъ.

Мнѣ судьба опредѣлила
Въ той одной надеждѣ жить...
Смерть меня съ ней разлучила,
Смерть опять соединитъ.

П. Пельскій.

(*) Авторъ написалъ это за мѣсяцъ до своей кончины: тѣмъ любезнѣе и трогательнѣе для насъ, друзей его, сіи печальные стихи! — К.

III.

Рѣчи Роменскаго Повѣта Маршала Василія Полетики, произнесенныя имъ въ собраніи Дворянства въ Полтавѣ (*).

1.

Выборъ гражданъ, которые управлять нами и судить насъ должны по законамъ, занимаетъ насъ теперь, сограждане! — Вручая имъ и мечь казни и вѣсы правосудія надъ собою, вы ввѣряете имъ купно свою честь, собственность, безопасность и спокойствіе. — Часы сіи для васъ драгоцѣнны; и хотя предметъ нынѣшняго собранія вашего столь важенъ, но я не знаю, извините ли вы собрата, который, любви и усердія своего къ вамъ не вмѣщая въ груди своей, отнимаетъ у васъ нѣсколько минутъ своими, для васъ (можетъ быть) ненужными разсужденіями. Изберемъ добродѣтельнѣйшихъ и умнѣйшихъ — тѣхъ, сограждане, которые любить отечество, страдать съ человѣчествомъ умѣютъ. Поручивъ себя такимъ, мы будемъ въ отечествѣ благополучны, въ домахъ спокойны. Сильный

(*) Благородныя чувства сего почтеннаго Малороссійскаго Дворянина достойны быть извѣстными Публикѣ. — К.

не станетъ угнетать слабаго, богатый бѣднаго — распри наши прекѣкутся — ссоры уничтожатся. Для прекращенія оныхъ мы будемъ приходить не къ судіямъ нашимъ, но къ миролюбивымъ наставникамъ — слова ихъ будутъ для насъ закономъ совѣсти, сильнѣйшимъ всѣхъ другихъ законовъ; а святилище правосудія храмомъ мира. Римляне, которыхъ сила владѣла съѣшомъ, а добродѣтель плѣняла оный, наставятъ насъ въ семъ случаѣ. — Подражая имъ, мы поищемъ своихъ Нумъ, своихъ Цинцинатовъ, своихъ Камилловъ за плугами, и поручимъ себя имъ. Имѣвшіе надобность и научившіеся съ прискорбіемъ защищать свою безопасность, лучше умѣютъ цѣнить общую. — Они не покупали богатствомъ своимъ справедливости, и продавать намъ ее не будутъ. Сограждане! слова сіи излились изъ сердца моего — оно желаетъ вамъ добра, желаетъ безпредѣльно — ими кончу. Педаретъ вышелъ въ Спартѣ — я выду въ Полтавѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ, съ живѣйшимъ восхищеніемъ, находя многихъ изъ васъ, согражданъ моихъ, достойнѣйшими меня, и не требуя мѣста между вами (*).

(*) Тогда Господинъ Полетика еще не былъ Маршаломъ.

2.

Къ Избраннымъ Судьямъ.

Наконецъ, судїи наши, вы уже во храмѣ правосудїя, куда вводитъ васъ довѣренность согражданъ вашихъ и власть Правительства. Вручивъ вамъ кормило суда и правды, они ввѣрили вамъ жребій спокойствїя и безопасности своей. — Я былъ тому свидѣтелемъ — и скоро чаю быть свидѣтелемъ вашего рвенія и безпристрастїя. Не найду, вѣрно, и не приведу къ вамъ ни одного угнетеннаго, оставленнаго безъ покровительства — ни одного гонимаго безъ защиты — вы сами ихъ узрите. Мѣсто засѣданїй вашихъ будетъ ихъ убѣжищемъ — а вы хранителями и чести и достоянїй ихъ. Чистая совѣсть, доброе имя и честь будутъ единственною для васъ наградою — но что же лестнѣе того для смертнаго и для сына отечества? Надѣясь, что истина и милость, любовь и соболѣзнованїе къ ближнему будутъ всегда двигать сердца; водить руки ваши — что вы всегда соединять будете милосердїе съ правосудїемъ. — Я оставляю васъ и выхожу спокоенъ.

3.

Обращая теперь взоръ нашъ на благо потомства, не находимъ ли мы первымъ для насъ закономъ просвѣщенїе? — Невѣжды не бываютъ никогда благополучными. Они не умѣютъ различать добра и зла — не умѣютъ любить перваго — гнушаться послѣднимъ; чистота нравовъ, доброта души, чужды имъ. И когда кажется, что намъ предоставлено нынѣ зажечь факелъ просвѣщенїя и разогнать въ отечествѣ нашемъ послѣднюю тьму невѣжества, то почтемъ сїе, сограждане, долгомъ для насъ священнѣйшимъ. Отцы! отъ васъ Природа требуетъ людей — общество членовъ — отечество гражданъ — и кто изъ васъ можетъ, но не хочетъ исполнить сего тройственнаго долга, тотъ недостоинъ сего почтеннаго имени, недостоинъ правъ родительскихъ. Конашевичи и Могилы! вы первые на отечественной тверди нашей воздвигли храмы Наукамъ. Съ усердїемъ ищу на ней того мѣста, гдѣ покоится прахъ вашъ, дабы надъ могилами вашими преклонить колѣна, пролить слезы благодарности и сказать изъ глубины сердца: „Да будетъ между нами свята, да бу-

детъ благословенна память ваша! Хочу жить духомъ между вами, когда съ соболѣзнованіемъ вижу, что труды и жертвы ваши для отечества не приносятъ нынѣ плодовъ своихъ — вы были творцами, а Кіевъ колыбелію немногихъ нашихъ любителей Наукъ — нашихъ сыновъ отечества; но не вы — не вы, великіе мужи, причиною, что насажденія ваши не возродили между нами ни Кодровъ, ни Леонидовъ, ни Фокіоновъ, въ любви къ отечеству; ни Гомеровъ; ни Демосѳеновъ, ни Цицероновъ, въ талантахъ; ни Невтоновъ, ни Бюфоновъ, въ ученостяхъ.“ Мы были ко всему способны. Просвѣщенные народы всегда находили насъ таковыми; но недѣятельность наша отнимала у насъ мѣсто между ими — отнимала, можно сказать, славу быть изъѣстными свѣту. Великіе умы, подобно нѣкоему призраку, между нами являлись, и не находя для себя у насъ поприща безсмертныхъ дѣлъ, туне исчезали. По крайней мѣрѣ теперь изгладимъ, сограждане, сіе справедливое на насъ рода человѣческаго нареканіе — и покажемъ свѣту, что и въ Малой Россіи въ девятомъ-надесять вѣкѣ жили благородные не столько по имени, сколько по дѣламъ своимъ люди, любили отечество свое —

помнили благо общее — пеклись о потомствѣ и человѣчествѣ. Вамъ уже извѣстно, что великодушный начальникъ нашъ, Князь Алексѣй Борисовичь Куракинъ, приглашаетъ насъ быть основателями училища, въ которомъ бы образовались умы и сердца юныхъ нашихъ отраслей — сей единой надежды нашего отечества. Въ отвѣтѣ своемъ я имѣлъ щастіе сказать ему, что не найду между вами ни одного ненавистника просвѣщенія, ни одного человѣконенавидца : оправдайте меня, и купно себя предъ нимъ. Не позабудьте, что отъ васъ требуютъ одной святой жертвы для потомства и отечества. Я надѣюсь, что благодѣтельное Правительство позволитъ намъ на зданіи, созидаемомъ для сего училища, собственными руками надписать: *школа отечества* , и что въ ней ничего упущено не будетъ для совершенства воспитанія. — Дѣти наши будутъ, подъ нашимъ смотрѣніемъ, возрастать и успѣвать въ Наукахъ и благонравіи. — Въ учителяхъ своихъ найдутъ они для себя просвѣтителей, — въ насъ же самихъ примѣры всѣхъ патріотическихъ добродѣтелей. — Дѣти добрыхъ родителей, сколь охотно подражая имъ, не всегда ли бываютъ добрыми? Въ семъ училищѣ

Науки поддерживающія общество, согласіе, Вѣру и Природу, предпочтутся всѣмъ инымъ. Тѣлу и духу питомцевъ дадутся равныя упражненія. Исполнивъ сіе, можетъ ли кто изъ васъ сомнѣваться, чтобъ потомки наши не осыпали могилъ нашихъ цвѣтами благодарности, и, мимоидя, со вздохомъ души и сердца не сказали: *покойся, любезный прахъ виновниковъ и бытія и блаженства нашего* (*)!

(*) Въ четвертой рѣчи Господинъ Политика напоминаетъ согражданамъ великихъ мужей Малороссіи: Хмѣльницкаго, который освободилъ ее отъ ига Поляковъ, и Наливайка, который умеръ съ честію и славою за отечество. Онъ заключаетъ обращеніемъ къ сыну: „Я привелъ тебя „въ сіе благородное собраніе нашихъ сограждан единственно для того, чтобы „ты здѣсь между нами научился любить „отечество, и въ юномъ сердцѣ своемъ „положилъ первыя основанія патріотическихъ добродѣтелей.“

IV.

Анекдоты и мысли, переведенныя изъ Французскихъ Журналовъ.

Обыкновеніе *пить здоровья* есть древнее. Гомеръ и другіе Авторы Греческіе упоминаютъ объ немъ. Оно было введено и въ Римѣ. Чьего здоровья не пили за столомъ, тотъ считалъ себя обиженнымъ и явно изключеннымъ изъ числа друзей хозяина.

Кто хочетъ дѣлать опыты надъ повѣшенными, тому надобно ѣхать въ Англію: туда и поѣхалъ Докторъ Альдини, славный своими Гальваническими опытами. Первый висѣльникъ, который имѣлъ честь быть ему представленъ, ощутивъ дѣйствіе Гальванизма, устремилъ глаза на присутствующихъ и началъ размахивать руками, какъ Лондонскіе акперы. Сперва Англичане испугались; а послѣ сей случай сдѣлался предметомъ многихъ каррикатуръ.

Одинъ проповѣдникъ, описывая съ великимъ жаромъ развратъ нашего вѣка, сказалъ: „Не ужасно ли видѣть, что „младенцы, еще не умѣя ни ходить, ни „говорить, уже бѣгаютъ по улицамъ и „громогласно поносятъ священную?“

Самый важный изъ звѣрей есть оселъ, самая важная изъ птицъ сова, самое важное изъ водяныхъ животныхъ устрица, самый важный изъ людей глупецъ.

Одинъ провинціальный Англійскій Комедіантъ писалъ къ другу своему слѣдующее: „Наконецъ, любезный другъ, „мы пріѣхали въ Оксфортъ, оттуда въ „въ почтовой коляскѣ магазины снѣга и „града. Вѣтры и бури остались назади; „а зефиръ, къ нещастью, совсѣмъ про„палъ. Громъ треснулъ въ дорогѣ, а „двѣ молніи испортились. Рѣки наши и „море ѣдутъ водою. Сдѣлай милость, „привези съ собою нѣсколько облаковъ и „радугу; не забудь также и водопада: „старой отъ неосторожности сгорѣлъ. „Увѣдомь, что заплатилъ ты за двѣ „горы; а всего скорѣе пришли мостъ и „крѣпость вмѣстѣ съ моимъ бѣльемъ.“

Чувствительность необходима для Поэтовъ, такъ же, какъ храбрость для воиновъ. Поэзія есть живопись, для которой мысль рисунокъ, а чувство краски.

Сен-Ламберъ имѣлъ два порока: молчаливость и откровенность. Какъ рѣдки такіе люди, и сколько у нихъ антиподовъ!

Людовикъ XIV сказалъ Массильйону: „Слушая другихъ проповѣдниковъ, я бы-

„ваю доволенъ ими; слушая васъ, бываю „очень недоволенъ собою.“

Папа Ламбертини велѣлъ Аббату Гальяни собирать для него окаменѣлости. Аббатъ отправилъ ихъ къ нему цѣлый ящикъ съ сею запискою: *скажи, да будутъ камни хлѣбами!* Ламбертини написалъ въ отвѣтъ къ Гальяни: „Съ сего дня вамъ „назначается пенсія. Вы не должны „сомнѣваться въ могуществѣ Папъ: те„перь видите новое его доказательство. „Мое дѣло есть изъяснять тексты Св. „Писанія и разумѣть ихъ истинный „смыслъ: въ семъ случаѣ я понялъ его съ „сердечнымъ удовольствіемъ.“

Ничего не можетъ быть страннѣе нашихъ вечернихъ собраній. Благоразумной человѣкъ спроситъ у себя: *за чѣмъ я здѣсь? за чѣмъ здѣсь они?* Самыя дѣти гораздо лучше проводятъ время свое. Сіе обыкновеніе съѣзжаться гдѣ нибудь всякой вечеръ довершаетъ въ глупцѣ дѣло Натуры, то есть, дѣлаетъ его совершеннымъ глупцомъ.

Насъ увѣряли, что *Энциклопедія* должна прославить и вѣкъ и Францію; но Авторы ея полагаютъ Тартарію въ Африкѣ (въ словѣ Altin), а Туркомановъ въ Индіи (въ словѣ Allamar); превращаютъ горы въ народы (въ словѣ Ambo hiſtèmes), заливъ морской въ городъ (въ словѣ Galata),

Хронику Виктора Пальмы Каета въ рыцаря (въ словѣ déf d'armes) и десятый Аѳинскій мѣсяцъ, Элафеволіонъ, въ-гору.

Магдебургскій Богословъ, именемъ Симеонъ Геддикусъ, напечаталъ въ 16 вѣкѣ книгу, въ которой онъ увѣряетъ, что женщины не принадлежатъ къ роду человѣческому. Куясъ утверждалъ то же мнѣніе; къ нему пристали и Голландскіе ученые. Аристотель называетъ рожденіе женщины заблужденіемъ Природы. Въ Испаліи вышла толстая книга, въ которой доказывается, что въ женщинахъ нѣтъ души. Одинъ Епископъ, въ Бургонскомъ Концилїумѣ, сказалъ, что ихъ не должно включать въ число людей. Всѣ такія прекрасныя учтивости дошли наконецъ до свѣдѣнія женщинъ: мудрено ли, что онѣ разсердились и стараются иногда мстить какъ мужьямъ, такъ и любовникамъ?

Тальенъ не давно имѣлъ тяжбу съ женою покойнаго Доктора Навье, которая требовала съ него 1200 ливровъ за то, что мужъ ея вылечилъ его отъ лихорадки. Медикъ *Гильйотенъ* доказалъ судьямъ справедливость требованій Госпожи Навье. Тальенъ вышелъ изъ суда въ великой досадѣ, и сказалъ одному изъ друзей

своихъ, которой остановилъ его на лѣс-ницѣ: „пусти, пусти! меня *гильйотинировали!*“

Для тѣхъ, которые многимъ вещамъ не хотятъ вѣрить, выписываемъ слѣдующій анекдотъ. Посолъ одной сѣверной Державы разсказывалъ Сіамскому Царю о состояніи Европейскихъ государствъ, и Царь слушалъ его съ великимъ любопытствомъ; но когда онъ вздумалъ увѣрять, что въ нѣкоторое время года вода у нихъ мерзнетъ и люди ѣздятъ по ней въ каретахъ, то Индѣйскій Монархъ сказалъ ему: „Довольно, довольно, Господинъ Посолъ! вы надо мною смѣетесь. „Говорите теперь, что хотите; я уже „ничему не повѣрю.“

Россійская Императрица прислала Вольтеру костяную табакерку, выпочен-ную Ею самою. Сія табакерка подала ему забавную мысль. Онъ прибѣгнулъ къ искусству своей племянницы, учился — и послалъ къ ЕКАТЕРИНѢ начало бѣлаго шелковаго чулка, имъ самимъ вывязан-наго, вмѣстѣ съ прекрасными стихами, въ которыхъ Вольперъ говоритъ Императрицѣ, что получивъ отъ женщины работу мужскую, мущина посылаетъ Ей работу женскую своего рукодѣлья. Мы слышали

сей анекдотъ отъ человѣка, которой самъ былъ погда въ Фернеѣ и видѣлъ славнаго Автора, вязущаго чулокъ!

V.

О щастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбїе, безъ сомнѣнїя, заставило Цицерона хвалить старость; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумїю легко плѣнять разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствїя Натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и не льзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношенїи. Оптимизмъ есть не Философїя, а игра ума; Философїя занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ снять для человѣка завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть

силы увѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній миръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе; сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожь слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другова — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физиче-

скаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное) но — *послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствующъ въ полномъ развитіи, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія.* Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія.*

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Естьли бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли уклонясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать-пять лѣтъ безъ сомнѣнія

не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль — за удовольствіями; перестаемъ странствовать по пуманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*; живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его доспоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ моральное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. . . . Поля, нашими прудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи

призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. . . . . такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! . . . . Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній. . . . Ясный взоръ на міръ открываетъ истины, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость

любимъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признанїе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбїе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнїя и смерти открывая ей путь безсмертїя талантовъ и разума: мысль, утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытїемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желанїй! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню щастїя: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденїямъ, которая бываетъ мукою; его и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнїя страстей, а въ полномъ развитїи ума, въ мирныхъ прудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы сказать я солнцу: *остановися!* если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гробъ!*

— *Т.*

VI.

О Рускомъ переводѣ Анахарсиса.

Слава сего безсмертнаго творенїя столь велика и такъ утверждена во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ Европы, что оно уже не требуетъ похвалы нашей. Естьли спросимъ у знающаго Литтератора: какая книга есть славнѣйшая изъ всѣхъ, вышедшихъ въ послѣднюю четверть осьмаго-надесять вѣка, то онъ конечно наименуетъ *Путешествїе Анахарсиса.* Барѳелеми оживилъ для насъ Грецїю со всѣми ея великими мужами и происшествїями, со всѣми памятниками геройства, ума, Философїи, Искусства и талантовъ; со всѣми законами, обычаями и нравами, сколь любопытными. Читая книгу его, мы видимъ и слушаемъ Грековъ; пространство временъ исчезаетъ, и глубокая древность является намъ въ блескѣ и въ свѣжести настоящаго. — Давно уже любители нашей Словесности знали, что Господинъ Страховъ, Профессоръ Московскаго Университета, занимается переводомъ *Анахарсиса*, и съ нетерпѣнїемъ ожидали его на Рускомъ языкѣ: наконецъ первый томъ отпечатанъ и выдается при подпискѣ на слѣдующїе, которые немедленно будутъ выходить одинъ за дру-

гимъ. Съ радостною признательностїю объявляемъ Публикѣ, что мы обязаны напечатанїемъ сей важной и полезной книги щедротамъ МОНАРХА: ОНЪ благоволилъ прислать на то шесть тысячъ рублей. Ободренїе талантовъ и награда трудовъ должны способствовать успѣхамъ нашей Литтературы, ко славѣ нынѣшняго щастливаго царствованїя. — Чистый и правильный слогъ Господина Стрáхова уже извѣстенъ Публикѣ. Сравненїе Рускаго *Анахарсиса* съ оригиналомъ покажетъ знающимъ Французскій языкъ, сколь вѣренъ и хорошъ переводъ; а другїе могутъ читать его какъ подлинникъ.

VII.

Славный и великій Орденъ Дураковъ.

Клевскій Графъ Адольфъ въ 1381 году учредилъ *Орденъ Дураковъ*, и принялъ въ него 35 знатнѣйшихъ Рыцарей Германіи. Статуты его и донынѣ хранятся въ Клевскомъ архивѣ, и зеленыя восковыя печати Рыцарей, привязанныя къ пергаменту, еще цѣлы. Знакъ Ордена вышивался на платьѣ и представлялъ дурака въ красномъ колпакѣ, въ арлекинскомъ кам-

золѣ, въ одной рукѣ съ гремушкою, а въ другой съ золотымъ блюдомъ, которое было (не извѣстно, по чему) символомъ любви между *братьями*: такъ называли другъ друга Члены Ордена. Они собирались въ Клевѣ, однажды въ годъ, и засѣданія ихъ продолжались недѣлю: начинались и кончились въ Воскресенье. Всякой Членъ долженъ былъ непремѣнно явиться къ сему времени, кромѣ тѣхъ, которые путешествовали въ чужихъ земляхъ. Ежегодно избирали Короля и шесть Совѣтниковъ: они управляли дѣлами общества. Кто выходилъ изъ дому безъ Орденскаго знака, то есть безъ *вышитаго дурака*, платилъ штрафъ въ пользу бѣдныхъ. Во Вторникъ, рано по утру, всѣ Члены ходили въ Соборную церковь молиться за усопшихъ братій своихъ; а тѣ, которые были между собою въ ссорѣ, долженствовали въ Пятницу, въ присутствіи Короля и Совѣтниковъ, дружески обняться и помириться *прежде захожденія солнца*. — Сіе общество доказывало, что наружность бываетъ обманчива, и что подъ видомъ шутки можетъ скрываться важное и полезное.

Такой же *Орденъ Дураковъ* учрежденъ былъ около половины 14 вѣка нѣкоторыми Польскими Магнатами. Главный изъ

нихъ назывался Псомка. Они избирали (слѣдуя уставу Польской Республики) Короля, государственнаго Совѣтника, Кастеллана, Егермейстера, и всякаго жалували въ чинъ согласно съ его страстію, порокомъ и смѣшными свойствами: на примѣръ, охотника до собакъ въ Егермейстеры, лже-храбрецовъ въ Фельдмаршалы, и проч. Никто не могъ отказаться отъ диплома. Въ короткое время *общество Дураковъ* такъ размножилось, что всѣ придворные были его Членами и чиновниками. Только однихъ *пасквилянтовъ* не принимали въ Орденъ. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы удерживать молодыхъ людей отъ пороковъ и дурныхъ привычекъ: слѣдственно она была почтенна, не смотря на смѣшную форму. —

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

VIII.

Объ имени рѣки Яхромы.

Какъ бы хорошо было собрать всѣ Русскія преданія, которыя имѣютъ отношеніе или къ Исторіи или къ старинным обыкновеніямъ! Я похвалилъ бы Руского, которой бы съ симъ намѣреніемъ взду-

малъ объѣздить нѣкоторыя страны нашего отечества; но вѣроятно, что не скоро сыщутся такіе охотники. Между тѣмъ мы хотѣли бы, чтобы просвѣщенные жители разныхъ Губерній старались узнавать любопытныя преданія о началѣ ихъ городовъ, объ имени рѣкъ, и взяли на себя трудъ сообщать намъ сіи извѣстія. Даже и сказки достойны уваженія, когда онѣ освящены характеромъ древности. На примѣръ, всѣ знаютъ рѣку Яхрому въ Московской Губерніи, и многіе десять разъ переѣзжали черезъ нее; но кто знаетъ, отъ чего она такъ называется? Старики въ городѣ Дмитровѣ, на ней построенномъ, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ.

Князь Юрій Владимірович, строитель Москвы и Дмитрова, ѣздилъ на охоту вмѣстѣ съ Княгинею, женою своею, близь рѣки Яхромы. Княгиня шла пѣшкомъ по берегу, оступилась, упала, зашибла себѣ ногу и закричала: *ахъ! я хрома!* Князь Юрій, нѣжный супругъ, хотя и не очень вѣрный, бросился къ ней безъ памяти; увидѣлъ, что нога цѣла — но слова: *я хрома!* такъ врѣзались въ его душу, что онъ обратилъ ихъ въ имя сей рѣки. — Правда или нѣтъ, кому рѣшить? но любопытно и достойно

замѣчанія, тѣмъ болѣе, что мы не богаты старинными анекдотами. Лѣтописи говорятъ, что Князь Юрій основалъ Дмитровъ въ память рожденія сына Всеволода, названнаго въ Св. Крещеніи Дмитріемъ. Преданіе добавляетъ, что Княгиня разрѣшилась отъ бремени въ дорогѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ сей городъ; и что Юрій вмѣстѣ съ супругою ѣздилъ оттуда водою на богомолье въ Кириловскій монастырь. Г. Миллеръ справедливо замѣтилъ, что это не могло быть, когда и самого Кириловскаго монастыря во второмъ-надесять вѣкѣ еще не было; да и Яхрома такъ мѣлка, что по ней никакія суда не ходятъ. „Однакожъ, прибавляетъ онъ, „жители вѣрятъ сему преданію: ибо они „просили въ Сенатѣ возстановить *древнее* „судоходство ихъ рѣки для выгодъ торговли.“ Мнѣ кажется, что преданіе ошибается только въ имени Князя: не Юрій, а Царь Иванъ Васильевичъ, какъ по извѣстно намъ по Исторіи, ѣздилъ изъ Дмитрова водою въ Кириловскій монастырь съ Царицею и съ новорожденнымъ сыномъ, также Дмитріемъ. Слѣдственно Яхрома и въ пятомъ-надесять вѣкѣ была судоходна. Надобно, чтобы Г. Миллеръ забылъ сей случай.

ПОЛИТИКА.

I.

Важность Мальты для Англіи.

(Сочиненіе Англичанина Георга Орра, изданное имъ въ Февралѣ 1803.)

Французы, предпрїявъ завоевать Египетъ, были столько увѣрены въ важности Мальты, что прежде всего хотѣли взять ее. Они знали, что безъ сего острова не льзя спокойно владѣть Египтомъ: ибо Мальта лежитъ на половинѣ пути и есть самое лучшее мѣсто отдохновенїя; тамъ всего удобнѣе завести магазины и соединять транспорты. Мальтїйскіе Кавалеры и жители острова, ослѣпленные блескомъ Французскаго оружїя, обманутые ложными понятїями свободы и равенства, отдали бъ руки Генерала Бонапарте землю и вольность свою. Хотя Французы такимъ образомъ легко завоевали Мальту, но Англїя могла только долговременною осадою, соединенною съ великими издержками, выгнать ихъ оттуда.

Англїя и Францїя всегда отъ времени до времени воевали другъ съ другомъ:

вѣроятно, что и впредь то же будетъ. Положенїе Мальты таково, что владѣющїй ею долженъ имѣть великія выгоды въ воинскихъ дѣйствїяхъ на Средиземномъ морѣ. Мысль возстановить Мальтїйскїй Орденъ недостойна нашего вѣка. Прошло время невѣжества, суевѣрїя и Крестовыхъ Походовъ, когда народъ съ народомъ, Государь съ Государемъ и человѣкъ съ человѣкомъ сражались за ложныя понятїя о Божествѣ, за различныя мнѣнїя о предметахъ, намъ неизвѣстныхъ. Рыцари обязывались не жениться, въ противность гласу Натуры и волѣ Провидѣнїя, Которое хочетъ размноженїя людей; обязывались также вѣчно воевать съ невѣрными, съ Турками, съ Африканцами, и предпрїятїями своими не рѣдко приводили въ затрудненїе Европейскія Державы. Кто думаетъ нынѣ, чтобы Христїяне должны были плавать въ крови не-Христїянъ? Сверхъ того, что значитъ горсть сихъ жалкихъ, спрашствующихъ Рыцарей въ политическомъ равновѣсїи Европы? Когда же Французы такъ усердно желаютъ возстановить Орденъ, то для чего не возвращаютъ они ему конфискованныхъ его владѣнїй во Францїи? Они скажутъ намъ то же, что сказалъ однажды Алжирскїй Дей,

когда требовали отъ него возвращенія корабля, несправедливо взятаго Алжирцами. *Гусь ощипанъ*, отвѣчалъ сей повелитель разбойниковъ: *вѣтеръ унесъ его перья: кому собрать и наклеить ихъ?*

Когда мы рѣшились сдѣлать высадку въ Египтѣ, то Правительство наше почувствовало необходимость выгнать Французовъ изъ Мальты; безъ сего завованія Англійская армія не могла держаться на берегахъ Египетскихъ. Корабли, бывшіе въ гаванѣ острова, имѣли бы способъ брать наши транспорты и перехватывать всѣ нужные для воинскихъ дѣйствій подвозы. Мальта уподоблялась бы тогда непріятельской крѣпости, оставленной позади арміи. — Кромѣ того Французы, занимая Мальту, отнимали у Англичанъ единственное удобное мѣсто для госпиталей и магазиновъ.

Однимъ словомъ, сей островъ такъ важенъ, и завоеваніе его сопряжено съ такими издержками и трудностями, что Великобританнія никогда не должна отдавать его. Французы обманули насъ въ Амьенскомъ трактатѣ условіемъ, чтобы Мальту заняли войска Неаполитанскаго Короля: ибо его корона въ рукахъ Бонапарте. Въ самую ту минуту, какъ Французы потребуютъ ключей Ла-Ва-

летны, они смѣнятъ Неаполитанцевъ и въ Мальтѣ.

Мальта драгоцѣннѣе всѣхъ иныхъ завоеваній, и всѣхъ менѣе стоитъ для Англичанъ. Италія и Сицилія, столь близкія, изобильно надѣляютъ ее съѣстными припасами. Она есть самое удобное мѣсто какъ для Англійскаго гарнизона, такъ и для морскаго арсенала, и доставляетъ нашей торговлѣ на Средиземномъ морѣ столько выгодъ, что мы легко можемъ обойтись безъ всѣхъ Италіянскихъ гаваней, которыя зависятъ нынѣ отъ Бонапарте.

Никакая новая экспедиція Французовъ въ Египетъ изъ южной Франціи или Италіи не можетъ пройти мимо сего острова; а если и пройдетъ въ отдаленіи, то мы имѣемъ средства всячески мѣшать подвозу нужныхъ вещей, безъ которыхъ она не будетъ имѣть успѣха. Британскіе Офицеры, бывшіе въ Египтѣ, знаютъ, что Мальта всего болѣе помогла намъ овладѣть имъ. Она есть *лодзорная башня* Средиземнаго моря и гораздо выгоднѣе Гибралтара. Въ ея гавани всѣ Британскіе флоты могутъ вмѣститься безопасно, а въ Гибралтарѣ нѣтъ вѣрнаго пристанища ни для одного

корабля — и содержанїе его весьма убыточно для Англїи.

Ни Кавалеры, ни жители Мальтїйскїе не хотятъ возобновленїя стараго порядка вещей; по крайней мѣрѣ они не изъявили торжественно сего желанїя. Странно и смѣшно заботиться о правѣ бѣдныхъ рыцарей, по большой части стариковъ, въ то время, когда Герцоговъ и Королей безъ всякихъ чиновъ согнали съ троновъ!

Англичане, владѣя симъ важнымъ мѣстомъ, могутъ повелѣвать берегами Африки, Египта, Сиріи, Сицилїи, Италїи, южной Францїи и Гишпанїи. И такъ все убѣждаетъ ихъ не возвращать Мальты. Хотя они Амьенскимъ трактатомъ обязались отдать ее; но какъ Франція послѣ сего времени присвоила себѣ цѣлыя земли, то мы справедливымъ образомъ можемъ удержать за собою по крайней мѣрѣ одну Мальту.

Нѣтъ сомнѣнїя, что Бонапарте при первомъ разрывѣ съ Великобританнїею обратитъ глаза на Востокъ. Когда Эвїопская армїя могла пройти въ Китай; когда Александръ Великїй обошелъ съ войскомъ большую часть Азїи и разбилъ Царя Пора на берегахъ Инда, то для чего и Французамъ не успѣть въ подоб-

номъ предпрїятїи? Имъ остается выбрать одинъ изъ двухъ возможныхъ плановъ: или отправить флотъ въ Индїю, или послать туда войско сухимъ путемъ. Первый планъ не обѣщаетъ успѣха, ибо мы на морѣ гораздо ихъ сильнѣе. Вѣроятнѣе, что они захотятъ пробраться туда черезъ Египетъ и Красное море, или черезъ Персїю, путемъ Александра Великаго. 500 или 400 Мамелюковъ, которые оставили свое отечество и принадлежатъ нынѣ къ Консульской гвардїи, будутъ весьма полезны для Бонапарте, когда ему вздумается снова овладѣть Египтомъ. Соединенные языкомъ, обычаями и нравами съ жителями сей земли, они могутъ склонять ихъ на сторону Французовъ, могутъ быть вѣрными путеводителями въ случаѣ высадки. — Консулу легко открыть себѣ и другой путь къ странамъ Востока: черезъ Италїю и Грецїю. Естьли Турки не захотятъ пропустить его войска черезъ свои Азїатскїя провинцїи, то Французы возьмутъ Константинополь и свергнутъ Султана. Когда Австрїя и Россїя имъ не помѣшаютъ, то они пройдутъ черезъ Дарданеллы какъ черезъ По или Реинъ. Въ такомъ случаѣ Мальта будетъ весьма полезна для Англичанъ: владѣя симъ

островомъ, они могутъ разстроить планъ Французовъ, которые должны будутъ взять съ собою флотъ до береговъ Малой Азіи.

Когда у Европейцовъ прошла охота къ Крестовымъ Походамъ; когда Государи увидѣли, сколь неблагоразумно жертвовать Фанатизму кровію подданныхъ и милліонами, тогда Рыцари Храма и Св. Іоанна были преданы судьбѣ ихъ. Сіи Рыцари сражались съ удивительною храбростію за всякой шагъ въ Святой Землѣ, и всего долѣе оборонялись въ крѣпости Св. Іоанна Акрскаго. Принужденные оставить ее, переселились на островъ Родосъ: Турки выгнали ихъ и оттуда. Рыцари овладѣли Кипромъ; наконецъ также уступили его Оттоманамъ, убивъ ихъ около 100,000; спаслись въ маломъ числѣ, обратились къ Папѣ, которой, подобно своимъ предмѣстникамъ, возбуждалъ Европу къ святой войнѣ; требовали отъ него помощи, получили Мальту, и сей островъ, укрѣпленный Натурою, еще болѣе укрѣпили искусствомъ, такъ, что Турки никакъ уже не могли выгнать оттуда вѣчныхъ враговъ своихъ.

Всякое учрежденіе имѣетъ конецъ свой. Сіе время настало для Мальтій-

скаго Ордена. Одинъ Папа желаетъ искренно его возстановленія: не мудрено ему хотѣлось бы возспановишь всѣ учрежденія мрачныхъ вѣковъ суевѣрія. Консулъ объявилъ себя покровителемъ Ордена единственно для того, чтобы имѣть Мальту въ рукахъ своихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Политика требуетъ, чтобы Англія всячески старалась пріобрѣсти дружбу Персіянъ, которые могутъ не пустить Французовъ въ землю свою. Правительство наше имѣло сіе намѣреніе: жаль, если ли убійство Персидскаго Посла въ Индіи разстроитъ сію связь, нужную для безопасности Англійскихъ владѣній въ Азіи.

Персіяне были нѣкогда храбрымъ народомъ, и нынѣ еще имѣютъ воинскій духъ; только у нихъ нѣтъ порядка, нѣтъ устройства, безъ котораго многочисленныя арміи всегда будутъ побѣждены малымъ числомъ. Англія можетъ пріучить ихъ къ Европейскому военному искусству, отправивъ въ Персію Офицеровъ нашей Индѣйской арміи, которые почти всѣ разумѣютъ Арабской и Персидской языкъ.

Новые Французскіе Писатели увѣряютъ, что Англія достигла до высочайшей степени величія; что ея скорое

паденіе неминуемо, и что Европейскія Державы, которыя помогутъ Франціи отнять у насъ Индѣйскія владѣнія, всѣ на счетъ Англіи обогатятся. И такъ намъ должно быть осторожными. Министры, не измѣнивъ пользѣ отечества, не могутъ ослабить силъ его, не могутъ возвратить Мальты Ордену, то есть Французамъ! Надобно предвидѣть случаи, или государство погибнетъ.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Европа занимается теперь однимъ предметомъ: войною Французовъ съ Англичанами, которая въ той и въ другой землѣ имѣетъ всѣ знаки остервененія и злобы. Римъ возсталъ противъ Карѳагена, и Европа смотритъ съ безпокойнымъ любопытствомъ. Консулъ пылаетъ местію — Оратоpы его гремятъ на каѳедрахъ — Префекты пишутъ къ нему: „честь и слава вѣка! истреби Англію!“ Во всѣхъ портахъ Французскихъ строятъ суда для перевоза войскъ, и во всѣхъ Журналахъ пишутъ стихи на высадку: стихотворцамъ на крылатомъ Пегасѣ легко пере-

летѣть черезъ Каналъ; но армія съ пушками не летаетъ. . . . Между тѣмъ флегматики Англичане берутъ Французскіе и Голландскіе корабли; скоро доберутся и до Гишпанскихъ; скоро возьмутъ и Колоніи своихъ непріятелей; заглянутъ, можетъ быть, и въ южную Америку...

Главное воинское происшествіе до сей минуты есть занятіе Ганновера. Французы, почти не обнаживъ меча, взяли въ плѣнъ около двадцати тысячь войска (отпустивъ его за Эльбу на честное слово) и завоевали милліонъ жителей. Сынъ Короля Англійскаго, Правитель Ганновера, клялся умереть съ народомъ; но видя, что сей народъ хочетъ жить, а не умереть, Герцогъ Кембриджской скрылся какъ молнія, и Французы великодушно взяли на себя бремя управлять въ дѣтскомъ Короля Англійскаго, единственномъ на твердой землѣ. Генералъ Морио, завоеватель Ганновера, соблюдаетъ порядокъ, строго наказываетъ солдатъ за обиды, и не хотѣлъ ввести гарнизона въ Геттингенъ, изъ уваженія къ славному его Университету. Французамъ чтобъ нибудь надобно загладить жестокій поступокъ свой съ безоружными Англійскими путешественниками, которые, подъ Эгидою народныхъ правъ, вѣѣхали въ Фран-

шію, и вдругъ очутились плѣнниками (*). Прежде такъ поступали одни Турки. — Жители Гамбурга трепетали, думая, что Генералъ Морпье имѣетъ повелѣніе занять ихъ городъ и затворить Гамбургскій портъ для Англичанъ; но пишутъ, что Прусскій Король вступился за вольные Имперскіе города, и что Бонапарте далъ слово не препятствовать ихъ свободной торговлѣ. Въ такомъ случаѣ Гамбургская коммерція можетъ снова имѣть большія выгоды. — Французскія войска въ Италіи вступили во владѣнія Папскія и Неаполитанскія. Король собирался уѣхать въ Сицилію, чтобы не походить въ столицѣ на плѣнника; но увѣряютъ, что Англичане отправили уже войско изъ Малыты для занятія Сициліи: слѣдственно бѣдный Король можетъ перейти только изъ рукъ въ руки, изъ неволи въ неволю. Онъ между Харибды и Сциллы. Папа утѣшается по крайней мѣрѣ мыслію, что къ нему идутъ Французы уже не вольнодумцами, но благочестивыми Католиками; не для того, чтобы, вмѣсто *Тіары*, надѣть на него Якобинскій колпакъ, но чтобы требовать его пастырь-

---

(*) Ихъ взято подъ стражу болѣе 7000, какъ пишутъ.

скаго благословенія. — Извѣстіе, напечатанное въ *Монитёрѣ*, будто въ Мальтѣ свирѣпствуетъ ужасная чума, привезенная Англичанами изъ Египта, по Лондонскимъ извѣстіямъ оказывается несправедливымъ. Французы хотятъ, чтобы и Небо вооружилось вмѣстѣ съ ними противъ Британцевъ; но солнце свѣтитъ равно на добрыхъ и злыхъ, и ноты Министра Талерана читаются только на землѣ. Къ тому же Англичане едва ли не благочестивѣе Французовъ, хотя и не вѣрятъ всемогуществу Папы.

Давно уже засѣданія Англійскаго Парламента не бывали такъ любопытны, какъ нынѣ: ибо Англія дѣйствительно находится въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; малѣйшая ошибка Министровъ можетъ имѣть гибельное слѣдствіе, и Члены Парламента, въ томъ увѣренные, требуютъ отъ нихъ скораго отчета во всѣхъ мѣрахъ. Гдѣ отечество въ сердцахъ гражданъ, тамъ много Аргусовъ для его блага; тамъ разумъ не безмолвствуетъ; тамъ усердіе краснорѣчиво: ибо всякой боится погибнуть съ отечествомъ. Питтъ есть главный органъ его; едва ли кто нибудь изъ Англичанъ былъ столько уважаемъ согражданами, какъ сей знаменитый Экс-Министръ; и столь до-

стоинъ уваженія по его талантамъ. Онъ не пропускаетъ нынѣ ни одного Парламентскаго засѣданія, говоритъ съ жаромъ, но всегда благоразумно, какъ должно человѣку государственному. Говоря о войнѣ, онъ сказалъ: „Мы, Депутаты народа, „именемъ его торжественно обязываемся „всѣмъ пожертвовать для преодолѣнія опа„сностей, намъ угрожающихъ. Сія война, „столь необходимая и справедливая, мо„жетъ быть щастлива единственно то„гда, когда мы увѣримся, что она важ„нѣе всѣхъ, донынѣ бывшихъ, и требуетъ „всѣхъ возможныхъ усилій съ нашей сто„роны. Непріятель надѣется устрашить „Британцевъ высадкою; надѣется, что „у насъ недостанетъ казны государствен„ной на издержки войны долговременной; „надѣется поколебать кредитъ Англіи. „Чтобы опровергнуть сію безразсудную „надежду, должно не только вооружить „флоты и армію, но образовать общую „систему народной защиты, которая „успокоила бы душу всѣхъ Британцевъ „увѣреніемъ, что нѣтъ мѣста въ Имперіи, гдѣ непріятель дерзнулъ бы явить„ся. Надобно показать ему неистощимость „нашихъ способовъ. Думаю, что Мини„стры Его Величества немедленно предло„жатъ намъ сіи великія мѣры. Франція и

„Европа должны черезъ нѣсколько дней „узнать, что мы, взявъ оружіе въ руки, „нашли и средства вести войну столь же „долговременную, какъ послѣднія. По„вторяю, что жертвы будутъ велики: „никто болѣе меня не жалѣетъ о сей „необходимости; и если бы я видѣлъ „возможность сохранить миръ, то упо„требилъ бы всѣ силы для отвращенія „непріятельскихъ дѣйствій. Но Политика „слабая и робкая только отсрочила бы „минуту, въ которую намъ должно бу„детъ сражаться за бытіе свое, и пре„дала бы насъ въ руки врагу неумоли„мому, еще сильнѣйшему. Для Англіи „нѣтъ выбора между войною и миромъ. „Провидѣнію угодно было, чтобы мы ро„дились во времена опасныя и мятеж„ныя. Встрѣтимъ сіи опасности и бѣд„ствія временъ несчастныхъ съ тѣмъ „мужествомъ, котораго требуетъ поло„женіе нашего отечества и цѣлаго міра; „съ тѣмъ великодушіемъ, которое бы„ваетъ свойствомъ народа свободнаго, „мудраго и добродѣтельнаго, имѣвшаго „щастіе сохранить чудесное зданіе Ан„глійской Конституціи среди всеобщихъ „развалинъ Европы!“ — Теперь послу„шаемъ другова Оратора, Демосѳена Ан„гліи, славнаго Виндама. Министры объ-

явили Парламенту; что армія Великобританніи должна состоять изъ 130,000, а милиція изъ 90,000 человѣкъ. Виндамъ сказалъ: „Планъ Министровъ ни „къ чему не годится. Образованіе ми„лиціи мѣшаетъ образованію арміи, кото„рая для насъ гораздо нужнѣе, и лучше „можетъ отразить регулярное войско не„пріятеля: одинъ алмазъ рѣжетъ ал„мазъ. Но Министры не имѣютъ идеи „о нынѣшней войнѣ: продолживъ миръ „постыдный, хотятъ теперь вести вой„ну робкую, оборонительную! Они не „знаютъ, что нападающій почти всегда „увѣренъ въ успѣхѣ! Мы должны имѣть „сильную армію нынѣ и до самаго того „времени, какъ *сдѣлается существенная „перемѣна* въ Европѣ. Равновѣсіе Госу„дарствъ исчезло: колоссъ Франціи ужа„сенъ. Ослаблять силы непріятеля, „умножать наши собственныя: вотъ луч„шая система для Англіи! Легче убить „тигра, нежели посадить его въ клѣтку. „Не знаю, успѣемъ ли въ томъ; по край„ней мѣрѣ скорѣе рѣшимъ дѣло — а это „есть уже выгода для Англіи въ ея по„ложеніи. Благодаря трактату Амьен„скому, мы совсѣмъ лишились вліянія „на Европу; берега ея сдѣлались для

„насъ желѣзными, неприступными. Гово-
„рятъ, что она ненавидитъ Францію;
„но Франція довольна, когда ее боятся!
„Однакожь надѣюсь, что мы еще найдемъ
„друзей, но только съ умными Мини-
„страми, которые докажутъ Европѣ, что
„Англія сражается за благо общее. Мнѣ
„скажутъ опять, что я хочу драться
„за Бурбоновъ, за Роялистовъ! Нѣтъ;
„но Великобританнія должна искренно и
„великодушно объявить *свое намѣреніе*
„Европѣ, чтобы привлечь на свою сто-
„рону всѣ Кабинеты. Безпрестанно тверж-
„дятъ о могуществѣ Французской Рес-
„публики: могущество неоспоримо, но
„надежно ли? Всякой изъ насъ признает-
„ся, что мы желаемъ *конца* его — и са-
„мые Министры, не смотря на ихъ роб-
„кой и подлой языкъ. Все видѣнное мною
„приводитъ меня въ отчаяніе; но утѣ-
„шаюсь мыслію, что Англія сильна:
„надобно только хорошо управлять си-
„лою. Я изъ числа тѣхъ, которые не
„презираютъ высадки. Мы имѣемъ дѣло
„съ непріятелемъ дерзкимъ: Бонапарте
„не останавливается на половинѣ дороги.
„Громъ въ одну секунду можетъ гря-
„нуть надъ нами; въ одну минуту
„можемъ лишиться всего, что любезно

„человѣку свободному. Такъ, высадка „страшна для Англіи! Я говориль съ „людьми, которые посѣдѣли на морѣ и „знаюшъ войну: они не смѣюшся надъ „симъ предпріятіемъ Французовъ: кто „же смѣется? люди не знающіе и без- „полезные въ день сраженія; они на сло- „вахъ въ одну минуту истребляютъ „Французскую армію, но поблѣднѣютъ „отъ перваго выстрѣла. Будемъ гото- „вы сражаться, въ надеждѣ побѣдишь!“ — Питтъ согласился съ Виндамомъ, что армія или войско регулярное лучше милиціи. „Надобно поразишь умъ и возбу- „дить общее мнѣніе (продолжалъ сей „великой человѣкъ): надобно представишь „всю опасность и приготовить Англи- „чанъ къ *войнѣ сильной*. Скажу прямо, „что мы *не имѣемъ способовъ для войны „наступательной*; но тѣмъ лучше мо- „жемъ вести оборонительную. Взываю „къ Министрамъ: *дѣйствуйте, дѣйствуй- „те послѣшно*; отсрочки для насъ гибель- „ны. Должно взять, утвердить прежде „великія мѣры, а послѣ уже говорить „о суммахъ. Спрашивается: хотите ли „спасти отечество? спасите же его вѣр- „нѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ сред- „ствомъ; но спасите. Не бойтесь времен-

„наго неудовольсшвїя, не бойшесь личной „злобы. Имѣйше швердосшь бороться съ „предразсудками; думайше только о бла„гѣ и чести Англїи. Не смотря на со„противленїе, идише, дѣйсшвуйше: я „гошовъ взять на себя ошвѣшъ. Нужны „чрезвычайныя средсшва, чрезвычайныя „приготовленїя; народъ долженъ знать „ихъ, — знашь жершвы, ошъ него тре„буемыя. Армїя наша слаба; можемъ „еще умножишь ее безъ всякаго вреда для „земледѣлїя и промышленносши. Однимъ „словомъ, все государсшво должно принять „образъ воинскїй.“ — Въ другомъ засѣда„нїи скромный Пишшъ объявилъ наконецъ, что онъ недоволенъ Министрами, и что они, по его мнѣнїю, сдѣлали великїя ошибки . . . . Тушъ Министръ Гакесбуря всшалъ съ мѣсша и съ чувсшвишельносшїю сказалъ: „Сердце мое терзаешся; „эша минуша для меня ужасна; слы„шашь шакое слово изъ усшъ моего по„чшеннаго друга есшь нещасшїе для Ми„нисшровъ!“ . . . Однакожъ Аддингшонъ и Гакесбури все еще правящъ дѣлами и не думаюшъ, кажешся, оспавишь ихъ. Вѣроятно, что одна личная не-любовь Короля и Принца Валлисскаго къ Пишшу мѣшаешъ ему нынѣ войши въ Совѣшъ; но

ень для Англіи то же, что Бонапарте для Франціи — одинъ, но важнѣе милліона обыкновенныхъ умныхъ людей.

О посредствѣ нашего Императора много пишутъ и говорятъ въ Лондонѣ. Въ одномъ Министерскомъ Журналѣ сказано, что Мальта въ рукахъ Россіи столь же опасна для Англіи, какъ и въ рукахъ Франціи; что донынѣ Россія все брала и побѣждала; что сила ея безпрестанно возрастаетъ и будетъ ужасною для Европы, какъ скоро падетъ Турецкая Имперія; что Русскіе изъ Константинополя могутъ быть и въ Египтѣ.... Вотъ предсказаніе и мысли не противныя Русскому сердцу! Надобно замѣтить вообще, что въ наше время только три Державы играютъ первую ролю въ мірѣ: Франція, Англія и Россія. Судьба Республики зависитъ отъ жизни Консула: впереди мракъ и неизвѣстность — величіе Англіи есть напряженіе — а Россія есть Государство новое; въ началѣ пути силы крѣпки и свѣжи: сколько надежды для патріотической гордости!

Монитёръ наполняется нынѣ *манифестами* противъ Англійскаго Правитель-

ства. Перо Консула Бонапарте такъ же остро, какъ его шпага; но гдѣ начинается брань, тамъ разсудокъ умолкаетъ, Страсть не усиливаетъ, а всегда ослабляетъ истину, примѣшивая къ ней ложное, невѣрное, чуждое. Англичане не отдаютъ Мальты, для того, что Бонапарте, въ противность Амьенскому трактату, хочетъ Египта и въ самомъ разговорѣ съ Витвортомъ не скрылъ сего намѣренія или сей надежды: вотъ завязка! Правда, что Консулъ рубитъ мечемъ Гордіевъ узелъ и называетъ Витворта *почти* лжецомъ; но какая невинная, легковѣрная душа утвердится на такомъ словѣ? Въ подробномъ и весьма бранномъ отвѣтѣ Французскомъ на манифестъ Короля Англійскаго замѣтили мы одно мѣсто ѣдкое и колкое. Тамъ сказано: „Англійское „Правительство хвалится своимъ великодушнымъ гостепріимствомъ, и съ удивительною нѣжностію оскорбляется „тѣмъ, что Консулъ дерзнулъ требовать „отъ него ссылки Эмигранта Жоржа и „подобныхъ; но Европа должна знать, „что Англія торговалась со Франціею „черезъ Витворта, и что Правительство „ея соглашалось отправить сихъ господъ „на поселеніе въ сѣверную Америку,

„естьли Консулъ уступитъ Мальту!“ Должно признаться, что Англійскимъ Министрамъ не надлежало бы послѣ того хвалиться великодушнымъ гостепріимствомъ! Мы судимъ безпристрастно и не хотимъ быть въ душѣ ни Французами, ни Британцами; видимъ, что Бонапарте хочетъ паденія Англіи, и что Англія съ другой стороны хочетъ всѣми средствами удержаться на первой степени: то и другое не можетъ быть соглашено съ правилами чистой, мирной нравственности. Любя человѣчество, желаемъ, чтобы Англія уцѣлѣла, ибо политическіе законы ея святы и премудры; любя человѣчество, желаемъ, чтобы жизнь Консула продолжилась, и чтобы онъ имѣлъ время утвердить Францію на ея основаніи; любя великихъ мужей, любимъ Бонапарте, который умѣетъ побѣждать и править; но еще болѣе любимъ народъ Англійскій, который умѣетъ быть щастливымъ.

Французы сочли въ Исторіи, что 42 высадки удались въ Англіи; но тѣ ли обстоятельства нынѣ? Такое ли сопротивленіе находили Римляне, Саксонцы, Датчане, Норманы, какое найдутъ тамъ

Французы, естьли и приспанутъ благополучно къ берегамъ Великобританніи? Но Консулъ торжественно обязался испытать высадку: Европа слышала; надобно сдержать слово. Уже Французскіе Генералы и Сенаторы вызвались плыть съ нимъ на одномъ кораблѣ... увидимъ... но лучше не видать; лучше, чтобы великодушное посредство АЛЕКСАНДРА, даровавъ миръ Англіи и Франціи, утѣшило человѣчество и возвеличило славу Россіи.

Іюля 5.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ 1803.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Свиданіе Софіи Шарлоты, Королевы Прусской, и матери ея съ ПЕТРОМЪ Великимъ.

Слѣдующія два письма нашелъ я въ *Историческихъ запискахъ* Господина Эмана, Бранденбургскаго Исторіографа. Софія Шарлота, первая Королева Прусская, извѣстная подъ именемъ *Прекрасной*, была современница нашего великаго Монарха. Страстно любя Науки, она любила и чрезвычайныхъ людей своего вѣка; восхищалась дѣлами ПЕТРА, и наконецъ имѣла удовольствіе вспрѣтиться съ Нимъ въ Германіи, когда Онъ, въ 1697 году отправивъ Пословъ къ Европейскимъ Государямъ, самъ былъ въ ихъ свитѣ.

„Желанїе мое исполнилось“, пишетъ Софїя къ Министру Фуксу: „я познакомилась съ великимъ Царемъ. Онъ далъ „слово видѣпься со мною въ Коппенбрикѣ, „деревнѣ Цельскаго владѣнїя; но узнавъ, „что тамъ ожидаетъ его вся наша фамилїя, хотѣлъ уѣхать назадъ. Мы вступили въ переговоры, которые продолжались около часа; наконецъ онъ согласился видѣть Герцога Цельскаго, матушку, братьевъ моихъ и меня въ той горницѣ, гдѣ надлежало ужинать, и куда „Царь вошелъ съ другой стороны, укрываясь отъ людей, которые собрались въ „домѣ. Матушка и я встрѣтили Его „привѣтствїемъ: Онъ велѣлъ отвѣчать „за себя Ле-Фору, казался застѣнчивымъ, закрылъ себѣ рукою лицо, и сказалъ: ich kann nicht ſprechen, *я не умѣю „говорить по-Нѣмецки.* Но мы скоро „познакомились, сѣли за столъ вмѣстѣ, „и не могли съ Нимъ наговориться. Царь „иногда отвѣчалъ самъ, иногда черезъ „двухъ переводчиковъ, всегда умно, кстати и съ живостїю. Матушка не давала „Ему задумываться, и предлагала вопросъ за вопросомъ: Онъ ни мало не „скучалъ разговоромъ и не заставлялъ „ждать своихъ отвѣтовъ. Я замѣтила „въ лицѣ Его что-то похожее на кон-

„вульсіи: дѣйствіе привычки или нервъ.
„Не должно искать въ семъ Монархѣ той
„наружности, которая сообщается лю-
„дямъ хорошимъ воспитаніемъ; но Онъ
„полюбился мнѣ своимъ непринужден-
„нымъ видомъ — былъ какъ дома — ве-
„лѣлъ затворить двери, когда вошли
„Камиеръ-Юнкеры для услуги и всѣ да-
„мы, которыхъ Ему сперва не хотѣлось
„видѣть — посадилъ рядомъ съ собою
„Ле-Фора, называя его правою рукою —
„сказалъ людямъ своимъ, чтобы они ни-
„кого не выпускали изъ залы, спросилъ
„большихъ рюмокъ и всѣмъ подносилъ
„самъ, говоря, что желаетъ тѣмъ по-
„чтить ихъ. Одинъ изъ Каммеръ-Юн-
„керовъ несъ рюмку Господину Квирини:
„Царь взялъ ее и подалъ ему изъ своихъ
„рукъ. Мы не ожидали отъ Него такой
„учтивости и ласки. Я забавляла Его
„музыкою, чтобы видѣть, какое дѣй-
„ствіе она произведетъ въ Немъ: Онъ
„хвалилъ музыкантовъ, а всѣхъ болѣе
„Фердинандо, наградивъ его рюмкою ви-
„на, изъ собственныхъ рукъ поднесенною.
„Мы просидѣли за столомъ четыре часа,
„и пили въ угожденіе Ему по-Руски,
„стоя и всѣ вдругъ, за Его здоровье. Царь
„не забылъ Фридриха; но пилъ вообще
„очень мало. Желая видѣть его танцую-

„щато, я просила Господина Ле-Фора,
„чтобы онъ послалъ за Рускими музы-
„кантами. Они пришли послѣ ужина.
„Царь хотѣлъ прежде видѣть, какъ мы
„танцуемъ: надобно было исполнить Его
„волю. Онъ никакъ не соглашался танцо-
„вать безъ перчатокъ, и посылалъ за ни-
„ми въ обозъ свой; но ихъ не нашли.
„Матушка танцовала съ толстымъ Ком-
„миссаромъ, Канцлеръ съ Графинею Пла-
„тенъ, а Господинъ Ле-Форъ съ ея
„дочерью предводительствовалъ всѣми.
„Руская пляска намъ полюбилась. Од-
„нимъ словомъ, мы были очень довольны
„великимъ Царемъ: Онъ также изъявлялъ
„удовольствіе. Любя говорить объ Немъ,
„я исписала много бумаги: простите.

„П. П. Шутъ Царскій также былъ
„съ Нимъ; онъ показался мнѣ обыкновен-
„нымъ дуракомъ. Намъ очень хотѣлось
„смѣяться, когда Царь, взявъ большой
„вѣникъ, сталъ чистить на немъ платье.“

Другое письмо о семъ любопытномъ свиданіи писано матерью Софіи Шарлоты отъ 11 Августа 1697 году.

„Должно увѣдомить васъ, о моемъ
„знакомствѣ съ славнымъ Царемъ. Бран-
„денбургскій Курфирстъ взялъ мѣры,
„чтобы Его Величеству доставляемо было

„все нужное въ пути до самаго Везе-
„ля. Ему надлежало ѣхать черезъ Коп-
„пенбрикъ, мѣстечко принадлежащее на-
„шему Дому. Мы просили дозволенія
„видѣть Его. Царь скрываетъ свое имя
„и достоинство, будучи только въ сви-
„тѣ трехъ Русскихъ Пословъ. Онъ согла-
„сился принять насъ за - просто. Коп-
„пенбрикъ отсюда въ четырехъ миляхъ:
„мы скакали туда безъ памяти. Намъ
„удалось предупредить Русскихъ, кото-
„рые пріѣхали въ 8 часовъ и останови-
„лись въ крестьянскомъ домѣ. Не смо-
„тря на условія наши, собралось великое
„множество народа, такъ, что Царь не
„зналъ, какъ Ему укрыться. Надлежало
„вступить съ Нимъ въ переговоры. На-
„конецъ сынъ мой велѣлъ солдатамъ разо-
„гнать зрителей — и между тѣмъ, какъ
„Послы вьѣзжали съ ихъ свитою, Царь
„вошелъ тихонько въ свою комнату че-
„резъ маленькое крыльцо. Насъ ввели
„къ Нему. Господинъ Ле - Форъ, первый
„Посолъ, служилъ переводчикомъ. Царь
„высокъ ростомъ, сложенъ, величавъ и
„хорошъ лицомъ; уменъ, догадливъ и
„даже остроуменъ. Жаль только, что
„воспитаніе не могло образовать Его вели-
„кихъ природныхъ способностей. Мы
„тотчасъ сѣли за столъ. Господинъ Коп-

„пенштеинъ отправлялъ должность Гоф-
„маршала и подалъ Ему салфетку: это
„обыкновенїе было для Него ново; въ
„Бранденбургѣ, вмѣсто салфетки, подава-
„ли Ему кувшинъ съ водою для умытія
„рукъ послѣ стола. Царь сидѣлъ между
„мною и Софіею; былъ веселъ, говорливъ,
„и скоро подружился съ нами. Дочь моя
„помѣнялась съ Нимъ табакерками: на
„царской изображенъ Его вензель, и Со-
„фїя чрезмѣрно дорожитъ ею. Правда,
„что мы очень долго сидѣли за столомъ;
„но могли бы безъ всякой скуки проси-
„дѣть еще гораздо долѣе: такъ любезенъ
„былъ Царь! Дочь моя заставила пѣть
„своихъ Италїянскихъ музыкантовъ: Онъ
„хвалилъ ихъ пѣнїе, но признавался,
„что не очень любитъ музыку. Я спро-
„сила, любитъ ли охоту? *Отецъ мой*,
„отвѣчалъ Царь, *любилъ ее; но я съ са-*
„*маго младенчества имѣлъ только одну*
„*страсть къ мореплаванїю и — къ фееверк-*
„*камъ*. Онъ сказалъ, что самъ умѣетъ
„строить корабли, и далъ намъ поцу-
„пать мозоли на рукахъ своихъ. Послѣ
„обѣда Его Величество призвалъ своихъ
„музыкантовъ и заставилъ насъ плясать
„по-Руски; эта пляска для меня гораздо
„лучше Польской. Балъ нашъ продол-
„жился до четырехъ часовъ утра. Мы

„возвратились сюда не спавши, но весьма „довольные днемъ, столь весело проведен- „нымъ. Не могу описать всего видѣнна- „го нами. Господинъ Ле-Форъ и племян- „никъ его были одѣты по-Французски: „они оба очень умны. Я не могла говорить „съ другими Послами и съ великимъ „множествомъ Бояръ ихъ свиты. Царь „не зналъ, что намъ негдѣ было жить „въ Коппенбрикѣ и надѣялся видѣть насъ „на другой день. Естьли бы мы были „о томъ предувѣдомлены, то остались бы „гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ, чтобы еще съ „Нимъ видѣться: ибо общество Его сдѣ- „лало намъ великое удовольствіе. Онъ „совсѣмъ необыкновенной человѣкъ; на- „добно узнать Его лично, чтобы имѣть „объ Немъ идею. Сей рѣдкой Монархъ „добродушенъ и благороденъ сердцемъ; „скажу вамъ также, что Онъ пилъ очень „мало. Но Министры Его и свита, по „отъѣздѣ нашемъ, долго веселились. Коп- „пенштеинъ заслужилъ прекрасную со- „болью шубу, которую они подарили „ему за его усердное сообщество. Онъ „сказывалъ намъ, что Рускіе очень под- „гуляли, но въ самомъ весельи не забы- „вали учтивства и строгой пристойно- „сти. Коппенштеинъ хвалится, что „ему удалось побѣдить всѣхъ Царскихъ

„Полонъ. — Я могла бы еще украсить мое „описаніе, сказавъ, что Царь чувстви- „тельнъ къ прелестямъ красоты; но въ „самомъ дѣлѣ не замѣтила въ немъ ни „малѣйшаго желанія нравиться. Естьли „бы мы не искали случая видѣться съ „Нимъ, по Онъ конечно бы и не поду- „малъ объ насъ. Въ Россіи женщины обы- „кновенно бѣлятся и румянятся: для „того Графиня Плашенъ отмѣнно полю- „билась Московитянамъ. Танцуя съ на- „ми, они сочли корсеты наши ребрами, „и Царь сказалъ съ удивленіемъ, что „*кости у Нѣмецкихъ Дамъ очень жестки.* — „П. П. Другъ мой Царь прислалъ мнѣ четы- „рехъ соболей и три куска камки; но они „такъ не велики мѣрою, что ими мож- „но только обить стулья. — Въ Амстер- „дамѣ Царь для забавы хаживалъ въ „трактиры съ матрозами. Онъ самъ „строитъ корабли, и весьма искусенъ въ „четырнадцати ремеслахъ. Надобно при- „знаться, что это удивительной чело- „вѣкъ. Радуюсь сердечно, что узнала „Его. Съ Нимъ четыре карлы; двое изъ „нихъ очень умны и стройны; одного „Царь отмѣнно любитъ: цѣлуетъ его и „деретъ за уши. Онъ взялъ за голову „нашу маленькую Принцессу, и поцѣло- „вавъ ее два раза, измялъ на ней фон-

„танжѣ; ласкалъ также и брата ея (*).
„Хорошее воспитанїе сдѣлало бы Его чело-
„вѣкомъ совершеннымъ; Природа ни въ
„чемъ не отказала Ему.“

II.

О Небесной Физикѣ.

(Переведено изъ Французскаго Журнала . . . Здѣсь на осьми или девяти страницахъ изображено главное основанїе сей любопытной Науки, ясно и понятно для самыхъ неученыхъ.)

Небесная Физика предсставляетъ разныя части, равно достойныя любопытства: 1) собственно такъ называемое небо со всѣми звѣздами вообще; 2) нашу планетную систему въ особенности; 3) въ сей планетной системѣ отношенїя между землею, луною и солнцемъ.

То, что называютъ неподвижными звѣздами на небѣ, почти совсѣмъ укрываетсяотъ наблюденїй. Мы видимъ только разныя собранїя звѣздъ, именуемыя созвѣз-

(*) Сей Принцъ былъ тогда шестнадцати лѣтъ и послѣ царствовалъ въ Англіи подъ именемъ Георга II.

дїями, изъ которыхъ 50 на сѣверѣ, 12 въ срединѣ, 55 на югѣ; а съ другой стороны знаемъ одиннадцать классовъ неподвижныхъ звѣздъ, изъ которыхъ 24 считаются главными по величинѣ своей: то есть, онѣ кажутся намъ самыми большими; но истинная величина ихъ неизвѣстна — отдаленїе также: надобно думать, что оно чрезмѣрно. Полагаютъ даже, что сіи звѣзды могутъ быть солнцами, которыя, подобно нашему, служатъ центромъ для разныхъ особенныхъ системъ. Единственно въ сихъ замѣчанїяхъ или догадкахъ состоятъ всѣ наши понятїя о безчисленныхъ тѣлахъ небесныхъ, среди которыхъ земля кажется едва примѣтною точкою: истина ужасная, которую Бюфонъ выразилъ живо и прекрасно, сказавъ: *атомъ, на которомъ движемся, представляется человѣку лїромъ, а лїры вышнїе атомами!*

Теряясь въ сихъ неизмѣримыхъ пространствахъ неба, Наука съ лучшимъ успѣхомъ занимается наблюденїемъ планетной системы нашей. Меркурїй такъ близокъ къ солнцу, что исчезаетъ въ его лучахъ и скрывается отъ замѣчанїй Астронома. Венера вмѣстѣ съ Меркурїемъ провождаетъ солнце, однакожъ не такъ близка къ нему. Ея фазы видимѣе; она

всего славнѣе переходомъ своимъ черезъ кругъ солнечной, и кажется тогда черною точкою, которая соединяется съ нимъ краями.

Хотя Уранусъ бываетъ видимъ только посредствомъ телескоповъ, однакожь мы открыли вокругъ его шесть спутниковъ. Маеръ и Лемонье замѣтили его въ числѣ звѣздъ: Гершель первый увѣрился, что онъ есть Планета. — Церера, другая Планета, открытая въ Палермѣ Господиномъ Піаццы, видима еще менѣе Урануса. — Марсъ представляетъ мало любопытнаго. — У Юпитера четыре спутника; они обращаются вокругъ его такъ же, какъ луна вокругъ земли. У Сатурна ихъ семь; кольцо его также достойно примѣчанія.

Солнце, отецъ Природы, источникъ свѣта, теплоты и жизни, въ милліонъ разъ болѣе земли. Находясь въ средоточіи нашей планетной системы, оно, по наблюденію Астрономовъ, обращается около самого себя. Даже простымъ глазомъ можно видѣть въ немъ пятна. Смотря на него сквозь раскрашенное стекло, приставленное къ хорошему телескопу замѣчаемъ явленіе сихъ пятенъ, которыя, скрывалсь и снова

показываясь въ одно время, означаютъ свойственное ему круговращеніе.

Луна занимаетъ насъ не менѣе солнца. Ея вліяніе, не столь примѣтное, едва ли еще не важнѣе для земнаго міра. Ночью она озаряетъ насъ нѣжнымъ свѣтомъ; волнуетъ и воздымаетъ нѣдра морей; неоспоримо дѣйствуетъ на животныхъ и растѣнія; имѣетъ, можетъ быть, вліяніе на таинство половъ и рожденія.

Дѣйствіе солнца чувствительно: оно называется теплотою и свѣтомъ. Дѣйствіе луны укрывается отъ чувствъ нашихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она заимствуетъ свѣтъ: ибо свѣтла бываетъ единственно съ той стороны, которая обращена къ солнцу, и темнѣетъ, какъ скоро другое мрачное тѣло (на прим. земля) станетъ между имъ и ею. Кажется, что и земля озаряетъ луну солнечнымъ свѣтомъ: изъ него образуется сіе блѣдное сіяніе, которое видимъ на мѣсяцѣ въ разныя его четверти, и которое называется въ Астрономіи *пепельнымъ*.

Наблюдая отраженіе свѣта, мы открыли нѣкоторые феномены, которые заставляютъ насъ думать, что солнце имѣетъ атмосферу; но до сего времени наблюдатели не замѣтили ничего подоб-

наго въ лунѣ. Это важно: естьли луна безъ атмосферы, то она и безъ животныхъ.

Всего извѣстнѣе намъ ея пяпна. Ихъ періодическое явленїе, подобно солнечнымъ пятнамъ, открыло намъ тайну ея обращенїя вокругъ себя. Они подали ученымъ и другїя мысли. Разсматривая со вниманїемъ кривую внѣшнюю линїю той частпи мѣсяца, которая освѣщена солнцемъ, видимъ въ ней зубцы; линїя, отдѣляющая на лунной поверхности часть свѣтлую отъ темной, также имѣетъ неровности: сїя примѣчанїя заставили думать, что луна, подобно землѣ, усѣяна горами; а какъ послѣ увилѣли въ неровностяхъ искры, то заключили, что сїи горы суть вулканы или огнедышущїя. Наконецъ, разсматривая ихъ какъ на поверхности луны, такъ и на ея краяхъ, Гершель изифрилъ бросаемую ими тѣнь и полагаетъ, что лунныя горы вышиною въ 15 тысячь футовъ.

Кромѣ своего круговращенїя, мѣсяцъ имѣетъ еще два движенїя: ежедневное и періодическое, составляющее лунные мѣсяцы. Розница между лунными и солнечными мѣсяцами была въ древности источникомъ многихъ заблужденїй. За 490 лѣтъ до Рождества Христова Метонъ утвердилъ, что 235 лунныхъ мѣсяцевъ отвѣт-

ствуютъ девятнадцати годамъ: сіе исчисленіе было изображено въ Аѳинахъ золотыми буквами и донынѣ называется *золотымъ числомъ* (nombre d'or). Черезъ 18 солнечныхъ лѣтъ земля, луна и солнце бываютъ всегда въ одномъ положеніи: надобно только въ сіе время замѣтить порядокъ и число затмѣній, чтобы предсказать ихъ для будущихъ осьмнадцати лѣтъ.

Намъ остается говорить о землѣ. Она маловажна во вселенной, но важна для насъ. Первыми справедливыми понятіями объ ея формѣ обязаны мы народамъ странствующимъ. Переходя изъ одной страны въ другую, они замѣчали, что звѣзды, имъ извѣстныя, являлись уже въ другомъ мѣстѣ или совсѣмъ исчезали. Такъ народы Мыса Доброй Надежды видятъ совсѣмъ не тѣ звѣзды, которыя мы видимъ. Сіе первое замѣчаніе было яркимъ лучемъ свѣта для Науки. Если бы земля была плоска, какъ думали вообще Древніе, то въ системѣ звѣздъ не случалось бы никакихъ перемѣнъ; онѣ являлись бы всегда въ одномъ видѣ и порядкѣ.

Разныя горы, которыхъ вдали видимъ только верхи, а послѣ бока и основаніе, утвердили сіе первое свидѣтельство.

Наконецъ компасъ, посредствомъ котораго мореходцы, плывя всегда прямо, выходили на самый тотъ пунктъ, съ котораго пошли, несомнительно доказалъ круглость земли; спорили только объ ея правильности и неправильности. Бернардень де Сен-Пьеръ увѣряетъ, что земля имѣетъ выпуклость къ двумъ Полюсамъ; онъ воображаетъ на сихъ Полюсахъ горы, въ 15 миль вышиною, откуда, въ жары равноденствія, льются воды, наполняютъ бассеины морей и производятъ движеніе, называемое приливомъ и отливомъ.

Астрономы не хотятъ о томъ слышать; они увѣрены, что земля имѣетъ выпуклость къ Экватору, а не къ Полюсамъ. Многіе опыты и вѣроятности утвердили ихъ мнѣніе. Намъ кажется, что несправедливо полагаютъ множество большихъ горъ на Экваторѣ: Бернардень де Сен-Пьеръ основательно доказываетъ, что ихъ и въ сѣверныхъ странахъ не мало; сверхъ того большая часть жаркаго Зона покрыта Океаномъ. — Но мнѣніе Ученыхъ вообще весьма основательно. Буге извѣдалъ, что всякая тягость на вершинѣ Пихинхи бываетъ менѣе, нежели на берегу моря. Рише замѣтилъ, что стѣнные часы, уставленные въ Парижѣ, всякой день отстаютъ въ Каеннѣ.

Мало по малу увѣрились, что маятникъ подъ Экваторомъ качается менѣе, нежели на Полюсахъ. Наконецъ несомнительное умноженіе градусовъ Меридіана къ Экватору убѣдительно доказало выпуклость земли въ сей части.

Сей феноменъ можетъ быть необходимымъ слѣдствіемъ другова феномена: обращенія земли вокругъ себя. Предположивъ такую гипотезу, ясно понимаемъ, что всѣ земляныя частицы (molécules) должны въ семъ движеніи стремиться прочь отъ центра около Экватора, а на Полюсахъ, гдѣ оно (*) слабо, приближаться нечувствительно къ средоточію.

Было время, когда Теологи не хотѣли принять сего мнѣнія; а Гражданинъ Мерсье не давно опровергалъ его нравственными доводами. Ему кажется, что обители человѣка не благопристойно вертѣться вокругъ себя и вокругъ солнца! Но Гражданинъ Мерсье не могъ убѣдить Астрономовъ, и солнце осталось въ срединѣ міра. Помысливъ о несоразмѣрности величины, о сходствѣ земли съ другими Планетами, особливо же о феноменѣ, называемомъ въ Астрономіи *уклоненіемъ* (aberration), всякой согласится съ Учеными.

(*) Т. е. движеніе круговращенія.

Должно знать, что *уклоненїемъ* называется ошибка, производимая въ нашемъ зрѣнїи теченїемъ свѣта по небеснымъ пространствамъ и безпрестаннымъ движенїемъ земли. Сїе обстоятельство дѣйствуетъ на положенїе тѣлъ небесныхъ и представляетъ ихъ не въ томъ, въ которомъ они дѣйствительно находятся.

Какъ скоро обращенїе земли доказано, то ось, на которой она вертится, сама собою представляется мыслямъ. Въ нашей части неба легко замѣтить, что большая *медвѣдица* вокругъ себя обращается; легко также замѣтить, что всѣ другїя звѣзды переходятъ съ мѣста на мѣсто, и что одна только неподвижна. Сїю звѣзду называемъ *Полярною*. Жители Мыса Доброй Надежды, Новой Голландїи и Южной Америки также примѣчаютъ на своемъ горизонтѣ неподвижную звѣзду. Теперь мысленно проведемъ линїю отъ нашей Полярной къ ихъ звѣздѣ: она пройдетъ сквозь центръ земли и будетъ ея осью.

Вотъ сокращенїе всѣхъ нашихъ понятїй о небесной Физикѣ. Изъ сего слѣдуютъ двѣ важныя мысли, которыя предложимъ читателю въ другомъ нумерѣ (*).

(*) И Читатели Вѣстника ихъ узнаютъ.

III.

Торжественное шествіе молодаго и стараго Тибетскаго Ламы.

(Изъ новаго Турнерова путешествія.)

Мнѣ случилось пріѣхать въ Тибетъ къ самому тому времени, когда жителямъ надлежало признать въ младенцѣ своего будущаго властелина и святаго первосвященника, чтобы тѣмъ утвердить вѣру въ безсмертіе или въ возрожденіе сего великаго посредника между людьми и Небомъ. Эпоха важная въ ихъ Религіи и Политикѣ! При такомъ случаѣ восточное великолѣпіе должно было сіять во всемъ блескѣ своемъ.

Китайскій Императоръ, исповѣдующій Тибетскую вѣру, прислалъ чиновника съ отрядомъ войска, чтобы встрѣтить и провожать юнаго Ламу. Другимъ Китайцамъ надлежало нести тронъ его, а Правителю и кравчему, или главному Министру, ѣхать впереди верхомъ.

Шествіе началось въ Субботу, 27 Сентября, на разсвѣтѣ, изъ Киле, гдѣ жилъ молодой Лама съ своими родителями, въ монастырь Терпалинской; и хотя отъ мѣстечка Киле до сего монастыря не болѣе 20 верстъ, но стеченіе народа,

который безпрестанно падалъ на землю передъ Ламою, было такъ велико, и ему такъ часто надлежало останавливаться, что онъ долженъ былъ ночевать на дорогѣ. Пріѣхавъ въ Терпалинъ, Регентъ отдалъ его на руки отцу и матери, а самъ возвратился въ столицу Тешу-Лумбу. Изъ оконъ того дому, гдѣ мы жили, я могъ видѣть въѣздъ его. Онъ ѣхалъ верхомъ, окруженный чиновниками, и свита его состояла по крайней мѣрѣ изъ 500 человѣкъ. На немъ былъ желтой атласной кафтанъ, опушенный соболями, красная мантія, желтая лакированная шляпа и красные сапоги; а на кушакѣ висѣли ножикъ, мѣшокъ съ табакомъ, трубка и чайная чашка (которую обыкновенно носятъ съ собою Татары). Лошадь его была украшена блестящими камнями, множествомъ серебряныхъ колокольчиковъ и — коровьими хвостами! Въ свитѣ Правителя заиѣтилъ я нѣсколько Калмыковъ въ круглыхъ шляпахъ ужасной величины и Монголовъ въ Персидской одеждѣ. По сторонамъ дороги пылали костры, служащіе въ Тибетѣ знакомъ почестей. Народъ падалъ внизъ лицомъ, при звукахъ трубъ и кимваловъ. — —

Наконецъ мнѣ дозволили видѣть Ламу. Я нашелъ его сидящаго на высокомъ шелко-

вомъ диванѣ или *мусндѣ*; на лѣвой сторонѣ стояли его родители, а на правой знатные чиновники. Отецъ Ламы требовалъ, чтобы я и Г. Сандерсъ представились въ Англійскомъ платьѣ. Мы, слѣдуя обыкновенію, помѣнялись шарфами съ отцомъ и матерью Ламы, разложили передъ нимъ разные подарки нашего Генерал-Губернатора, вручили ему нитку крупнаго жемчуга, и сѣли на правой сторонѣ. Отецъ сказалъ мнѣ по-Тибетски слѣдующее: „Тешу Лама спитъ обыкно„венно весьма долго; но нынѣшній день „онъ проснулся рано, и никакъ не хотѣлъ „опять заснуть, для того, что вы, „Англійскіе гости, къ намъ пріѣхали.“ Я замѣтилъ, что Лама безпрестанно смотрѣлъ на насъ; видя, что мы выпили свои чашки, онъ далъ знать рукою, чтобы ихъ наполнили чаемъ; взялъ изъ золотой коробочки большой кусокъ жженаго сахару и прислалъ его мнѣ. Намъ сказали, что онъ хотя и не говоритъ, однакожъ все разумѣетъ: и такъ я долженъ былъ сказать сему младенцу привѣтствіе въ восточномъ вкусѣ. Онъ слушалъ съ великимъ вниманіемъ и движеніемъ головы показывалъ, будто разумѣетъ мои слова; а на родителей своихъ не взглянулъ ни разу. Отецъ и мать смотрѣли на него

съ усмѣшкою любви и радовались такими умными поступками сына, которому тогда не было еще двухъ лѣтъ. Я самъ не могъ надивиться его важному, скромному и даже величественному виду. Онъ показался мнѣ умнымъ и прекраснымъ ребенкомъ, хотя лицо его смугло и глаза не велики. Мать, женщина лѣтъ въ 25, небольшая ростомъ и довольно пріятная наружностію, была унизана съ головы до ногъ жемчугомъ, рубинами, изумрудами и кораллами; на плечахъ висѣла у нее красная шаль съ бѣлыми пятнышками. На отцѣ было желтое атласное, золотомъ вышитое платье.

IV.

Въ моемъ наслѣдіи.

Nul n'eſt content de ſa fortune,
Ni mécontent de ſon eſprit.

Deshoulieres.

(Авторъ посвящаетъ сію піесу И* И* Д***.)

Не льзя подчасъ тебѣ, Фортуна, не сказать
Тому, кто мачихой тебя *обязанъ* звать: —
„Ты вѣтрена, слѣпа!“ и — такъ и быть — за дѣло!
Ахъ! правый слова два себѣ дозволишь смѣло!
Но ты несчастлива: не баловни ль твои,
Любимые сынки, не *Крезы* ли сіи

Всѣхъ болѣе тебя роптаньемъ оскорбляютъ?
Неблагодарные всегда тебѣ пеняютъ,
Всегда тебѣ враги — а ты все любишь ихъ;
А ты все милости рѣкою льешь на нихъ!
Природа щастливѣй Фортуны несравненно:
Ея дарами всякъ доволенъ совершенно;
И пасынокъ ея въ ней мать нѣжнѣйшу чтитъ,
И за отказъ во всемъ ее благодаритъ.
Взгляните на него, послушайте сужденья
Его о всѣхъ вещахъ: ни малаго сомнѣнья
Ни въ чёмъ нѣтъ для него: Невтонъ, Вольтеръ, Бюффонъ
Такъ смѣло все рѣшитъ не смѣли бы, какъ онъ!
Гляжу и слушаю, и только повторяю:
„Такъ точно, Дезульеръ! и я съ тобою знаю,
Что не доволенъ вѣкъ никто своей судьбой,
Но никогда никто за *умъ* не ропщетъ свой!“
Фортуна! меньше всѣхъ тебя я укоряю,
И, можетъ быть, чрезъ то любовь твою теряю;
Винюсь: я холоденъ душей къ даромъ твоимъ;
Спокойствіемъ ея пожертвую ли имъ?
Тебѣ, тебѣ одной, Природа, достается
Не рѣдко отъ меня; къ тебѣ, увы! несется
Не рѣдко горькой вздохъ изъ нѣдръ души моей.
При чувствѣ *скудости* даровъ руки *твоей*,
Скажу ли что нибудь нескладно, непріятно;
Уму ли моему что темно, непонятно;
Идей ли не свяжу, не изъясню моихъ,
Или нѣтъ тонкости, паренья, силы въ нихъ;
Стихи ли напишу безъ жара, безъ искусства—

Какія мрачныя вольются въ душу чувства!
Какъ мраченъ, какъ унылъ тогда мнѣ цѣ-
лый свѣтъ!
Однажды мнѣ сказалъ любезный нашъ
Поэтъ (1) —
(И случая сего вовѣки не забуду;
Вовѣки вспоминать о немъ съ печалью буду) —
Чтобы *Делилевы* стихи я перевелъ (2)...
Вдругъ Геній надо мной Поэта пролетѣлъ;
Восторгъ въ душѣ моей... желаніемъ пылаю...
Скорѣе въ кабинетъ... и что же? тамъ читаю
Прекрасный переводъ... ахъ! самыхъ сихъ
стиховъ (3)!
Нѣтъ! выразить тоски я не имѣю словъ,
Когда былъ принужденъ, увы! себѣ признаться,
Что превзойти его не должно мнѣ ласкаться...
Кто любитъ прямо Музъ, кто самъ люби-
мецъ ихъ,
Тотъ можетъ быть одинъ судьею чувствъ
моихъ!
Нимало не хочу надменнымъ быть *Пан-
софомъ* (4);
Но, ахъ! хотѣлъ бы быть Поэтомъ-Философомъ;
Хотѣлъ бы, на примѣръ, небесный даръ имѣть
Хераскова: какъ онъ, Героевъ славу пѣть;

---

(1) И* И* Д***.
(2) О безсмертіи (sur l'immortalité).
(3) Въ Вѣстникѣ Европы Ю* А* Н***.
(4) Всезнающій.

съ Державинымъ Царей , вельможъ и добродѣтель
(Которую люблю : мнѣ совѣсть въ томъ свидѣтель);
съ N... N... души и сердца кажду страсть ;
Съ Нелединскимъ любви надъ нами сладку власть ,
И съ Дмитревымъ плѣнять разсказомъ, остротою —
Вотъ чѣмъ я звалъ своей щастливою судьбою!
Въ смиренной хижинѣ , подъ низкимъ кровомъ симъ ,
Убогимъ отческимъ наслѣдіемъ моимъ ,
Не сѣтуя живу и жизнью наслаждаюсь ;
Натурой , книгами , мечтами упѣшаюсь. —
Любезная весна въ странѣ щастливой сей (*)
Безчисленность утѣхъ даритъ душѣ моей.
Гуляю въ рощицахъ подъ небомъ лучезарнымъ,
И въ мысляхъ говорю со вздохомъ благодарнымъ:
„Какъ щастливъ человѣкъ съ чувствительной душой !
Пусть будетъ онъ забытъ Фортуною, Судьбой:
Онѣ самъ забудетъ ихъ, въ груди его хранится
Источникъ щастія , которой истощится
Не можетъ никогда ; съ которымъ онъ и тамъ
Щастливымъ долженъ быть , конецъ гдѣ всѣмъ вещамъ !“

К. III — въ.

(*) Въ Малороссіи. Стихи сіи писаны весною.

V.

Письмо Русскаго путешественника изъ Берлина.

Берлинъ, 28 Іюня, 1803.

Пишу къ вамъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, любезный Н. М. Вы увѣрены конечно, сколь много почитаю и люблю васъ; а я увѣренъ, что мое письмо будетъ вамъ пріятно. — Путешествіе мое благополучно; я ѣду тихо, но покойно. Въ Ригѣ жилъ пять дней. Этотъ городъ мнѣ понравился чрезвычайно. Я смотрѣлъ ратушу, библіотеку, домъ *Черноголовыхъ* (*Schwarzhäupter*); гулялъ въ саду Фитингофа — провелъ цѣлыя сутки въ деревнѣ добраго Господина Гая, банкира моего. Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всѣ по-Французски, и очень обходительны. — Въ первый день пріѣзда моего въ Ригу, я пошелъ искать дому Господина Гая; долго не находилъ его; вижу прекрасную женщину, сидящую подъ окномъ, съ книгою въ рукахъ. Она догадалась, что я пріѣзжій; позвала меня очень учтиво и спросила, кого мнѣ надобно. Мужъ ея вышелъ, пригласилъ къ себѣ, и я очутился въ домѣ богатаго купца Эльснера. Жена его,

или, лучше сказать, Грацiя читала ваше *Путешествiе* — натурально, что я говорилъ о васъ; сказалъ, что васъ знаю; что вы меня любите; что наканунѣ отъѣзда моего я провелъ цѣлой день съ вами. Г. Эльснеръ далъ мнѣ письмо къ брату своему въ Парижъ; онъ самъ недавно отъ туда возвратился, очень знакомъ съ Сiесомъ, съ Франсуа де Нёщато и со многими другими учеными людьми. — Въ Данцигѣ я видѣлъ великолѣпную соборную церковь. Картина Страшнаго Суда достойна примѣчанiя; только я удивляюсь воображенiю живописца Ван-Эйка. Архангелъ Гавриилъ держитъ вѣсы, и вѣситъ грѣшниковъ: кто тяжелъ, тотъ и грѣшенъ; того и тащитъ Сатана крюкомъ въ адъ. Блаженные, идущiе въ рай, чрезвычайно другъ на друга похожи, и что-то не такъ веселы, какъ бы имъ быть надлежало; но краски живы, и нѣкоторыя физiономiи чрезвычайно хорошо изображены; а особливо нашей братьи, грѣшниковъ. Порокъ, видно, во всемъ легче представить, нежели добродѣтель! — Въ Данцигѣ есть собранiе на подобiе нашего Англiйскаго Клуба. Банкиръ мой, Господинъ Пельпръ, меня туда пригласилъ съ собою; я читалъ газеты, и разговаривалъ съ Пельпромъ о на-

шей Литтературѣ. *Путешествіе* ваше ему очень извѣстно, но похвальнаго Слова онъ еще не имѣетъ. —

Въ Берлинѣ я живу очень пріятно. Господинъ Алопеусъ, Министръ нашъ, человѣкъ умной и благосклонный. Господинъ Коцебу былъ у меня, и я третьяго дня у него ужиналъ; подарилъ ему портреіпъ вашъ, и онъ благодарилъ меня чрезвычайно. Вчера я видѣлъ въ первой разъ Ифланда: актеръ безподобный, и какихъ я, конечно, видалъ мало. Онъ играетъ такъ натурально, такъ хорошо, что я хотя по-Нѣмецки знаю плохо, но понималъ все. Актрисы здѣсь-также очень хороши: Унцельманъ, Миллеръ, и пр. Я сидѣлъ въ ложѣ у Коцебу; играли его новую Комедію *Die Pagen-Streiche*, которая еще неизвѣстна въ Россіи. Сегодня я званъ на вечеръ къ Господину Мерпа, здѣшнему книгопродавцу, ученому и любезному человѣку. — Въ Берлинѣ я видѣлъ всѣ рѣдкости; все, что достойно любопытства: дворецъ, въ которомъ всего болѣе мнѣ полюбилась картина Ангелики Кауфманъ, *Іисусъ*; Арсеналъ, Оперный домъ, Католическую церковь, фарфоровую фабрику, Королевскую библіотеку. Фасада Опернаго дома прекрасна; но великолѣпнѣйшее зданіе въ Берлинѣ, — зданіе, которое про-

славляетъ царствованїе Фридриха Вильгельма, — вороты Бранденбургскїя, построенныя на подобїе Аѳинскихъ Пропилей, всего болѣе прельщаютъ глаза путешественника.

Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ, и курить табакъ. Лучшїй домъ принадлежитъ славному Ифланду. Я тамъ гулялъ и провелъ цѣлой вечеръ съ нашимъ Священникомъ, Иваномъ Борисовичемъ Чудовскимъ. Онъ съ удовольствїемъ вспоминаетъ о васъ, и сказывалъ мнѣ, что вы у него пили чай въ Дрезденѣ. — Я живу въ *Hôtel de Russie*; просыпаюсь и вижу липовую алею; вижу Берлинскихъ красавицъ съ корзинками въ рукахъ, которыя прогуливаются и работаютъ. — Знатныхъ господъ теперь въ городѣ мало. Вдовствующая Королева въ Фреенвалдѣ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями.

За хозяйскимъ обѣдомъ я познакомился съ однимъ Полякомъ, Госп. Бернаки, которой любитъ Руской языкъ и читаетъ Рускїя книги. Онъ мнѣ сообщилъ Польскїя басни, и я перевелъ одну, которую вамъ посылаю.

П. П. Сей часъ я возвратился изъ Института глухихъ и нѣмыхъ. Г. Профессоръ Эшке есть истинный другъ человѣчества. Одного нѣмаго спросили при мнѣ, что такое Россія? — „Великая Имперія.“ — Какъ называютъ Императора Россійскаго? — „АЛЕКСАНДРЪ.“ — Профессоръ сказалъ ему мое имя; онъ тотчасъ написалъ: *Пушкинъ*. — Я былъ пронутъ до слезъ. Кто любитъ добро, долженъ любить и почитать такихъ людей, каковъ Эшке. Они дѣлаютъ честь роду человѣческому. Оттуда ѣздилъ я въ *Hôtel de Charité*, домъ сумасшедшихъ: зданіе огромное, и которое находится подъ надзираніемъ славнаго Гуфланда. — Лучше и пріятнѣе видѣть нещастныхъ нѣмыхъ, которые, посредствомъ искусства, перестаютъ быть нещастными, нежели вѣчныхъ страдальцевъ.

В. Пушкинъ.

VI.

Разговоръ Діогена съ Аристиппомъ о лести.

Діогенъ. Ты живешь при дворѣ царскомъ, а называешься Философомъ?

Аристиппъ. Философъ долженъ жить тамъ, гдѣ онъ всего нужнѣе людямъ.

Діогенъ. Аристиппъ хочетъ быть льстецомъ Тирана Сиракузскаго?

Аристиппъ. И спасителемъ невинныхъ или неосторожныхъ. Лесть и ложь не суть преступленія, какъ скоро онѣ полезны людямъ (*).

Діогенъ. Чтобы спасти ихъ, ты цѣлуешь ноги у Діонисія.

Аристиппъ. Какая нужда, естьли слухъ у него въ ногахъ?

Діогенъ. Философу Пиѳагоровой школы, которая всегда была ужасомъ тирановъ, надлежало бы возбудить въ гражданахъ любовь къ отечеству; надлежало бы влiять силу и мужество въ сердца слабыя, которыя умѣютъ только трепетать и ненавидѣть. Естьли бы Судьба привела Діогена въ Сиракузы, то онъ не сталъ бы смѣшить подлаго тирана:

(*) Не думаю, чтобы Моралисту можно было согласиться на такое правило.

Дїогенъ сказалъ бы ему прямо въ глаза: „ты варваръ, ты гнусной сластолюбецъ и сочиняешь мерскїе спихи!“ Дїонисїй считаетъ себя богомъ: я доказалъ бы ему, что онъ не можетъ назваться и человѣкомъ.

Аристиллъ. Дїонисїй, властелинъ народа безоружнаго, окруженъ побѣдителями Африки и славою побѣдъ его: онъ умретъ тираномъ. На что досаждать ему? Развѣ для того, чтобы показать смѣлость и умножить его злодѣянїя моею казнїю? Гораздо лучше уменьшать или предупреждать ихъ. Я дерзаю гнѣвить его, когда надобно оказать услугу нещастнымъ. Не боюсь смерти, но люблю жизнь; не хочу пожертвовать ею тщеславїю, но радъ умереть для истиннаго блага людей.

Дїогенъ. Скажи лучше, что ты, привыкнувъ къ сластолюбїю, страшишься бѣдности болѣе, нежели и самой смерти.

Аристиллъ. Удовольствїе не порабощаетъ меня. Въ твоей душѣ, твердой и пламенной, сластолюбїе могло бы превратиться въ изступленїе; она замѣняетъ тебѣ все, и дѣлаетъ тебя ко всему способнымъ. Напротивъ того моя душа, умѣренная и мягкая, наслаждается роскошью, и можетъ обойтись безъ роскоши; я не такъ глупъ, чтобы презирать ее,

и не такъ страстенъ, чтобы ее боялся. Веселясь на шумныхъ празднествахъ пышнаго Дїонисїя, однимъ моимъ присутствїемъ не допускаю его до развратныхъ излишностей. Царедворцы, которыхъ ни законы, ни Природа остановить не могутъ, боятся, чтобы Аристиппъ не назвалъ ихъ грубыми во вкусѣ забавъ. Пользуюсь минутами, когда удовольствїе, размягчивъ душу Дїонисїя, усыпляетъ въ немъ подозрительность, и стараюсь возбудить въ тиранѣ не чувство справедливости (для такихъ людей уже нѣтъ ее), но жалость, которая никогда совершенно не истребляется. Зная, что онъ не можетъ дѣлать добра по любви къ добру, или по системѣ, хочу, чтобы онъ дѣлалъ его *изъ прихоти.* Однажды привели къ нему трехъ молодыхъ невольницъ, похищенныхъ морскими разбойниками; онѣ плакали. Тиранъ въ пресыщенїи своемъ не видалъ ни красоты, ни слезъ ихъ. Я похвалилъ новую его трагедїю. *Аристиппъ!* сказалъ онъ: *возьми одну изъ невольницъ.* — *Беру всѣхъ трехъ*, отвѣчалъ я: *Парису худо было за то, что онъ выбралъ.* — Онъ засмѣялся: а я на другой день отослалъ невольницъ къ ихъ родителямъ.

Діогенъ. Такимъ образомъ смѣшиваясь съ толпою подлыхъ льстецовъ,

остроумный Аристиппъ беретъ на себя должность успокоивать тирана въ угрызенїяхъ совѣсти его! Видя тебя въ своихъ чертогахъ, онъ менѣе страшится ненависти и презрѣнїя. Чѣмъ болѣе имѣешь ума и славы, чѣмъ болѣе можешь извинять его, тѣмъ въ глазахъ моихъ ты виновнѣе. Напрасно думаешь предупреждать его злодѣянїя, утверждая его въ порокахъ.

Аристиппъ. Я хитрою лестїю истребляю зло, производимое грубою лестїю рабовъ его. Они славятъ Дїонисїево могущество и ужасъ, вселяемый въ сердца самовластїемъ его; говорятъ ему о злыхъ людяхъ, о заговорщикахъ, обезоруженныхъ его предвидѣнїемъ и строгимъ правосудїемъ. Тогда онъ ярится какъ левъ, и вымышляетъ новыя предосторожности, новыя средства находить и казнить виновныхъ; тогда Фурїи волнуютъ его сердце. Будучи одинъ свободенъ при Дворѣ его, имѣю то щастїе, что Дїонисїй во мнѣ одномъ не полагаетъ опасныхъ для него умысловъ; онъ открываетъ мнѣ злобу и страхи свои. „Государь!“ отвѣчаю ему: „всѣ шакїя предосторожности заставляютъ думать Сиракузцевъ, что „ты считаешь — и слѣдственно имѣешь причину считать себя — ихъ непрїятелемъ. Бойся умножить сїи пред-

„осторожности, чтобы смѣлой человѣкъ „не вмѣнилъ себѣ въ честь и славу обма- „нуть тебя. Не стража, но имя твое „есть для тебя защита. Дїонисїй по- „чтенъ, ибо онъ наказалъ враговъ Сици- „лїи, любитъ искусства и сдѣлалъ Си- „ракузы вторыми Аѳинами: вотъ осно- „ваніе твоей безопасности!“ — Дїонисїй, успокоенный моими словами, призываетъ къ себѣ людей просвѣщенныхъ и добро- дѣтельныхъ, и смягчается въ ихъ обще- ствѣ. Онъ досадуетъ, что Карѳагенцы владѣютъ еще нѣкоторыми городами въ Сицилїи, вымышляетъ способы выгнать ихъ, и оставляетъ Сиракузы въ покоѣ.

„Тебя ненавидятъ (говорю ему въ „другое время), ненавидятъ за то, что „отечество угнетено тобою; граждане, „лишенные свободы, пылаютъ местїю: „истреби же тиранскїе законы, которые „были стыдомъ и несчастїемъ Сиракузъ „во время ихъ мнимой вольности; дай „законы кротїе, спасительные для бѣд- „ныхъ и для самыхъ рабовъ; щедротами „своими принудь гражданъ благословлять „тебя, и жизнь твоя будетъ спокойна „среди друзей признательныхъ; и Грецїя, „удивленная твоими талантами и побѣ- „дами, включитъ тебя въ число своихъ „героевъ и мудрецовъ.“ — Такимъ обра-

зомъ пользою его и славою обуздываю природную въ немъ свирѣпость, и тиранъ даетъ щастливые, мудрые законы.

Дїогенъ. Но Демаратъ и Агатоклъ, имъ изгнанные, разглашаютъ, что ты ругался надъ ихъ нещастїемъ, и Грецїя можетъ считать Аристиппа подлымъ царедворцемъ.

Аристиллъ. Когда Дїонисїй выгналъ сихъ второстепенныхъ тирановъ, которые вмѣстѣ съ нимъ утѣсняли Сиракузцевъ, тогда весь Дворъ, прославляя Царя, говорилъ, что онъ праведно наказалъ ихъ дерзость. Враги же его кричали, что онъ лучшими гражданами пожертвовалъ мести своей. Я отвѣчалъ и тѣмъ и другимъ: „естьли бы изгнанные не были его врагами, „то ему надлежало бы наказать ихъ гораз„до строже. Вспомните нещастнаго стран„ника, принесеннаго въ жертву богамъ „суевѣрною и люпою ихъ политикою: „Дїонисїй хотѣлъ отмстить тиранамъ „за его убїенїе, а не за собственныя до„сады.“ — Можетъ ли Дїогенъ хорошо мыслить о Демаратѣ?

Дїогенъ. Я презираю глупцевъ и ненавижу жестокихъ; но еще болѣе ненавижу Дїонисїя, ибо онъ имѣетъ болѣе власти. Естьли душа твоя благородна, то за чѣмъ ползаешь при Дворѣ тирана,

гдѣ, среди общихъ бѣдствій, можешь только остановить нѣкоторое частное зло? Живи въ Греціи; образуй людей своимъ наставленіемъ, возвышай ихъ сердце своимъ примѣромъ. Ты будешь полезнѣе, не унижая себя.

Аристиппъ. Всякой просвѣщенной человѣкъ можетъ дѣлать добро въ свободномъ городѣ; одинъ Аристиппъ можетъ быть полезенъ въ Сиракузахъ. Позволь мнѣ тамъ остаться. Лучше, естьли бы Сицилія была управляема мудрыми законами; но когда это лучшее невозможно, то, не жалуясь на Судьбу, будемъ благотворить по возможности.

Діогенъ. Не больно ли видѣть всегда тирана и жить съ рабами?

Аристиппъ. Я пріѣхалъ отдохнуть въ Грецію — взглянуть на свободныхъ людей, и поговорить съ Діогеномъ.

Діогенъ. Естьли бы ты умѣлъ жить по-моему, то не поселился бы во Дворцѣ Сиракузскомъ.

Аристиппъ. Естьли бы ты умѣлъ жить съ людьми, то не залѣзъ бы въ бочку. За мое веселое добродушіе прости мнѣ вѣтреныя мои удовольствія; а я за твердость души твоей прощаю тебѣ жестокую твою гордость.

Діогенъ. Аристиппъ согласится ли нынѣшній день обѣдать съ Діогеномъ, ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду ключевую?

Аристиллъ. Съ радостію. Не смотря на мое сластолюбіе, я предпочитаю острыя слова твои славнѣйшимъ Сиракузскимъ винамъ.

Кондорсетъ.

VII.

Рыцарь нашего времени.

(Продолженіе Романа, котораго начало было напечатано въ 13 и въ 18 нумерѣ *Вѣстника Европы* прошедшаго году. Естьли читатели забыли его, то слѣдующія главы будутъ для нихъ *отрывкомъ*. Сей Романъ вообще основанъ на *воспоминаніяхъ* молодости, которыми Авторъ занимался во время душевной и тѣлесной болѣзни: такъ по крайней мѣрѣ онъ намъ сказывалъ, отдавъ его, съ низкимъ поклономъ, для напечатанія въ Журналѣ.)

Глава IX.

Мечтательность и склонность къ меланхоліи.

И такъ Леонъ читаетъ книги, отъ времени до времени бѣгаетъ встрѣчать

гостей, ѣздитъ иногда и самъ въ гости къ добрымъ провинцїяламъ, слушаетъ ихъ разговоры, и проч. Довольно занятїя; но онъ еще имѣетъ время задумываться и мечтать. Не смотря на маленькую слабость мою къ романамъ, признаюсь, что ихъ можно назвать теплицею для юной души, которая отъ сего чтенія зрѣетъ прежде времени; а это, естьли вѣрить философическимъ Медикамъ, бываетъ вредно . . . по крайней мѣрѣ для здоровья. „Губите себя вашими книгами „и романами!“ восклицаетъ одинъ важный Докторъ: „но оставьте въ покоѣ недо„вершенное произведенїе Натуры; не вос„паляйте воображенїя дѣтей; дайте „укрѣпиться молодымъ нервамъ и не при„водите ихъ въ напряженїе, естьли не „хотите, чтобы равновѣсїе жизни раз„строилось съ самаго начала!“ Леонъ на десятомъ году отъ рожденїя могъ уже часа по-два играть воображенїемъ и строить замки на воздухѣ. *Опасности* и *геройская дружба* были любимою его мечтою. Достойно примѣчанїя то, что онъ въ опасностяхъ всегда воображалъ себя *избавителемъ*, а не *избавленнымъ*: знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ *мысленно* летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго

разбойниками; или бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его. Такое Дон-Кишотство воображенїя заранѣе опредѣляло моральный характеръ Леоновой жизни. Вы безъ сомнѣнїя не мечтали такъ въ своемъ дѣтствѣ, спокойные Флегматики, которые не живете, а дремлете въ свѣтѣ, и плачете только отъ одной зѣвоты! и вы благоразумные Эгоисты, которые не *привязываетесь* къ людямъ, а только съ осторожностїю за нихъ *держитесь*, пока связь для васъ полезна, и свободно отводите руку, какъ скоро они могутъ чѣмъ нибудь васъ потревожить! Герой мой снимаетъ съ головы маленькую шляпку свою, кланяется вамъ низко и говоритъ учтиво: „Милостивые государи! вы никогда „не увидите меня подъ вашими знаменами съ буквою П и Я!“

Сверхъ того онъ любилъ грустить, не зная, о чемъ. Бѣдной! .... Ранняя склонность къ меланхолїи не есть ли предчувствїе житейскихъ горестей? .... Голубые глаза Леоновы сїяли сквозь какой-то флеръ, прозрачную завѣсу чувствительности. Печальное сиротство еще усилило это природное расположенїе ко грусти. Ахъ! самый лучшїй родитель никогда не можетъ замѣнить матери,

нѣжнѣйшаго существа на земномъ шарѣ! Одна женская любовь, всегда внимательная и ласковая, удовлетворяетъ сердцу во всѣхъ отношеніяхъ! . . . Такимъ образомъ Леонъ былъ приготовленъ Натурою, судьбою и романами къ слѣдующему.

Глава X.

Важное знакомство.

Въ сосѣдствѣ у Капитана Радушина поселился Графъ Міровъ, жилецъ столицы, богатой человѣкъ, который нѣкогда служилъ вмѣстѣ съ нимъ и хотѣлъ возобновить старое знакомство. Капитанъ пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ сыномъ. Леонъ въ первый разъ увидѣлъ огромный домъ, множество лакеевъ, пышность, богатое украшеніе комнатъ, и шелъ за отцомъ съ робкимъ видомъ. Не мудрено, что онъ дурно поклонился хозяину, переступалъ съ ноги на ногу, не зналъ, куда глядѣть, куда дѣвать руки. Суровой видъ Графа (человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ) еще умножилъ его робость; но взглянувъ на миловидную Графиню, Леонъ обсдарился. . . . взглянулъ еще и вдругъ перемѣнился въ лицѣ: заплакалъ, хотѣлъ скрыть слезы свои, и не могъ.

Это удивило хозяевъ; желали знать причину, спрашивали — но онъ молчалъ. Отецъ велѣлъ ему говорить — и тогда Леонъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „Графиня похожа на матушку.“ Капитанъ посмотрѣлъ — сказалъ: „это правда; извините насъ, милостивая государыня“ — и самъ залился горькими слезами. Леонъ все забылъ, и бросился къ нему въ объятія. . . . Графъ былъ холоденъ; но Графиня, не даромъ похожая на мать Леонову, утирала себѣ глаза платкомъ. Обыкновенная блѣдность лица ея покрылась свѣжимъ румянцемъ. . . О женщины! какое движеніе чувствительности не находитъ въ сердцѣ вашемъ вѣрнаго отзыва? . . . Леонъ смотрѣлъ на Эмилію (имя Графини) съ трогательною, живѣйшею благодарностію, а Эмилія на Леона съ нѣжною ласкою. Все разстояніе между двадцати-пяти лѣтнею свѣтскою дамою и десятилѣтнимъ деревенскимъ мальчикомъ исчезло въ минуту симпатіи.... но эта минута обратилась въ часы, дни и мѣсяцы. Я долженъ теперь разсказывать странности . . . Не мудрено было полюбить нашего Героя, прекраснаго личикомъ, миловиднаго, чувствительнаго, умнаго; но привязаться къ нему безъ памяти, со всѣми знаками живѣйшей

страсти, къ невинному ребенку: вопъ что называю неизъяснимою странностію! . . . Но развѣ женщины когда нибудь были *изъяснимы*? . . . Между тѣмъ надобно познакомить читателя съ Графинею.

Глава XI.

Отрывокъ Графининой исторіи.

L'hiſtoire d'une femme eſt toujours un roman — *Исторія женщины есть всегда романъ*, сказалъ одинъ Французъ въ такомъ смыслѣ, который всякому понятенъ. Любовь конечно есть главное дѣло ихъ жизни: правда, что и мущинамъ не весело жить безъ нее; но они имѣютъ разсѣянія, могутъ забываться, обманываться и средства принимать за цѣль; а красавицы безпрестанно стремятся къ одной мѣтѣ, и риѳма: *жить - любить*, есть для нихъ математическая истина. Никто не удивится, естьли скажу, что Графъ былъ для Графини — только мужемъ, то есть: человѣкомъ иногда сноснымъ, иногда нужнымъ, иногда скучнымъ до крайности; но сспьли примолвлю, что Графиня, будучи прелестною и милою, до пріѣзда въ деревню умѣла сохранить тишину

сердца своего, и не *случайно* (ибо случай бываетъ не рѣдко попечительнымъ дядькою невинности), но по системѣ и разсудку: то самой легковѣрной читатель улыбнется. . . . Тѣмъ хуже для нравовъ нашего времени! Герой мой, вошедши въ свѣтъ, разспрашивалъ о Графинѣ: всѣ говорили объ ней съ почтеніемъ. Пятидесятилѣтнія дѣвицы увѣряли его, что Московскія *лѣтописи злословія* упоминали объ ней весьма рѣдко, и то мимоходомъ, приписывая ей одно кокетство минутное или — (техническое слово, неизвѣстное профанамъ!) — *кокетство отъ разсѣянія*, исчезавшее отъ перваго движенія разсудка и не имѣвшее никогда слѣдствій. Не знаю, какъ другіе — а я послѣ такого свидѣтельства расположенъ вѣрить слѣдующему письму Графини, писанному въ день отъѣзда ея къ одной вѣрной пріятельницѣ, которая послѣ сама отдала его Леону. Оно, за неимѣніемъ другихъ біографическихъ матеріаловъ, послужитъ намъ *эскизомъ* Графининой исторіи.

„Прости, милая! . . Черезъ два ча-
„са мы ѣдемъ. Бога ради не тужи обо мнѣ
„и не брани мужа моего, которой взду-
„малъ сдѣлаться экономомъ въ Генварѣ
„мѣсяцѣ! Клянусь тебѣ, что не жалѣю
„о Москвѣ, гдѣ не оставляю ничего лю-

„безнаго, и гдѣ со времени твоего отъ-
„ѣзда мнѣ было даже скучно. Ты не вѣ-
„ришь моему равнодушїю къ свѣтскимъ
„удовольствїямъ, говоря: *Пусть безобраз-*
„ныя женщины ненавидятъ зеркало: краco-
„та и любезность охотно въ него загляды-
„ваютъ — а свѣтъ есть для насъ зеркало!
„Но я, право, не думаю тебя обманы-
„вать. Какъ скоро женщина не хочетъ
„быть кокеткою, то блестящїе ужины
„и балы не плѣняютъ ее. Вопреки зло-
„словїю мущинъ, мы иногда разсуждаемъ,
„имѣемъ правила и слѣдуемъ имъ. Все,
„что я видѣла въ свѣтѣ, еще болѣе увѣ-
„рило меня въ необходимости обуздыва-
„ть движенїя вѣтренаго сердца и само-
„любїя нашего. Вѣрю, что *лыжкїя стра-*
„сти имѣютъ райскїя минуты — но *ми-*
„нуты! а я хотѣла бы *жить* въ раю:
„иначе не желаю и знать его. Замужняя
„женщина должна или находить щастїе
„дома, или великодушно отъ него
„отказаться: судьба не дала мнѣ пер-
„ваго — и такъ надобно утѣшиться
„великодушїемъ. То и другое видимъ рѣд-
„ко: не правда ли? слѣдственно могу
„чѣмъ нибудь хвалиться въ жизни. Не
„будучи, къ щастїю, Руссовою Юлїею,
„я предпочла бы нѣжнаго Сен-Прё слиш-
„комъ благоразумному Вольмару, и, не

„смотря на розницу въ лѣтахъ, умѣла „бы обожать своего мужа, естьли бы онъ „былъ . . . *хотя* Вольмаромъ! Но Графъ „мой совершенной Стоикъ: не привязы- „вается душею никъ чему тлѣнному, и „не стыдится говорить, для чего онъ „на мнѣ женился! . . . Такой мужъ, „оставляя сердце безъ дѣла, даетъ мно- „го труда уму и правиламъ. Въ первые „два года я была съ нимъ нещастлива; „испытала безъ успѣха всѣ способы вы- „вести его изъ *убивственнаго равнодушія* — „даже самую ревность — и наконецъ „успокоилась. Естьли Провидѣніе испол- „нитъ единственное желаніе моего сердца: „быть матерью, то оставлю дѣтямъ „въ наслѣдство непорочное имя. По „крайней мѣрѣ я была достойна ща- „стія, и ничто не мѣшало бы мнѣ имъ „наслаждаться: не боялась ни провица- „тельныхъ глазъ злословія, ни мнѣнія „людей строгихъ! . . .

„Однакожь передъ отъѣздомъ нашимъ „я была — едва не въ опасности! Вообра- „зи, что томной Н*, побывавъ шесть „или семь разъ у насъ въ домѣ, вздy- „малъ написать ко мнѣ любовное пись- „мо! . . Бѣдной молодой человѣкъ! . . . „Онъ такъ хорошо умѣетъ говорить „съ женскимъ сердцемъ; такъ хорошо

„льстилъ моему самолюбію, не говоря „ни слова, а полько смотря на меня и „на другихъ женщинъ! Можно иногда „сносить нескромные взоры, но дерзкое „письмо требовало *рѣшительныхъ мѣръ*: „ему отказано отъ дому (*)! По обыкно- „венію своему я принесла къ Графу *новое* „любовное объявленіе, написанное, какъ „водится, на розовой бумажкѣ (**): по „обыкновенію своему онъ не читалъ его, „а спряталъ въ бюро, сказавъ, что „даетъ мнѣ слово прочесть въ деревнѣ, „отъ скуки, всѣ нѣжныя эпистолы мо- „ихъ нещастныхъ Селадоновъ. Шутка „не дурна! Графъ иногда забавенъ, и съ „нѣкотораго времени бываетъ почти „ласковъ. Можно сказать, что мы жи- „вемъ съ нимъ душа въ душу, съ той „минуты, какъ я переспала искать въ „немъ души! . . . Онъ хотѣлъ въ удо- „вольствіе мое взять съ собою въ дерев- „ню Итальянскаго пѣвца и еще двухъ „или трехъ музыкантовъ: я отказа- „лась — музыка приводитъ меня въ мелан- „холію; а въ уединеніи это дѣйствіе

(*) Надобно вспомнить, что это было въ старину; по крайней мѣрѣ очень давно.

(**) Опять старинное! нынѣ уже не пишутъ въ такихъ случаяхъ на розовыхъ бумажкахъ.

„можетъ быть еще сильнѣе. . . Думаю „броситъ даже и романы: начто волно- „вать мечтами сердце и воображенїе, „когда спокойствїе должно быть моимъ „благополучїемъ ?“ . . . . .

Послѣднихъ десяти строкъ мы никакъ не могли разобрать: онѣ почти совсѣмъ изгладились отъ времени; такїя бѣды случаются не рѣдко съ нами, Антикваріями! Но читатели имѣютъ уже легкую идею о характерѣ, умѣ и правилахъ Эмилїи. Надобно сказать что нибудь объ ея наружности: въ женщинахъ это не послѣднее. Онѣ сами въ томъ увѣрены — и добродушнѣйшая изъ нихъ проститъ всякое злословїе, кромѣ неосторожнаго слова на счетъ ея красоты.... Я видѣлъ милый портретъ Графини ... „Но живописцы такїе льстецы!“... У меня есть другое свидѣтельство. Герой мой донынѣ говоритъ съ восторгомъ о голубыхъ Ангельскихъ глазахъ ея, нѣжной улыбкѣ, Дїаниной стройности, длинныхъ волосахъ каштановаго цвѣта.... Читатели опять могутъ остановить меня замѣчанїемъ, что воображенїе романическихъ головъ стоитъ всякаго льстеца-живописца... И то правда; но я рѣшу сомнѣнїе, объявляя наконецъ, что самъ Графъ Мировъ, который въ глубокой

старостя познакомился со мною, хваля какую нибудь прелестницу, всегда говаривалъ: „она почти такъ же хороша, „какъ была моя Графиня въ молодости!“ Свидѣтельство мужа о красотѣ жены принимается во всѣхъ судахъ: и такъ читатели — въ добавокъ къ голубымъ глазамъ, къ нѣжной улыбкѣ, стройному стану и длиннымъ волосамъ каштанноваго цвѣта — могутъ вообразить полное собраніе всего, что насъ плѣняетъ въ женщинахъ, и сказать себѣ въ мысляхъ: „такова была Графиня Мирона!“ Имѣю довѣренность къ ихъ вкусу.

Глава XII.

Вторая каменька.

Мы уже назвали привязанность Эмиліи къ Леону *неизъяснимою*; однакожь замѣтимъ исторически нѣкоторыя обстоятельства, служащія къ *объясненію* дѣла. Славный Майоръ Ѳаддей Громиловъ, который зналъ людей не хуже Военнаго Устава, и Воеводскій Товарищъ Прямодушинъ (*), котораго длинный орлиный

(*) Объ нихъ говорено было въ предшедшихъ главахъ.

носъ былъ неоспоримымъ знакомъ наблюдательнаго духа, часто говаривали Капитану Радушину: „Сынъ твой родился въ сорочкѣ; что взглянешь, то полюбишь его!“ Это доказываетъ между прочимъ, что старики наши, не зная Лафатера, имѣли уже понятіе о Физіогномикѣ, и считали *дарованіе* нравиться людямъ за великое благополучіе (горе человѣку, который не умѣетъ цѣнить его!) . . . Леонъ вкрадывался въ любовь какимъ-то привѣтливымъ видомъ, какими-то умильными взорами, какимъ-то мягкимъ звукомъ голоса, который пріятно отзывался въ сердцѣ. Графиня же видѣла его въ прелестную минуту чувствительности, — въ слезахъ нѣжнаго воспоминанія, котораго *она сама была причиною*: сколько выгодъ для нашего Героя! Надобно также сказать, что Эмиліа, не смотря на ея *мудрыя правила* и великое благоразуміе, начинала томиться скукою въ деревнѣ, проводя дни и вечера съ глазу на глазъ съ хладнокровнымъ супругомъ. Какъ пріятно обласкать хорошенькаго мальчика! Онъ вырось въ деревнѣ, застѣнчивъ, неловокъ: какъ весело взять его на свои руки! . . . „Бѣдной сиротка! у него нѣтъ матери! „а онъ такъ любилъ ее! Она же была на

„меня похожа! Я приготовлю деревенска-
„го мальчика быть любезнымъ человѣ-
„комъ въ свѣтѣ, и мое удовольствіе
„обратится для него въ благодѣяніе!“..
Такъ могла думать Графиня, стараясь милыми ласками привязать къ себѣ Леона, который едва вѣрилъ своему щастію, и съ такою чувствительностію принималъ ихъ, что Эмилія въ другое свиданіе сказала ему сквозь слезы: „Ле-
„онъ! я хочу заступить мѣсто твоей
„маменьки! Будешь ли любить меня,
„какъ ты ее любилъ?“ . . . Онъ бросился цѣловать ея руку и заплакалъ отъ радости; ему казалось, что маменька его въ самомъ дѣлѣ воскресла! . .

И такъ Эмилія объявила Леона *нѣжнымъ другомъ своимъ*; сперва черезъ день, а наконецъ всякой день присылала за нимъ карету; сама учила его по-Французски, даже Исторіи и Географіи: ибо Леонъ (между нами будь сказано!) до того времени не зналъ ничего, кромѣ Езоповыхъ басенъ, Даиры и великихъ твореній Ѳедора Эмина. Графиня старалась также образовать въ немъ пріятную наружность: показала, какъ ему надобно ходить, кланяться, быть ловкимъ въ движеніяхъ — и Герой нашъ не имѣлъ нужды въ танцмейстерѣ. Разумѣется,

что его одѣли уже по модѣ: маленькая слабость женщинъ! Любя наряжаться, онѣ любятъ и наряжать все, что имѣетъ щастїе имъ нравиться. Черезъ двѣ недѣли сосѣди не узнавали Леона въ модномъ фракѣ его, въ Англїйской шляпѣ, съ Эмилїиною тросточкою въ рукѣ и совершенно городскою осанкою. „Что за чудо?“ разсуждали они — но чудо изъяснялось тѣмъ, что любезная свѣтская женщина занималась нашимъ деревенскимъ мальчикомъ. Отецъ говорилъ ему: „Леонъ! я съ тобою почти не вижусь; но мнѣ пріятно, что добрыя сердца тебя любятъ. По милости Графининой ты будешь человѣкомъ!“ — Успѣхи его во Французскомъ языкѣ были еще удивительнѣе: не видавъ въ глаза скучной Грамматики, онъ черезъ три мѣсяца могъ уже изъяснять на немъ благодарную любовь свою къ маменькѣ, и зналъ совершенно всѣ тонкости ласковыхъ выраженїй. Она гордилась ученикомъ своимъ, а всего болѣе — любила его!

Щастливой ребенокъ! будь осьмью годами старѣе, и — кто не позавидовалъ бы твоему щастїю? Но ты самому малолѣтству обязанъ своимъ рѣдкимъ благополучїемъ! Эмилїя, которой строгїя правила намъ извѣстны, могла полюбить одну невинность. Кто боится ребенка,

хотя и смышленаго, хотя и пылкаго, хотя и ревностнаго читателя романовъ? Мущины бываютъ страшны тогда, когда ихъ можно узнать въ женскомъ платьѣ: невинность еще не имѣетъ пола! и Графиня безъ всякаго упрека совѣсти согрѣвала Леона нѣжными поцѣлуями, когда онъ, пріѣхавъ, вбѣгалъ холодной въ кабинетъ ея, и еспьли — не было съ нею Графа. Она никогда не завтракала безъ ученика своего, какъ ни рано вставала: ибо молодыя супруги мужей, почтенныхъ лѣтами, охотно исполняютъ сіе важное предписанїе Медиковъ. Эмилїя сама варила кофе — а онъ, стоя за нею, чесалъ гребнемъ ея свѣтлые, каштановые волосы, которые почти до земли доставали, и которые любилъ онъ цѣловать... ребячество! и много подобнаго она дозволяла ему. На примѣръ: у него была страсть служить ей за туалетомъ, и горничная дѣвушка ея наконецъ такъ привыкла къ его услугамъ, что не входила уже при Леонѣ въ уборную комнату Госпожи своей... Краснѣюсь за моего Героя, но признаюсь, что онъ подавалъ Графинѣ — даже башмаки!.. „Можно ли такъ унижаться благородному человѣку?“ скажутъ провинціяльные дворяне. За то онъ видѣлъ самыя прекрасныя ножки въ свѣтѣ!...

Минуты ученья были для него минутами наслажденія: взявъ Французскую книгу, Леонъ садился подлѣ маменьки, такъ близко, что чувствовалъ біеніе сердца ея; она клала ему на плечо свою голову, чтобы слѣдовать за нимъ глазами по страницамъ. Прочитавъ безъ ошибки нѣсколько строкъ, Леонъ взглядывалъ на нее съ улыбкою — и въ такомъ случаѣ губы ихъ невольно встрѣчались: успѣхъ требовалъ награды, и получалъ ее! Передъ обѣдомъ Графиня садилась за клавесинъ: играла, пѣла — и нѣжной ученикъ ея плѣнялся новостію сего райскаго удовольствія; глаза его наполнялись слезами, сердце трепетало, и душа такъ сильно волновалась, что иногда, схвативъ Эмилію за руку, онъ говорилъ: „полно, полно, маменька!“ но черезъ минуту хотѣлъ опять слушать то же.... Какая прелестная весна наступила для Леона! Графиня любила ходить пѣшкомъ: онъ былъ ея путеводителемъ, и съ неописаннымъ удовольствіемъ показывалъ ей любезныя мѣста своей родины. Часто садились они на высокомъ берегу Волги, и Леонъ, подъ шумомъ волнъ, засыпалъ на колѣняхъ нѣжной маменьки, которая боялась тронуться, чтобы не разбудить его: сонъ красоты и невинности казался ей такъ

милъ и прелестенъ!... Смотри и наслаждайся, любезная Эмилїя! Заря чувствительности тиха и прекрасна; но бури не далеко. Сердце любимца твоего зрѣетъ вмѣстѣ съ умомъ его, и цвѣтъ непорочности имѣетъ судьбу другихъ цвѣтовъ!

Читатель подумаетъ, что мы сею риторическою фигурою готовимъ его къ чему нибудь пропивному невинности: нѣтъ!.. время еще впереди! Герою нашему исполнилось только одиннадцать лѣтъ отъ роду... Однакожъ любовь къ истинѣ заставляетъ насъ описать маленькой случай, который можетъ быть растолкованъ и такъ и сякъ...

Глава XIII.

Новый Актеонъ.

Леонъ зналъ, что Графиня всякой день по утру купается въ маленькой рѣчкѣ близь своего дому. Однажды, проснувшись рано, онъ спѣшилъ одѣться, и, не дожидаясь Графининой кареты, пошелъ къ сему мѣсту съ какою-то неясною, но заманчивою мыслїю. Черезъ часъ спотитъ уже на берегу рѣки; видитъ тропинку, идущую отъ Графскаго дому; видитъ измятую траву... „Тутъ, вѣрно,

Графиня раздѣвается; сюда, вѣрно, будетъ она черезъ нѣсколько минутъ; надобно воспользоваться временемъ!“ . . . и Леонъ, спрятавъ свое платье въ кустахъ, бросается въ воду. . . . Высокія ивы съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ рѣчку; она струится по желтому, чистому песку, и лучь солнца, пробиваясь сквозь тѣнь деревьевъ, играетъ, кажется, на самомъ днѣ ея. Герой нашъ никогда еще не купался съ такимъ удовольствіемъ, и думаетъ: „какое прекрасное мѣсто выбрала маменька!“ Мудрено ли, что ему хочется вообразить ее въ зеркалѣ водъ?.. не умѣетъ! . . . Деревенской мальчикъ не видалъ ни мраморныхъ Венеръ, ни живописныхъ Дїанъ въ купальнѣ! . . . Правда, въ жаркїе дни ему случалось взглядывать на берегъ пруда, гдѣ сельскїя смуглыя красавицы . . . Но какъ можно сравнивать? смѣшно и подумать! . . . . Леонъ безъ сомнѣнїя обратился бы съ вопросами къ *божеству рѣки*, естьли бы зналъ Миѳологїю; но онъ по своему невѣжеству думалъ, что въ водѣ живутъ однѣ скромныя, молчаливыя рыбы! . . . Вдругъ бѣлое платье мелькнуло вдали сквозь деревья. . . Леону не было времени одѣться: онъ выскочилъ изъ рѣки на другой берегъ и легъ на землю въ малиновыхъ

кусточкахъ . . . Эмилїя пришла съ своими дѣвушками, осмотрѣлась и начала раздѣваться. . . Что дѣлаетъ нашъ малютка? тихонько раздѣляетъ вѣтви куста и смотритъ: это обвиняетъ его! но сердце бьется въ немъ какъ обыкновенно: это доказываетъ его невинность! Молодость такъ любопытна! взоръ ребенка такъ чистъ и безгрѣшенъ! Во всякомъ случаѣ *преступленїе глазъ* есть самое легкое: кто ихъ боится? и скупцы дозволяютъ смотрѣть на свое золото! . . . Эмилїя снимаетъ съ себя бѣлую кофточку, и берется рукою за кисейной платокъ на груди своей. . . Читатель ожидаетъ отъ меня картины во вкусѣ златаго вѣка: ошибается! Лѣта научаютъ скромности: пусть одни молодые Авторы сказываютъ публикѣ за новость, что у женщинъ есть руки и ноги! Мы, старики, все знаемъ: знаемъ, что можно видѣть, но должно молчать. Съ другой стороны нужно ли описывать въ романѣ такїя вещи, которыя (благодаря модѣ!) нынѣ у всякаго передъ глазами: въ собранїяхъ, на балахъ и гуляньяхъ? Въ романахъ описываютъ только Феникса и Жаръ-Птицу: не воробьевъ, не ласточекъ, всѣмъ извѣстныхъ. Я же долженъ смотрѣть на предметы единственно гла-

зами Героя моего; а онъ ничего не видалъ!... За Графинею прибѣжали три Англїйскія собаки, бросились въ рѣку, переплыли на другую сторону, обнюхали въ травѣ бѣднаго Леона и начали лаять. Онъ испугался, и во весь духъ пустился бѣжать отъ нихъ... онѣ за нимъ., съ лаемъ и визгомъ... Нещасшный Актеонъ! вотъ наказанїе за твое любопытство видѣть *богиню безъ покрова!* Къ щастїю, Графиня была не такъ зла, какъ Дїана, и не хотѣла затравить его какъ оленя. Узнавъ бѣглеца, она сама испугалась и кликала изо всей силы Англїйскихъ собакъ своихъ — которыя послушались, и дали ему благополучно убраться за ближнїй холмъ. Тамъ онъ безъ памяти упалъ на землю, насилу могъ отдохнуть, и съ унылымъ видомъ, черезъ часъ времени, возвратился къ своему платью; но видя, что къ шляпѣ его пришпилена роза, ободрился.... *Маменька на меня не сердита!* думалъ онъ, одѣлся и пошелъ къ ней... однакожь закраснѣлся, взглянувъ на Эмилїю; она хотѣла улыбнуться, и также закраснѣлась. Слезы навернулись у него на глазахъ... Графиня подала ему руку, и когда онъ цѣловалъ ее съ *отмѣннымъ* жаромъ, она другою рукою тихонько драла его за ухо. Въ весь тотъ день

Леонъ казался чувствительнѣе, а Графиня ласковѣе обыкновеннаго: она была добродушна — была прекрасна: и такъ могла ли страшиться нескромнаго любопытства?

Ц. П. У.

(Продолженіе впредь.)

VIII.

Письма ЕКАТЕРИНЫ Великой къ Циммерману.

Они не давно напечатаны въ Германіи, и нѣкоторыя изъ нихъ весьма достойны примѣчанія. Циммерманъ, какъ философическій Авторъ и Литтераторъ, имѣлъ щастіе пользоваться благоволеніемъ Монархини: ОНА писала къ нему съ искренностію великой души. Переводимъ здѣсь одно мѣсто изъ ЕЯ письма отъ 29 Января 1789.

„Вѣкъ Мой напрасно страшился Меня. „Я никого не хотѣла ужасать, а желала „только быть достойною любви и почи„нія, и приписывала злословіе единствен„тому, что Меня не разумѣли. Я знала „многихъ людей, которые были остро„умнѣе Меня, но не знала зависти и „злобы. Мое удовольствіе и желаніе состо-

„яло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ ща-
„стливыми; но какъ всякой хочетъ быть
„по-своему щастливъ, то желанїямъ
„Моимъ встрѣчались иногда препятствїя.
„Славолюбїе Мое не имѣло въ себѣ ничего
„вреднаго и ненавистнаго; но можетъ
„быть, что Я ошибалась въ Своихъ намѣ-
„реніяхъ, надѣясь сдѣлать людей благо-
„разумными, справедливыми и щаспли-
„выми. Родъ человѣческой вообще склоненъ
„къ безумїю и несправедливости, съ ко-
„торыми мудрено найти благополучїе
„въ жизни. Когда бы люди слушались во
„всемъ ума и добродѣтели, то они могли
„бы обойтись безъ Насъ. Я любила Фило-
„софїю, любя сердечно добродѣтели
„республиканскїя, которыя кажутся не-
„согласными съ Моею неограниченною
„властїю: за то никто въ Россїи не мо-
„жетъ сказать, чтобы Я употребляла
„во зло власть Свою. Искренно люблю
„также Искусства и Словесность. Соб-
„ственныя Мои сочиненїя почитаю бездѣл-
„ками. Я писала съ удовольствїемъ въ
„разныхъ родахъ: Мнѣ кажется все по-
„средственнымъ; но Авторство служило
„для Меня только забавою. Въ полити-
„ческой системѣ Я слѣдовала всегда тому
„плану, который казался Мнѣ полезнѣй-
„шимъ для Моего государства и безвред-

„нѣйшимъ для другихъ; естьли бы знала „лучшій, то предпочла бы его. Европа „безъ нужды боялась Моихъ намѣреній: „они клонились къ ея истинной пользѣ. „Мнѣ часто платили неблагодарностїю, „но никто не можетъ доказать Моей не- „благодарности. Я не рѣдко мстила Сво- „имъ врагамъ прощенїемъ и благодѣянїями. „Вообще человѣчесгіво имѣло во Мнѣ друга, „который не измѣнялъ ему ни въ какомъ „случаѣ... Теперь перервемъ разговоръ въ „царствѣ мертвыхъ и обратимся къ жи- „вымъ“....

Славно и велико такъ чувствовать, такъ изъяс[illegible]ться на тронѣ! въ Германїи восхищаются сими письмами: съ какимъ же удовольствїемъ должны читать ихъ Русскїе?... Въ 1791 году, когда Англїя грозилась объявить войну Россїи, Императрица, отъ 19 Іюня, писала къ Циммерману слѣдующее: „Я получила отъ васъ письмо „и комедїю вашего друга (*), но не чи- „тала ее до сей минуты, и слѣдственно „еще не смѣялась. Да и время ли смѣ- „яться, когда надобно съ должною честїю „принимать гостей? Мы ждемъ Англїй- „скаго флота. Предтеча его, Господинъ „Факнеръ, уже здѣсь. — — — Дѣло Мое

(*) Женскій Якобинскій Клубъ, сочиненіе Коцебу.

„состоитъ въ томъ, чтобы отражать „враговъ и завистниковъ, явныхъ и тай- „ныхъ. Справедливость на Моей сторонѣ. „Желаю мира искренно, и заключу его, „когда Мнѣ перестанутъ мѣшать. Естьли „это мужество, то имѣю его. Справедли- „вость Моя заставляетъ Европу желать „Мнѣ добра: могу тѣмъ хвалиться. Про- „стите. Будьте всегда въ числѣ друзей „Моихъ, и когда Англїйскїй флотъ прой- „детъ черезъ Зундъ, то уже не пишите „ко Мнѣ.“

Сїи письма составляютъ драгоцѣнное прибавленїе къ Похвальному Слову ЕКАТЕРИНѢ Великой.

IX.

СМѢСЬ.

Славный Магнетистъ Месмеръ недавно писалъ въ одномъ Французскомъ Журналѣ, что онъ нашелъ вѣрный способъ *предупреждать оспу* въ самую ту минуту, какъ младенецъ родится; но Парижскїе Медики не уважили сего извѣстїя, говоря, что открытїе Доктора Еннера (то есть, прививанїе коровьей оспы) всего вѣрнѣе и надежнѣе. Месмеръ живетъ нынѣ

въ Версалïи, уединенно и спокойно, оставивъ и забывъ прежнïя ссоры съ Докторами. Онъ безъ сомнѣнïя излишно прославляль Магнетизмъ свой, хотѣвъ лечить имъ всѣ болѣзни и даже самую неизлечимую: глупость!! однакожь несправедливо будетъ назвать шарлатаномъ человѣка столь ученаго и знающаго. Онъ уже не магнетизируетъ, а только лечитъ съ великимъ успѣхомъ и всего болѣе занимается Ботаникою; страстно любитъ музыку и прекрасно играетъ на гармоникѣ; будучи отъ природы слабаго сложенïя, единственно медицинскими знанïями сохранилъ здоровье свое до глубокой старости, — ходитъ и работаетъ какъ молодой человѣкъ; говоритъ умно, прïятно и скромно.

Славный Астрономъ Лаландъ посѣтилъ одну старинную знакомку свою, которая, бывъ Эмигранткою, недавно возвратилась въ Парижъ. Видя его, она съ удивленïемъ сказала: „какъ, Господинъ Лаландъ! вы не гильйотинированы? что же могло васъ спасти?“ — *Извѣстной мой атеизмъ, сударыня!* отвѣчалъ Астрономъ.

Г. Сегенъ, Парижскïй Медикъ, нашелъ способъ вылечивать отъ лихорадки безъ хины: однимъ *желе*, вываренным

изъ говядины и другихъ мясъ. Больной нѣсколько времени долженъ имъ питаться, и не ѣсть ничего болѣе. Дней черезъ восемь лихорадка проходитъ.

Молодой Французъ влюбился въ прекрасную Англичанку, жену человѣка не молодаго, и встрѣтясь съ нею въ Парижскомъ обществѣ, нашелъ способъ объявить ей страсть свою. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, и отвѣчала ему съ видомъ вѣжливости: „сдѣлайте одол„женіе, скажите это моему мужу, что„бы онъ перевелъ для меня смыслъ ва„шихъ красивыхъ фразъ!“

Хотите ли видѣть прививки въ царствѣ животныхъ? Отрѣжьте у молодаго пѣтуха гребешокъ и ноготь правой ноги; вложите сей послѣдній въ рану, сдѣланную срѣзаніемъ гребешка; засыпьте ее золою, чтобъ унять кровь, и чтобы ноготь могъ держаться въ ранѣ: онъ врастетъ, и вы увидите странность: пѣтуха съ ногтемъ на головѣ!

ПОЛИТИКА.

I.

Шутки Парижскихъ Журналистовъ на счетъ Англійскихъ Министровъ.

Мы примѣчаемъ въ нѣкоторыхъ Планетахъ то *прямое*, то *возвратное* движенїе. Меркурїй и Венера иногда спремятся прямо къ солнцу, и кажется, что они хотятъ совершенно погрузиться въ сей огненный океанъ; но вдругъ или останавливаются или обращаются назадъ. Сїи движенїя удивительны: Астрономы назвали ихъ *неправильнымъ стремленїемъ*. — Англїя вздумала на землѣ представить намъ сїе любопытное небесное зрѣлище. Она то хочетъ Мыса Доброй Надежды, что не хочетъ его; желаетъ Египта, и выводитъ изъ него войско; хочетъ мира и войны; довольна Амьенскимъ трактатомъ, и сокрушается, что заключила его! Мальта есть камень претыканїя; но заключая миръ, Англїя не хотѣла ее: черезъ нѣсколько времени потребовала — и сперва на пять лѣтъ, а послѣ на семь — а нынѣ на десять. Какъ согласить столько несогласныхъ желаній? Въ послѣднюю

войну мы имѣли дѣло съ человѣкомъ, котораго намѣреніе было по крайней мѣрѣ извѣстно и твердо. Г. Дондасъ хотѣлъ Сен-Доминга, Мартиники, Египта, Мальты — хотѣлъ *всего*; но теперь не знаемъ, чего желаетъ Англійское Правительство: ибо и за Мальту ему не было нужды объявлять войну; оно могло только не отдавать сего острова. — Ежели вздумается Парламенту представить Королю, что для блага Великобританніи нужно отправить всѣхъ Его Министровъ въ Бедламъ, то и въ семъ случаѣ едва ли прекратится война!.. Жаль, естьли Господинъ Аддингтонъ впадетъ въ немилость: гдѣ найти другаго Министра, столь благоразумнаго и сговорчиваго? Онъ хочетъ съ Фоксомъ мира, а съ Виндамомъ войны; соглашается съ Дондасомъ, что надобно удержать Мальту; а съ Греемъ, что надобно отдать ее. Напрасно говорятъ, что сей Министръ не имѣетъ воли, когда онъ ясно хочетъ всего, чего хотятъ другіе.

Желаете ли знать политическую Астрономію Великобританніи? Англія есть Планета, совершенно отдѣленная отъ земли; однакожь старается всячески имѣть на нее вліяніе. Думаютъ, что въ ея нѣдрахъ образуются тѣ метеоры, кото-

рые видимъ иногда въ нашей атмосферѣ, и которые обыкновенно производятъ *кровавый дождь*. Сія Планета въ центрѣ своего тяготѣнія имѣетъ спутниковъ, которыхъ описаніе слѣдуетъ . . . . 1) *Каннингъ*. Онъ ежедневно обращается вокругъ самого себя, а ежегодно вокругъ Пиита, и есть малѣйшая изъ звѣздъ Англіи; только въ хорошій телескопъ можно видѣть его. Онъ безпрестанно исчезаетъ въ лучахъ Гренвиля и Пиита. . . . 2) *Дондасъ*. Онъ ежедневно вертится вокругъ Франціи, а ежегодно вокругъ міра. Всего лучше наблюдать его въ Индіи и въ Шотландіи. Онъ совсѣмъ было-скрылся отъ глазъ, но теперь снова является... 3) *Гакесбури*. Сія звѣзда очень блеститъ, но чужимъ свѣтомъ. До сего времени Астрономы не могли понять ея теченія; она находится въ безпрестанныхъ *уклоненіяхъ* (aberrations) . . . . 4) *Виндамъ*. Онъ принадлежитъ къ созвѣздію *Борка*, которое исчезло. Сія звѣзда есть родъ Кометы, и ежели она въ стремленіи своемъ не найдетъ преграды, то можетъ разрушить землю. . . . 5) *Питтъ*. Звѣзда первой величины, которая безпрестанно вертится вокругъ Георга III, но отражается отъ него *центральною* силою. Всего лучше наблюдать ее на биржѣ . . . 6) *Фоксъ*.

Онъ служитъ для Англiи Полярною звѣздою. Въ бурю и въ грозу мореплаватели обращаютъ на него взоръ свой, чтобы не сбиться съ пути... 7) *Аддингтонъ.* Онъ безпрестанно вертится вокругъ всѣхъ другихъ звѣздъ. Каннингъ, Фоксъ, малѣйшая Планета увлекаетъ его за собою. Питтъ дѣйствуетъ на него какъ луна, которая унижаетъ и возвышаетъ моря. Сiя звѣзда должна скоро затмиться.

II.

Извѣстiя и замѣчанiя.

Занятiе Ганновера и береговъ Эльбы Французскими войсками перервало обыкновенное сообщенiе Англiи съ Нѣмецкою землею черезъ Куксгавенъ, такъ, что мы не имѣли семи Лондонскихъ почтъ. Англичане должны были искать новаго пути — и нашли его: черезъ Теннингенъ и Швецiю. Такiя помѣшательства должны имѣть вредное слѣдствiе для торговли. Двѣ Державы воюютъ: всѣ дружественныя терпятъ. Лондонскiй Кабинетъ объявилъ иностраннымъ Министрамъ, что Англичане будутъ держать въ блокадѣ устье Эльбы, пока Французское войско

не удалится отъ береговъ ея. Бѣдный Гамбургъ! . . . Можно замѣтить какъ странность, что донынѣ одна Франція имѣетъ съ Англіею непрерывное сообщеніе: не смотря на войну, пакетботы ходятъ подъ мирнымъ флагомъ изъ Дувра въ Кале, и мы только черезъ Парижскія Вѣдомости знали, что дѣлается въ Англіи.

До сего времени, какъ всякой могъ предвидѣть, война имѣетъ существенныя выгоды для Великобританніи. Ежедневно приводятъ въ ея гавани корабли Французскіе и Голландскіе: ихъ уже 105 въ Плимутѣ, и грузъ сихъ кораблей цѣнится въ 15 милліоновъ рублей. Никакая война не начиналась такою богатою добычею для Англіи. Одна Французская торговля, по словамъ Бонапарте, ввѣрила морямъ 500 милліоновъ ливровъ: сіи милліоны перейдутъ въ руки Англичанъ. Завоеваніе Колоній также несомнительно. Что принадлежитъ до Ганновера, то потеря его можетъ быть чувствительна одному Королю, а не Великобританніи, которая не видала отъ него никакой для себя пользы. Члены Парламента и Журналисты единственно изъ *учтивости* изъявляютъ сожалѣніе о томъ, что Георгъ III лишился наслѣдственныхъ Нѣмецкихъ

владѣній... Между тѣмъ Англія съ чрезвычайною дѣятельностію готовится вспрѣпить Французовъ на берегахъ своихъ. Министры вѣрятъ слову Консула. Въ нѣсколько недѣль вооружено болѣе 70.000 человѣкъ, и цѣлой милліонъ въ случаѣ нужды можетъ сразиться съ Республиканцами. Самые Лорды, Перы, Члены Парламента и Министры идутъ въ жеребей для набору Милиціи; даже Аддингтону досталось быть солдатомъ — разумѣется, что онъ найметъ за себя другова рекрупа; и всякой можетъ то же сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ никогда еще Англія не имѣла такой опасной войны: ибо Франція никогда не бывала такъ сильна, какъ нынѣ, и никогда не управлялъ ею такой человѣкъ, какъ Бонапарте. Исторія доказываетъ намъ, что и слабые народы дѣлали чрезвычайныя дѣла съ великими людьми: что жъ могутъ 35 милліоновъ подъ начальствомъ Генія войны и Политики — человѣка, котораго Исторія кажется баснословіемъ? Успѣхъ высадки безъ сомнѣнія невѣроятенъ, и всякой Британецъ для славы своего отечества долженъ желать ее; но всякой Британецъ долженъ прежде вооружиться. Бонапарте, садясь на корабль, безъ сомнѣнія ужаснетъ самую Фортуну; но естьли она,

послѣднимъ напряженіемъ силъ своихъ для любимца, разсѣетъ флотъ Англіи и поставитъ Консула на берегу Альбіона съ арміею многочисленною, пріученною къ дѣламъ чудеснымъ, одушевленною присутствіемъ Героя? Британцевъ будетъ еще гораздо болѣе; но число и самая храбрость уступаютъ иногда искусству и Генію. Съ одной стороны надобно вообразить замѣшательство и невозможность дѣйствовать по одной мысли; а съ другой порядокъ, стройность, одну душу, одну руку. . . И такъ Англійскіе Министры хорошо дѣлаютъ, что берутъ всѣ мѣры для сего случая. Но кто же изъ Британцевъ достоинъ будетъ повелѣвать арміею граждан въ великій день сраженія за бытіе отечества? Конечно не Министръ Аддингтонъ, хотя онъ и надѣлъ уже богатый мундиръ Виндзорскій (*)! . . . Напрасно ищемъ славнаго имени между ихъ Генералами. . .

Король Англійскій не хотѣлъ одобрить условій, заключенныхъ Ганновер-

---

(*) Аддингтонъ краснымъ мундиромъ своимъ разсмѣшилъ всѣхъ Членовъ Парламента. Бонапарте и въ день Маренгскаго сраженія не хотѣлъ надѣть мундира, а былъ въ сѣренькомъ сертукѣ!

скою арміею съ Французами: и такъ они готовились начать непріятельскія дѣйствія. Бѣдные Ганноверцы должны были снова вступить въ переговоры и на все согласиться. Армія ихъ распущена, артилерія, ружья, лошади, отданы Французамъ, которые великодушно дозволили Офицерамъ носить мундиръ и шпагу! Ганноверцы въ утѣшеніе свое разсказываютъ, что Генералъ Моріье хвалитъ ихъ мужество, говоря: Oh, les Hannovriens ſont de braves gens; ils ſe battent bien — *Ганноверцы дерутся, какъ львы!* — Теперь Французы владѣютъ и тѣмъ и другимъ берегомъ Эльбы.

Консула ожидаютъ въ Брюссель; онъ уже выѣхалъ изъ Парижа, и путешествуетъ по сѣвернымъ Департаментамъ Франціи. Народъ вездѣ изъявляетъ къ нему величайшее усердіе; многочисленныя толпы окружаютъ его карету, прекрасныя дѣвушки усыпаютъ ему путь цвѣтами. Вездѣ торжественныя арки, иллюминаціи, надписи, похвальныя для великаго Консула, грозныя для Англіи. На Амьенскихъ воротахъ было изображено огненными буквами: chemin d'Angleterre (*дорога въ Англію*). (Это не Французская выдумка: ЕКАТЕРИНА Великая, путешествуя по Тавридѣ, видѣла надпись:

путь въ Константинополь! Отъ НЕЕ въ самомъ дѣлѣ зависѣло указать его Русскимъ, которые скорѣе Французовъ дошли бы до цѣли своей). . Въ Амьенѣ же, на другихъ воротахъ, былъ представленъ берегъ Англіи, и Французскій воинъ, утверждающій на немъ знамя Республики, съ надписью: France (*Франція*.! На одномъ ботѣ изображены были слова: *хорошій вѣтеръ и 36 часовъ!* Французы умѣли даже и въ Горацiѣ найти пророчество, что Бонапарте, какъ новый Августъ, овладѣетъ Британнiею! Генералы Консула пили въ Кале за обѣдомъ слѣдующіе *тосты: Изобилiе всего въ Англiи! Пустъ Джонъ Буль* (*) *готовитъ запасъ для Республиканской армiи! Здоровье Квартирмейстера, который будетъ назначать въ Дуврѣ квартиры для Французскихъ солдатъ! Желаемъ хорошей погоды для перваго смотра Французскихъ войскъ въ Сенп - Джемсъ Паркѣ!* — Однимъ словомъ, Республиканцы думаютъ и говорятъ только о высадкѣ. Ненависть къ Англичанамъ обратилась въ народное чувство. *Монитёръ* наполненъ письмами чиновниковъ къ Бонапарпе, въ которыхъ они, именемъ своихъ Департа-

(*) Симъ именемъ называется въ шутку Англiйскiй народъ.

ментовъ, предлагаютъ тысячи и милліоны для строенія кораблей и судовъ.

Въ Парижскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ слѣдующій анекдотъ. Бонапарте шелъ въ Амьенѣ по улицѣ. Вдругъ является молодая, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, расталкиваетъ толпу и громко называетъ его именемъ: „Бонапарте! Бопапарте!“ Онъ остановился. Дѣвушка плакала отъ радости, хотѣла говорить и не могла сказать ничего, кромѣ: ah! je vous assure que je vous aime bien! (*ахъ! я сердечно люблю васъ!*) Госпожа Бонапарте въ тотъ же вечеръ послала ей въ подарокъ изображеніе Консула на эмали.

Бонапарте путешествуетъ вмѣстѣ съ супругою. Епископы опять говорятъ ей рѣчи и хвалятъ красоту ея! Какъ перемѣняются времена! Въ старину Духовные хвалили въ женщинахъ, и въ самыхъ молодыхъ Королевахъ, одно благочестіе. Нынѣшніе Епископы Французскіе сочиняютъ мадригалы охотнѣе, нежели проповѣди.

Генералъ Ланъ (пишутъ въ Англійскихъ вѣдомостяхъ) объявилъ Португальскому Принцу Регенту, что 25000 Французовъ должны войти въ Португалію, какъ *друзья*. Принцъ отвѣчалъ: [illegible] впустить ихъ ни друзьями [illegible]

Я рѣшился жить и умереть съ Англичанами."

По извѣстїямъ Американскимъ, Французская армїя въ Сен-Доминго находится въ крайности и держится только въ трехъ городахъ. Негры завладѣли почти всѣмъ островомъ.

Архенгольцъ говоритъ въ Журналѣ своемъ слѣдующее: Благоразумїе не дозволяетъ уже „политическимъ Авторамъ „называть Лудовика XVIII Королемъ „Французскимъ: ибо никто изъ Европейскихъ Государей не признаетъ сего титула. Ему остается только одно имя „Претендента. Нещастный Англїйскїй „Принцъ, еще не давно умершїй во Флоренцїи, былъ коронованъ въ Эдимбургѣ; „но видя, что ему нѣтъ надежды царствовать въ Англїи, онъ оставилъ титулъ Королевскїй и жилъ въ Италїи „единственно подъ именемъ Претендента. „Гордость есть характеръ Бурбоновъ! „Одинъ знатный человѣкъ, бывшїй долго „въ Варшавѣ, разсказывалъ мнѣ разные „анекдоты о Лудовикѣ XVIII. Сей Принцъ „все еще надѣется быть Королемъ Французскимъ! Удивительно, что онъ, получая большїя суммы отъ разныхъ Дворовъ, въ четыре года не сдѣлалъ въ „Варшавѣ ни одного добраго дѣла:

„не помстъ ни одному бѣдному, памъ, гдѣ „ихъ множество! Сіе замѣчаніе, слѣлан- „ное всѣми Варшавскими жителями, не „даетъ выгодной идеи объ его сердцѣ. „Главное удовольствіе Претендента со- „стоитъ въ томъ, чтобы писать нѣж- „ные стихи: онъ имѣетъ страсть къ „Элегической Поэзіи!“

ОПЕЧАТКИ

въ 15 или предшедшемъ нумерѣ Вѣсіпника.

Стран.	Стр.	*Налечат.*	*Читай.*
41	25	. — Я	— я
55	27	испины	испину
62	23	въ пяпомъ-	въ шеспомъ-
		надесять	надесять

ОПЕЧАТКИ

въ семъ нумерѣ.

Стран.	Стр.	*Налечат.*	*Читай.*
95	29	ілескопу	телескопу,
97	15	сія	сіи

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

АВГУСТЪ 1803.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Свиданіе Госпожи Жанлисъ съ Вольтеромъ.

(Разумѣется, что это свиданіе было очень давно; но описаніе его напечатано въ нынѣшнемъ году *Французской Библіотеки.* Нѣтъ нужды замѣчать, какъ оно любопытно. . . . Госпожа Жанлисъ еще въ молодыхъ лѣтахъ бросила перчатку великой тѣни Фернейскаго мудреца и сражается донынѣ съ его славою. Не мудрено, что онъ является здѣсь не въ свѣтлыхъ лучахъ, а въ нѣкоторомъ затмѣніи!)

Я провела девять часовъ съ Господиномъ Вольтеромъ: вотъ достопамятный день, который долженъ быть подробно описанъ въ журналѣ путешественницы! Разскажу просто все, что видѣла и чувствовала.

Получивъ вѣжливый, любезный отвѣтъ Господина Вольтера, я вдругъ начала безпокоиться. . . . мнѣ пришло на мысль все, что разсказываютъ о людяхъ, которые въ первый разъ бываютъ въ Фернеѣ. *Обычай* требуетъ, чтобы они — особливо же молодыя женщины — приходили въ восторгъ, блѣднѣли, и даже падали въ обморокъ, видя Господина Вольтера; надобно броситься къ нему въ объятія, искать словъ и не находить ихъ, плакать, быть въ замѣшательствѣ, въ изступленіи живѣйшей страсти. . . Таковъ законъ для Фернейскихъ *представленій*! Г. Вольперъ привыкъ къ этому; скромность и самая почтительная вѣжливость должны казаться ему наглою грубостію или безсмысліемъ; а я отъ природы застѣнчива и холодна съ людьми незнакомыми; никогда не могу хвалить *въ глаза* ихъ, съ которыми не имѣю дружеской, короткой связи; мнѣ кажется, что хвала бываетъ въ такомъ случаѣ похожа на лесть, противна нѣжному вкусу и даже оскорбительна. Однакожь я рѣшилась — естьли не восхищать-ся, естьли не плакать, то по крайней мѣрѣ не быть отмѣнно странною и смѣшною; рѣшилась выпти изъ своего обык-

новеннаго характера простоты, скромности и молчаливости.

Я выѣхала изъ Женевы въ такое время, по своему разсчету, чтобы пріѣхать въ Ферней къ самому обѣду; но часы мои ушли впередъ и, къ сожалѣнію, обманули меня. Всего безразсуднѣе и грубѣе пріѣзжать рано къ обѣду тѣхъ людей, которые умѣютъ заниматься и пользоваться утромъ. Я вѣрно стоила Господину Вольтеру одной или двухъ страницъ; но утѣшаюсь мыслію, что помѣшала ему только шутить надъ Религіею или писать неблагопристойности: потому что онъ уже не сочиняетъ трагедій. Желая искренно понравиться славному человѣку, который согласился принять меня, я нарядилась и была вся въ цвѣтахъ и въ перьяхъ; горестное предчувствіе говорило мнѣ, что не могу ничѣмъ инымъ полюбиться! Дорогою старалась увѣрять себя въ величіи Вольтерова таланта; повторяла въ мысляхъ стихи изъ Ганріады и трагедій его; однакожь чувствовала, что естьли бы онъ и не унизилъ дарованій своихъ множествомъ вредныхъ сочиненій, а писалъ единственно великое и безсмертное, то и въ семъ случаѣ, видя сіпарца Фернейскаго, могла бы только удивляться ему въ безмолвіи.

Не чудно изъявлять пламенную ревность ко славѣ Героя, избавителя отечества: потому что всякой, безъ дальняго ума, можетъ цѣнить такія дѣла, и благодарность оправдываетъ живое изъявленіе усердія; но объявляя себя страстнымъ обожателемъ Автора, человѣкъ береться судить его таланть, долженъ говорить ему объ сочиненіяхъ, разсуждать, умничать: а какъ все это неприлично въ молодости, особливо для женщины! . . . . Со мною былъ Нѣмецъ, Г. Отпъ, который возвращается изъ Италіи; онъ знающъ въ живописи, а мало разумѣетъ въ Литтературѣ, худо говоритъ по-Французски и не читалъ ни строки Вольтеровой; но, слыша объ его славѣ, *пылаетъ восторгами* и былъ внѣ себя, приближаясь къ Фернею: я завидовала его *чувствительности* и хотѣла бы занять ее. Мы проѣхали мимо церкви, и видѣли на вратахъ надпись: *Вольтеръ соорудилъ сей храмъ Богу!* Эта надпись есть или ужасная насмѣшка или странная несообразность съ Философіею хозяина. Наконецъ подъѣзжаемъ къ дому, и выходимъ изъ кареты. Господинъ Отпъ внѣ себя отъ радости. Въ первой, не очень свѣтлой комнатѣ онъ видитъ картину и кричитъ: *ахъ! это Корреджіо!* Мы подходимъ ближе,

и глазамъ нашимъ представляется славная картина Корреджіева. Г. Отпъ въ изумленіи: какъ можно поспавить такую драгоцѣнность въ передней комнатѣ!... Входимъ въ залу: нѣтъ ни одной души!... Между тѣмъ я примѣтила въ домѣ то безпокойство, которое обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ неожидаемаго и непріятнаго посѣщенія. Лакеи казались изумленными; колокольчики звенѣли; люди бѣгали; затворяли, отворяли двери... Я взглянула на стѣнные часы въ залѣ, и съ горестію увидѣла, что ошиблась пятидесятью минутами: это увеличило мою неловкость. Г. Отпъ примѣтилъ на другой сторонѣ залы большую картину: богатыя рамы и честь украшать гостиную комнату заставили насъ думать, что она драгоцѣнна. Бѣжимъ и видимъ съ изумленіемъ — совершенную *тракширную вывѣску*, гадкую живопись, представляющую Господина Вольтера, какъ святаго, въ лучахъ славы, окруженнаго семействомъ Каласа и попирающаго ногами своихъ непріятелей: Фрерона, Помпиньяна и другихъ, которые разѣваютъ широкіе рты и страшнымъ образомъ кривляются. Г. Отпъ досадовалъ на дурную живопись, а я на дурную мысль. Какъ можно поспавить

это въ залѣ? сказала я. А Корреджіо въ лакейской? примолвилъ Г. Отпцъ. — Сія картина выдумана и написана Женевскимъ маляромъ, который подарилъ ее Г. Вольперу; но странно, что хозяинъ, имѣя вкусъ, могъ выставить на показъ такую глупость. — Наконецъ двери отворяются: выходятъ Госпожа Денисъ и Сен-Ж*, и сказываютъ мнѣ, что Г. Вольтеръ скоро будетъ. Госпожа Сен-Ж*, очень любезная, поселилась на все лѣто въ Фернеѣ. Она называетъ Г. Вольтера: *мой Философъ*; а онъ ее: *моя бабочка*. На шеѣ у нее висѣла золотая медаль, которую я сочла знакомъ Орденскимъ; но вышло, что это награда за искусство стрѣлять, полученная ею отъ *Фернейскаго Генерала*. Такое искусство очень важно для женщины! Она предложила мнѣ итти въ садъ: на что я съ радостію согласилась, чувствуя себя въ такомъ холодномъ положеніи, что мнѣ страшно было увидѣть хозяина. Госпожа Сен-Ж* привела меня на террассу, откуда видны горы и озеро, но гдѣ, къ *нещастью вкуса*, сдѣлали крытую алею. Чтобы наслаждаться симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, надобно смотрѣть сквозь маленькія отверстія, въ которыя не могла пройти голова моя.

Сверхъ того крытая алея такъ низка, что я безпрестанно зацѣплялась за вѣтви своими перьями; а нагибаясь, всякую минуту наступала себѣ на платье; спотыкалась, драла юбки свои, и не могла со вниманіемъ слушать Госпожи Сен-Ж*, которая, будучи мала ростомъ и одѣта легко, по-деревенски, шла свободно и говорила очень пріятно. Я спросила у нее въ шутку, не осердился ли на меня Г. Вольтеръ за то, что въ заглавіи письма моего было поставлено Août, а не Auguſte (*)? „Нѣтъ, отвѣчала она: однакожь онъ замѣтилъ, что вы пишете не его орѳографіей (**).“ — Наконецъ намъ сказали, что Г. Вольтеръ въ залѣ. Я такъ устала и была въ такомъ замѣшательствѣ, что хотѣла бы летѣть назадъ въ Женевскій трактиръ свой. . . Госпожа Сен-Ж*, судя обо мнѣ по своимъ чувствамъ, схватила меня за руку и потащила въ домъ. Заглянувъ въ зеркало, я къ великой горести увидѣла волосы свои измятые, перья изломанныя, и готова была — заплакать; остановилась, исправила уборъ свой, вооружилась твердостію

(*) Такъ Вольтеръ писалъ имя Августа-мѣсяца.

(**) Онъ ввелъ новое правописаніе.

и пошла. Входимъ въ залу — и Г. Вольтеръ стоитъ передо мною! . . . Госпожа Сен - Ж* велѣла мнѣ поцѣловаться съ нимъ, сказавъ съ любезною шуткою: *онъ не разсердится!* Я подошла съ важностію и съ видомъ почтенія, которое должно имѣть къ великимъ талантамъ и къ старости. Г. Вольтеръ поцѣловалъ мою руку. . . Не знаю, отъ чего эта обыкновенная ласка или, просто, учтивость пронула меня; но мнѣ лестно было дать руку Господину Вольтеру, и я сама поцѣловала его отъ добраго сердца, сохранивъ однакожъ видъ холодной скромности. Надобно было представить ему Господина Оптта, которой съ восторгомъ услышалъ имя свое, *сказанное великому Философу*, и выхвативъ изъ кармана двѣ картинки, написанныя имъ въ Римѣ, поднесъ ихъ нашему хозяину. Къ нещастью, на одной изъ сихъ картинокъ былъ изображенъ Іисусъ младенцемъ: это служило поводомъ для Господина Вольтера изъявить свое невѣріе грубымъ образомъ и ни мало не остроумно. Согласно ли съ правилами гостепріимства и даже благопристойности шутить надъ святынею въ присутствіи молодой женщины, которая не выдавала себя за *вольнодумку*, и которую онъ въ первый

разъ видѣлъ у себя въ домѣ? Я съ досадою оборотилась къ Госпожѣ Денисъ, чтобы не слушать дяди ея. Онъ перемѣнилъ матерїю, началъ говорить объ Италїи и художествахъ, такъ, какъ объ нихъ пишетъ, безъ вкуса и знанїй. Я сказала словъ десять, изъявляя, что несогласна съ нимъ. Ни прежде, ни послѣ обѣда не упоминалось о Литтературѣ: Господинъ Вольтеръ конечно думалъ, что такой разговоръ не могъ быть занимателенъ для женщины, которая не показывала желанїя блистать умомъ. Однакожь онъ былъ учтивъ въ отношенїи ко мнѣ.

Сѣли за столъ, и Г. Вольтеръ во время обѣда ни мало не старался быть любезнымъ: онъ безпрестанно сердился на людей своихъ и кричалъ такъ громко, что я нѣсколько разъ вздрагивала; зала очень звонка, и голосъ его раздавался въ ней какъ сильной громъ. Меня предувѣдомили объ этой странности, столь необыкновенной въ хорошихъ домахъ; она есть ничто иное, какъ дурная привычка, и люди его ни мало не боялись такого ужаснаго крика. Послѣ обѣда, зная, что я люблю музыку, Г. Вольтеръ заставилъ племянницу свою играть на клавесинѣ. Игра ея напоминаетъ вѣкъ Людовика XIV, и притомъ не съ блестящей

стороны. Въ ту минуту, какъ она закрыла ноты, вбѣжала въ комнату прекрасная дѣвочка лѣтъ осьми и бросилась на шею къ Г. Вольтеру, называл его *пенькою*; онъ принялъ ласки ея съ любезною нѣжностїю, и видя удовольствїе, написанное на моемъ лицѣ, сказалъ мнѣ, что эта дѣвочка есть дочь Корнелевой внуки, выданной имъ за-мужъ. Какъ бы трогательна была для меня эта минута, естьли бы я не вспомнила его *примѣчанїй* на великаго Корнеля, столь жестокихъ и несправедливыхъ отъ зависти!... Въ Фернеѣ ежеминутно возбуждаются въ душѣ несогласныя чувствка, и противныя воспоминанїя безпрестанно охлаждаютъ удивленїе.

Пріѣхали гости изъ Женевы, и хозяинъ предложилъ мнѣ осмотрѣть Фернеи; велѣлъ заложить карету, и мы сѣли четверо: онъ, племянница его, Госпожа Сен-Ж* и я. Г. Вольперъ показалъ мнѣ домики, имъ построенные, и всѣ его благодѣтельныя заведенїя. Тамъ онъ долженъ быть славнѣе, нежели въ своихъ книгахъ: вездѣ видны умъ съ благотворительностїю, и трудно вообразить, чтобы рука, написавшая столько ложнаго, насмѣшливаго и злаго, могла сдѣлать такъ много добраго и великодушнаго. Онъ по-

казываетъ эту деревню всѣмъ гостямъ, но съ любезною пріятностію; говоритъ о дѣлѣ своемъ съ великимъ простодушіемъ; разсказываетъ все подробно, но безъ малѣйшаго тщеславія, и я не знаю въ семъ подобнаго ему человѣка. Возвратясь, мы говорили съ удовольствіемъ и съ живостію о томъ, что видѣли. Я просидѣла до самой ночи. Г. Вольтеръ уговаривалъ меня остаться у него еще на день; но мнѣ хотѣлось возвратиться въ Женеву.

Всѣ бюсты и портреты Г. Вольтера очень сходны, но ни одинъ художникъ не могъ представить глазъ его. Я воображала ихъ огненными: они въ самомъ дѣлѣ чрезмѣрно умны и блестящи; но сверхъ того въ нихъ есть нѣчто кроткое и милое. Душа-*Заиры* совершенно видна въ глазахъ его: жаль, что улыбка и смѣхъ, хитрые и коварные, измѣняютъ въ немъ это любезное выраженіе чувствительности! Онъ имѣетъ видъ дряхлости, и кажется еще старѣе отъ готической одежды своей. Голосъ у него дикъ и проницателенъ; онъ же всегда кричитъ, хотя и не глухъ. Когда нѣтъ рѣчи о Религіи и непріятеляхъ его, то Вольтеръ говоритъ просто, безъ всякой надменности, и слѣдственно (имѣя такой великой умъ) бываетъ очень любезенъ. Мнѣ показалось только

что ему несносно противорѣчїе; какъ скоро съ нимъ не согласишься, онъ начинаетъ досадовать. Нѣтъ сомнѣнїя, что Г. Вольтеръ забылъ свѣтскїя обыкновенїя, которыя прежде были ему столь извѣстны. И мудрено ли? къ нему ѣздятъ люди единственно для того, чтобы осыпать его похвалами; все, что скажетъ, есть законъ и свято; все лежитъ у ногъ его, и самыя излишности, безразсудныя и смѣшныя, кажутся ему теперь обыкновенными знаками уваженїя. Самые Короли не бывали никогда предметомъ такого чрезмѣрнаго ласкательства. Глубокое почтенїе не дозволяетъ входить съ ними въ разговоръ; ихъ присутствїе велитъ молчать, и лесть при Дворѣ обязана быть скромною, обнаруживаясь единственно тонкимъ образомъ. Въ Фернеѣ я видѣла ее безъ всякаго покрова и во всей грубости; кому она въ семъ видѣ можетъ нравиться отъ привычки, у того вкусъ долженъ непремѣнно испортиться. Вотъ отъ чего самолюбїе Господина Вольтера столь *раздражительно*, и малѣйшая критика такъ жестоко оскорбляетъ его! Не давно онъ былъ крайне огорченъ въ душѣ своей. Императору надлежало ѣхать мимо Фернея. Г. Вольтеръ, надѣясь угостить знаменитаго путешественника, пригото-

вилъ стихи и спектакль; къ нещастью, всѣ это знали. Императоръ проѣхалъ, не велѣвъ ему сказать ни слова. Приближаясь къ Фернею, одинъ изъ его сопутниковъ спросилъ, увидится ли онъ съ Вольтеромъ? *Нѣтъ*, отвѣчалъ сей Монархъ: *я его знаю* — слово колкое и благоразумное! Оно доказываетъ, что Іосифъ умѣетъ по книгамъ судить о Писателяхъ.

II.

Храмъ Свѣтовида (*).

Мерцана еще покоилась въ объятїяхъ Царя водъ; Часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и присноюный Свѣтовидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятїяхъ Триглы, какъ Рюрикъ съ Олегомъ восходятъ на освященной холмъ, гдѣ возносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога, славимаго въ немъ! Первосвященникъ Свѣтовидовъ, Боговѣдъ, сопутствуемый жрецами, грядетъ ему во срѣтенїе. Рюрикъ присту-

---

(*) Почтенный Авторъ пишетъ къ Издателю, что онъ занимается сочиненіемъ о древней Религіи Славянъ.

лаетъ ко врапамъ храма; но удивляется, видя ихъ затворенными. „Они не могутъ быть отверсты, говоритъ Боговѣдъ, доколѣ первые лучи солнца не ударятъ въ лице бога; и тогда гласъ трубный возвѣститъ присутствіе его. Когда же послѣдній лучь сойдетъ съ лица Свѣтовидова, гласъ заунывнаго рога и глухаго бубна возвѣщаютъ о сокрытіи отъ насъ благотворнаго свѣтила. День мрачный въ нашихъ законахъ равенъ ночи.“ — Ночь была свѣтлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сіяетъ.

Князь, въ ожиданіи первыхъ на *обзорѣ* (*) лучей, пошелъ вокругъ храма, желая осмотрѣть его. Съ долу онъ казался ему не великъ; но Рюрикъ удивился, нашедши его огромнымъ. Онъ былъ окружностію въ 1460 шаговъ. Двенадцать огромныхъ яшмовыхъ столповъ Коринѳскаго чина поддерживали навѣсъ его кровли; оглавія ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двенадцать вратъ его заключались мѣдными запорами. При каждыхъ дверяхъ спояли два жреца съ трубами. На мѣдныхъ вратахъ изображались двенадцать знаменитыхъ добраго

(*) Изъ смысла видно, что чрезъ сіе слово древніе разумѣли горизонтъ.

бога подвиговъ: какъ для пользы нагихъ людей онъ произвелъ овна, которой въ то же мгновеніе устремился къ нимъ, да предложитъ имъ свою волну; какъ, усмиривъ вола неукротимаго и давъ имъ во служеніе, изобрѣлъ для нихъ плугъ и всѣ земледѣльческія орудія; какъ сражается и побѣждаетъ Чернаго бога, похитившаго чадъ его, близнецовъ Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо *Чернобога*, какъ оно, обратившись въ великаго рака, хочетъ похитить Солнце; но опаленное жгущими его лучами, упадаетъ — и сильнымъ ударомъ своего хребта *разбрызгиваетъ* какъ каплю текущій Волховъ, и сдѣлавъ въ землѣ отверстіе, производитъ море Руское. Здѣсь ужасный левъ, съ мѣднымъ хвостомъ и алмазными зубами, похищаетъ у Велеса скотъ, и сего бога приводитъ въ трепетъ; но Свѣтовидъ разитъ его единымъ ударомъ златаго *самосѣка*, беретъ хвостъ его (изъ коего родились полозы) и зубы, и помѣщаетъ на небѣ, гдѣ донынѣ видимъ ихъ и называемъ львомъ. Тутъ изображена любовь его съ прекрасною Триглавою, и терзаніе Чернобога, влюбленнаго въ нее. Свѣтовидъ, играя на гусляхъ, поетъ ей нѣжные стихи; она его вѣнчаетъ васильковымъ вѣнкомъ, а вокругъ ихъ пляшутъ

Зимцерла, Лада, Сѣва и Мерцана. Румяно-щекая Дидилїя, съ распущенными злати-стыми волосами, въ алой легкой ризѣ, подноситъ имъ въ алмазной чашѣ злапый небесный медъ, питїе боговъ. Леля, сидя подлѣ гуслей, слушаетъ и лукаво улыбает-ся. Дидо, взвившись на воздухъ, пускаетъ тяжелыя спрѣлы въ Чернобога. Бѣлъ-богъ, носяся надъ ними на облакѣ, прїятно усмѣхается. Тамъ Перунъ держитъ ве-ликїе вѣсы, ниспущенные имъ съ неба для рѣшенїя жестокой распри между Бѣл-богомъ и чадами его, и между Черно-богомъ и чадами его, когда начиналась между ими жестокая брань, долженство-вавшая разрушить мїръ; когда Нїя въ неистовствѣ потрясалъ землею, изверга я изъ нее пламя, — Чудо Морское колебало брегами, и Яга, дщерь Чернобога, воору-женная желѣзною палицею, разъѣзжала на крылатой своей колесницѣ, и сбивала съ мѣстъ горы. Но великїй Перунъ же-палъ примирить ихъ и послалъ едину изъ служащихъ ему Молнїй, да возвѣ-ститъ волю его. Тогда родъ Бѣл-бога возсѣлъ въ единую чашу вѣсовъ, а родъ Чернобога въ другую. Перунъ поднялъ вѣсы, и чаша съ Чернобогомъ вознеслась выше темныхъ облаковъ; но чаша съ ча-дами Бѣлбога осталась на земли. —

Въ другомъ мѣстѣ видно было, какъ Свѣтовидъ поразилъ великаго Скорпіона, когда сей похитилъ его дщерь Зимцерлу, оплакиваемую Дажбогомъ. Ній, зря его, отъ страха сокрылся, и Свѣтовидъ возвратилъ Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ній, отмщая ему за сіе, низпустилъ на землю ночь, люпые мразы, снѣги, мятелицы... Свѣтовидъ, поразивъ всѣхъ ихъ златыми стрѣлами, прогналъ назадъ въ область Нія. Ній, пылая еще противъ него гнѣвомъ, послалъ домоваго духа, да умертвитъ любимыхъ его коней; но Свѣтовидъ создалъ сребророгаго и волносребристаго сивѣлаго козла, и пустилъ для истребленія сего духа. — На десятыхъ дверяхъ изображенъ богъ свѣта лїющій съ горъ, изъ златыхъ водоносовъ, обильную воду, отъ которой пріемлютъ начало рѣки: Волга, Днѣпръ, Двина, Донъ и славное озеро Ильмень. Онъ населяетъ ихъ рыбами, пуская каждаго рода по двойцѣ. Завидуя сему, Морской Царь послалъ кипа пожрать ихъ; но Стриба поразилъ его тогда же изобрѣтенною остроюю, и вынувъ, положилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ храмъ Свѣтовидовъ; холмъ сосплавился изъ кипова праха. — Таковы были изображенія на дверяхъ. Храмъ сооруженъ былъ изъ свѣтлосѣраго дикаго

камня. Свѣсы отъ стѣны до столповъ измѣрялись двумя большими шагами, имѣя шесть ступеней восходу. Кровля, полушаромъ, состояла изъ вызолоченной мѣди. Посреди ея стоялъ мѣдный позолоченный истуканъ Свѣтовида; по краямъ, на четыре стороны, поставлены были четыре истукана, изсѣченные изъ бѣлаго мрамора. На востокъ истуканъ Мерцаны, богини, властвующей надъ началомъ дня и предшествующей всегда Солнцу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини весны, супруги Царя Морскаго; ея должность была отверзать Свѣтовиду врата небеснаго дому его, когда онъ показывался въ мірѣ. Свѣтовидъ для отличія даровалъ ей вѣнецъ изъ единыя звѣзды; и риза ея златобагряна. Радость всегда блистала на румяныхъ ея ланитахъ, и она въ пирахъ подносила богамъ небесный медъ. Мерцана, равно какъ и Свѣтовидъ, присноюна. На югъ поставленъ былъ истуканъ Купалы, сына Мерцаны и Сѣвы. Онъ имѣлъ видъ молодаго человѣка, въ коротокой и легкой одеждѣ. Огнь плодотворенія пылалъ въ его очахъ; чему только касался, все рождало: не только звѣри, скоты, рыбы и гады, но даже дерева и травы. Онъ имѣлъ обиталище на югѣ. Жертвовали ему воз-

женїемъ только прутьевъ, съ пѣснями и плясками: чѣмъ изображались огнь плодотворный и веселость. Въ ногахъ у него кроликъ; въ рукѣ пламенѣющій огонь; на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, именуемыхъ по его имени *купальницами*. Догода, братъ его, есть изъ всѣхъ боговъ любезнѣйшїй, кротчайшїй и прекраснѣйшїй. У него развѣваются по плечамъ волосы: вѣнокъ изъ шиповъ; за плечами голубыя крылья, и риза на немъ тонкая голубая. Улыбка всегда на румяномъ его лицѣ. Онъ столь всѣми любимъ, что сѣло цѣлуетъ самую Ладу; въ рукахъ у него опахало. Свирѣпаго Позвизда истуканъ стоялъ на сѣверъ. Лице его въ морщинахъ и сердито. Голова окутана лоскутомъ кожи бѣлаго медвѣдя; борода заиерзлая; одежда изъ оленьей кожи; ноги обуты въ кожу гагачью. Въ рукахъ держалъ онъ мѣхъ; въ готовности развязанъ его для изліянїя морозовъ, бурь, снѣговъ, градовъ, дождей и непогодъ. Онъ считался богомъ всѣхъ вѣтровъ. Повѣствуютъ, что жилище его есть на краю сѣверномъ, на горахъ Скандинавскихъ, гдѣ онъ имѣетъ свой престолъ, и гдѣ у него множество дѣтей, подобно ему жестокихъ. Сей богъ, будучи сынъ Сильнобога, увеселяется воздымая бури, пото-

пляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Онъ требуетъ почасту себѣ въ жертву людей. — Таковы были четыре истукана, стоявшіе на кровлѣ храма. На холмѣ же разставлено было соразмѣрнымъ образомъ до трехъ сотъ пятидесяти треугольныхъ жертвенниковъ.

Между тѣмъ, какъ Рюрикъ разсматривалъ и вопрошалъ Боговѣда о значеніи видѣннаго имъ, раздался гласъ трубъ отъ двенадцати враіпъ, и врата отверзлися...

Великій первосвященникъ Боговѣдъ вступилъ во врата западныя, одному ему предназначенныя для входа. — Рюрикъ съ Олегомъ входятъ въ храмъ чрезъ врата восточныя, и божественный страхъ объемлетъ ихъ душу: они зрятъ лице Свѣтовида сіяющее яко мѣдь въ горнилѣ. Великій первосвященникъ — по обыкновенію одѣтый въ четыре тонкіе хитона, одинъ другаго длиннѣе: въ багряный, зеленый, желтый и бѣлый; въ опоясаніи, на коемъ искусно вышиты двенадцать подвиговъ Свѣтовида; въ златомъ вѣнцѣ, украшенномъ семью драгоцѣнными камнями — держалъ въ рукѣ златую чашу, исполненную чистѣйшаго виннаго духа. Двенадцать окружающихъ его жрецовъ держали великую сребряную

лахань, у коей были три разныя ноги: одна на подобіе орла, другая вола, и третія кита. Прочіе жрецы составляли семь поющихъ ликовъ и двенадцать ликовъ въ трубы и роги трубящихъ и біющихъ въ бубны, и четыре лика на струнахъ и гусляхъ играющіе. Тогда великій первосвященникъ, подшедъ къ престолу, спалъ на колѣна, и вознесши златую чашу, читалъ молитвы; послѣ прикоснулся чашею къ рогу, находящемуся въ рукѣ Свѣтовида: духъ винный воспылалъ, и потряслися своды отъ гласа трубъ и роговъ, отъ звука бубновъ, отъ звона струнъ, гуслей и орудій, и отъ гласовъ пѣвцовъ, восклицавшихъ: *слава!* Между тѣмъ Боговѣдъ поднесъ пылающую чашу Князю, который, принявъ ее, излилъ въ сребряную лахань — и взвилося предъ богомъ лазуревое пламя жертвы благоугодной. И тогда семь ликовъ, ходя кругомъ единъ по единому, предводимые первымъ пѣснотворцемъ, тако воспѣли:

Первый ликъ и оборотъ.

Ясенъ мѣсяцъ во полуночи,
Звѣзды ярко блестятъ нощію;
Мѣсяцъ сребритъ воды темныя,
Звѣзды златятъ небо синее;
Только *краситъ* одно солнце ясное.

Второй ликъ и оборотъ.

Грѣетъ оно и питаетъ насъ;
Позвиздъ его устрашается;
Взглянетъ — Зиммерзла бѣжитъ отъ глазъ, —
И Зимцерла къ намъ спускается.
Какъ благодѣтельно для насъ оно!

Третій ликъ и оборотъ.

При востокѣ его видѣть радостно:
Когда на обзорѣ появляется,
Дверь златая тогда отверзается
Велелѣпныхъ чертоговъ его.
Онъ изъ терема идетъ высокаго,
Изъ высокаго, изъ небеснаго,
Какъ могучій випязь съ побѣдою.
Свѣтовидъ! мы тебѣ покланяемся!

Четвертый ликъ и оборотъ.

Какъ здѣсь вся шварь весела,
Встрѣтивъ отца и царя!
Главы подъемлютъ древа;
Освѣжились цвѣтокъ и трава;
Птички порхаютъ, поютъ,
Славу и честь воздаютъ,
Имя твое вознося.

Пятый ликъ и оборотъ.

Отъ радости трепещутъ
Поля спеклистыхъ водъ;
Льды свѣтлы искры мещутъ,
Узря его приходъ. . .

Ему лѣсъ покланяется,
Сыръ боръ къ землѣ преклоняется;
Листьевъ вѣтръ не шевелитъ,
И дуброва не шумитъ;
Рѣкъ пороги лишь гласятъ:
„Великъ, великъ Свѣтовидъ!“

Шестой ликъ и оборотъ.

Боги велики; но страшенъ Перунъ!
Ужасъ наводитъ тяжела стопа,
Какъ онъ, въ предшествіи молній,
Мракомъ одѣянъ, вихрьми повитъ,
Грозныя тучи ведетъ за собою;
Ступитъ на облакъ — огнь изъ-подъ стопъ;
Ризой махнетъ — побагровѣетъ твердь;
Взглянетъ на землю — трепещетъ земля;
Взглянетъ на море — пѣной кипитъ;
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Страшный свой гнѣвъ ты отъ насъ отврати!..
Бросивъ горсть града во тысящу мѣръ,
Только ступилъ, ужь за тысящу верстъ;
Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ,
Сильна стопа гулъ глухой издала
(Онъ землю и море потрясъ!)
И се послѣдня сверкнула пола!...
Тихій, любезный Свѣтовидъ! возвратися,
Насъ безпомощныхъ и сирыхъ ушѣшь!...
Мило, какъ онъ осклабляется намъ,
Шествуя въ бѣдствахъ утѣшитъ людей.

Седьмой ликъ и оборотъ.

Почитаемы небожители
За ихъ доблести и могущество;
Но всѣхъ доблестей превосходнѣе
Добродѣтель съ милостью, съ кротостью;
Въ милосердіи всемогущество,
Всемогущество Свѣтовидово.
Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
Предъ тобою мы повергаемся! —

Х о р ъ.

Только грѣетъ одно солнце ясное.
Какъ благодѣтельно къ намъ оно! —
Свѣтовидъ! мы тебѣ покланяемся,
Имя твое вознося.
Коль великъ, великъ Свѣтовидъ,
Шествуя въ бѣдствахъ утѣшить людей!
Царю звѣздъ, тебѣ покланяемся,
Предъ тобою мы повергаемся!

Посемъ двенадцать ликовъ, играющихъ на трубахъ, рогахъ и бубнахъ, окружили внутренность храма, воспѣвая въ честь Свѣтовида торжественныя пѣсни.

Скончалось громкое трубоглашеніе, и вошли четыре младыя дѣвы; у каждой въ рукахъ по кошницѣ. Одна была въ багряномъ плаіпьѣ, имѣя чрезъ плечо голубое препоясаніе; голова убрана столистивенными шипками. Другая въ зеле-

номъ, имѣя перевязь красную, на головѣ вѣнокъ изъ миртовъ; третія въ злато-цвѣтномъ, имѣя вѣнокъ изъ класовъ и багровую перевязь; четвертая въ бѣломъ платьѣ, въ сребряномъ увяслѣ (діадимѣ), перевязь золотая. Первая, ставъ на колѣна, и вынувъ изъ кошницы цвѣты, разсыпала ихъ предъ Свѣтовидомъ; другая предложила разные плоды; третія класы и виноградъ; четвертая златый вѣнецъ. Вскорѣ струнное краніе и пѣніе началося, и каждый ликъ сперва игралъ особенно, и каждая дѣва особенно предъ Свѣтовидомъ плясала; потомъ всѣ четыре лика соединясь играли пѣсни, и четыре дѣвы плясали.

Лице Свѣтовида сіяновилося свѣтлѣе; по окончаніи пляски истуканъ поколебался. Первосвященникъ, двенадцать жрецовъ, ликовспѣвующіе, пѣвцы, играгели, трубогласители, предстоящіе пророки и творцы пали на землю; и тогда рекъ Свѣтовидъ:

Имя твое есть отъ запада и до востока,
И отъ предѣлъ моихъ къ сѣверу твой есть предѣлъ;
Слава твоя да наполнитъ вселенную;
Яко песокъ на брегу, тако племя твое;
Тысящью лѣтъ изочту я твой вѣкъ;
И да поклонится всякій тебѣ человѣкъ!

Пѣснотворцы собрали глаголы сїи, написали на златой дскѣ и вручили Рурику; онъ, прочитавъ ихъ, отдалъ для истолкованїя пророкамъ.

Тогда лице Свѣтовида утратило сїяніе, и лики возгласили отшествїе его на трубахъ, рогахъ и бубнахъ. Щедрый и набожный Рурикъ велѣлъ на всѣхъ жертвенникахъ принести Свѣтовиду по бѣлому волу, и жертвенныя мяса раздѣлить войску и народу. — Олегъ шествовалъ исполнить сїе; великїй же Князь съ Богомѣдомъ пошелъ въ чертогъ свой, для собесѣдованїя съ Первосвященникомъ о всемъ видѣнномъ, и для свѣдѣнїя отъ него существа вѣры Славянъ.

Дерптскїй Профессоръ Григорїй Глинка.

III.

Выписка изъ Англїйскихъ Журналовъ.

Извѣстно, какъ легко одѣваются нынѣ женщины: сїя легкость имѣетъ свои опасности — что доказывается слѣдующимъ анекдотомъ. Одна молодая, прекрасная Дама шла пѣшкомъ по Лондонской улицѣ. Ѣдетъ карета; лошади что-то испугались и поскакали прямо на

людей; всѣ бросились въ сторону, и прекрасная Дама вмѣстѣ съ другими — но сдѣлалась бѣда . . . она зацѣпилась за столбъ, разорвала платье съ верху до низу и представилась глазамъ народа въ видѣ совершенной Нимфы. Чернь Лондонская груба: начался страшной хохотъ. Бѣдная Дама въ безпамятствѣ зажмурилась, чтобы не видать стыда своего; но другія женщины, бывшія свидѣтельницами такого нещастія, бросились къ ней на помощь и въ одну минуту закрыли ее платками, фартуками и проч. Между тѣмъ она упала въ обморокъ, и безъ чувствъ была отвезена домой въ наемной каретѣ. На другой день напечатали въ вѣдомостяхъ имя ея — въ Лондонѣ нѣтъ Цензуры — но это жестоко!

Послѣдняя ярманка въ Пекамѣ представляла ужасную картину неистовствъ. Мѣсто, на которомъ она бываетъ, окружено узкими переходами, гдѣ расположилась цѣлая шайка воровъ: въ 10 часовъ вечера они явно начали грабить всѣхъ, порядочно одѣтыхъ людей; срывали съ мущинъ шляпы, съ женщинъ платки и даже платья; обрѣзывали полы у кафтановъ, отнимали часы, деньги, и кто хотѣлъ обороняться, того били до полусмерти. У одной дѣвушки

отрѣзали даже ухо, потому что злодѣи не могли снять богатой серьги. Всего забавнѣе то, что Констабли или полицейскіе служители смотрѣли покойно на сей ужасъ, говоря: „они сильнѣе насъ; ихъ болѣе: что можемъ сдѣлать?“

Нигдѣ женщины не имѣютъ такихъ злыхъ непріятелей, какъ въ Лондонѣ. Всѣмъ извѣстенъ извергъ Вилліамъ, который въ 1790 году ходилъ всякой вечеръ по Лондонскимъ улицамъ для того, чтобы — ранить женщинъ кинжаломъ! Къ нещастію, онъ не первый и не послѣдній въ семъ непонятномъ злодѣйствѣ. Не давно двѣ молодыя Дамы были на улицѣ ранены изъ духоваго ружья, не извѣстно кѣмъ. Одно безуміе можетъ изъяснить такую злобу; а въ Англійской столицѣ много сумасшедшихъ!

Въ Англіи не рѣдко отказываютъ людямъ имѣніе въ такомъ случаѣ, когда у нихъ будутъ дѣти: сіе обстоятельство бываетъ причиною многихъ обмановъ, и женщины, никогда не родивъ, находятъ способъ быть матерями. Недавно сдѣлалось гласнымъ слѣдующее происшествіе. Женщина, одѣтая на подобіе Квакерши, вошла въ домъ къ одному бѣдному ремесленнику, у котораго родился сынъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ;

сказала, что она считаетъ за христіянскую должность помогать всѣмъ родильницамъ; дала матери нѣсколько гиней, взяла младенца на руки, цѣловала, хвалила и просила дозволенія показать его одной Дамѣ, сидѣвшей въ каретѣ передъ самымъ домомъ ремесленника. Отецъ и мать, не имѣя никакого подозрѣнія, согласились; но незнакомая женщина ушла съ ребенкомъ и не возвращалась.

Донынѣ съ удовольствіемъ читаютъ въ Европѣ письма Лади Монтегю; и такъ друзьямъ Англійской Литтературы конечно пріятно будетъ узнать, что не давно нашлись многія письма сей Дамы, еще неизвѣстныя публикѣ. Маркизъ Бютъ, внукъ ея, отдалъ ихъ печатать. Отъ 1739 до 1761 году Лади Монтегю жила въ чужихъ краяхъ и писала оттуда къ роднымъ своимъ обо всемъ, что она видѣла и замѣчала. Горацій Вальполь, читавшій сію переписку, увѣрялъ, что она еще любопытнѣе писемъ о Константинополѣ, въ которыхъ столь много остроумія. Нашлись также и нѣкоторыя стихотворенія сей рѣдкой женщины, вмѣстѣ съ письмами къ ней Попа, Фильдинга, Попа и другихъ славныхъ людей. Ихъ тутъ же напечатаютъ, и книга будетъ состоять изъ шести томовъ.

Недавно умершій Докторъ Монсей былъ долгое время главнымъ Медикомъ въ славной Чельсиской Госпитали. Многіе желали имѣть сіе доходное мѣсто, и Министры многимъ обѣщали его въ случаѣ смерти Господина Монсея; но онъ жилъ, а будущіе преемники его умирали одинъ за другимъ. Однажды, глядя въ окно, Докторъ увидѣлъ молодаго человѣка, которой съ великимъ вниманіемъ осматривалъ его домъ и садъ. Сей человѣкъ приближился къ окну, и Г. Монсей узналъ въ немъ Медика, желающаго заступить его мѣсто; сошелъ внизъ и сказалъ ему: „Не правда ли, государь мой, „что домъ покоенъ и садъ пріятенъ? Но „знайте, что вы уже осьмой надѣетесь „быть моимъ преемникомъ: семеро скон„чались въ ожиданіи моей смерти. Изви„ните меня: ваше лицо показываетъ, „что и вы отправитесь въ слѣдъ за ни„ми.“ — Это предсказаніе не полюбилось молодому Доктору, но исполнилось.

Въ Ковентгарденскомъ театрѣ на сихъ дняхъ замѣтили пожилаго, хорошо-одѣтаго человѣка, которой подозвалъ къ себѣ одну *извѣстную прелестницу* и сказалъ въ слухъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ знаетъ ее по театрамъ и чувствуетъ къ ней склонность; что ему не

давно досталось изрядное наслѣдство, съ которымъ умѣренному человѣку можно жить порядочно, и что онъ готовъ на ней жениться, естьли она согласна. Кравица, ни мало не задумавшись, подала ему руку. Они вышли изъ театра любовниками и на другой день пришли въ него супругами!

Въ одномъ Лондонскомъ трактирѣ кошка родила двухъ кроликовъ и котенка. Кролики были сѣренькіе и очень рѣзвы. Когда они далеко уходили отъ матери, она всегда бѣгала за ними, брала ихъ ртомъ за ухо и приносила назадъ. Сей феноменъ изъясняется тѣмъ, что близъ трактира жилъ человѣкъ, торгующій кроликами. Всякой день множество любопытныхъ собиралось видѣть *чудную фамилію*. Къ нещастью, какой-то неосторожной задавилъ ногою одного изъ кроликовъ; другой тотчасъ занемогъ и умеръ въ судорогахъ. Ихъ анатомили и нашли во внутреннихъ частяхъ смѣшеніе рода кроликовъ съ кошечьимъ.

Въ Эссексѣ нечаянно открыли многочисленную шайку обманщиковъ и воровъ, отъ того, что одинъ изъ нихъ, будучи при смерти, раскаялся и во всемъ признался городскому начальству. Сія шайная шайка нѣсколько лѣтъ съ великимъ

успѣхомъ промышляла гнуснымъ ремесломъ своимъ на счетъ земледѣльцевъ, дворянъ и купцовъ цѣлой округи. Многіе люди, которыхъ считали добрыми, нашлись въ связи съ ворами. Одинъ повѣсился; шестнадцать человѣкъ взяты подъ стражу, а другіе скрылись.

Въ доказательство, какими маловажными анекдотами Англійскіе Журналисты наполняютъ иногда большіе листы свои, переводимъ слѣдующій. Лордъ Эгретонтъ ѣхалъ изъ Лондона въ Портсмутъ, остановился въ Чичестерѣ, и послалъ напередъ человѣка своего для загоповленія лошадей. Слуга въ поропяхъ увезъ съ собою ключь отъ кареты господина своего. Лордъ хотѣлъ садиться и нашелъ, что дверцы заперты; замокъ же былъ такъ сдѣланъ, что никакой слесарь не могъ отпереть его. Множество людей собралось вокругъ кареты, чтобы смѣяться надъ изумленіемъ Лорда. Но онъ, подумавъ съ минуту, сказалъ: *это не бѣда!* и съ великимъ проворствомъ влѣзъ въ маленькое окно. Народъ удивился такому присутствію духа въ знатномъ человѣкѣ, закричалъ: *браво! браво!* и проводилъ его съ громкимъ рукоплесканіемъ.

Лондонскіе хлѣбники всякое утро возятъ по городу большія корзины

съ хлѣбами, и часто оставляютъ ихъ на улицѣ, въ увѣренiи, что никто не захочетъ быть воромъ изъ пяти или шести копѣекъ. Не давно одинъ изъ нихъ, оставивъ свою корзину передъ трактиромъ, примѣтилъ, что бѣдно-одѣтой человѣкъ взялъ изъ нее хлѣбъ, спряталъ и спѣшилъ уйти. Хлѣбникъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ до самаго жилища его — входитъ въ комнату и съ ужасомъ видитъ четверыхъ дѣтей, почти нагихъ, блѣдныхъ, которыя съ невѣроятною алчностiю дѣлятъ между собою украденный хлѣбъ. Онъ былъ до слезъ тронутъ ихъ жалкимъ состоянiемъ, и съ того времени всякой день безденежно надѣляетъ сiе бѣдное семейство хлѣбомъ.

На Блакфреерской улицѣ сидѣла молодая, прекрасная дѣвушка и пѣла баллады; множество людей окружило ее. Вдругъ она какъ сумасшедшая вскочила съ мѣста, бросилась вонъ изъ круга, страшно закричала и въ то же мгновенiе упала въ обморокъ; опомнившись, посмотрѣла съ безпокойствомъ на всѣхъ вокругъ себя, залилась слезами, и на вопросы любопытныхъ отвѣчала наконецъ, что она видѣла молодаго человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ увезъ ее изъ родительскаго дому, обольстилъ и

бросилъ; что она съ острова Гернсея, не имѣетъ въ Лондонѣ ни друзей, ни знакомыхъ, и питается единственно пѣніемъ балладъ на улицахъ. Въ ту же минуту благодѣтельные люди собрали для сей нещастной дѣвушки нѣсколько гиней; всякой, кто шелъ мимо, и кому сказывали о жалкой судьбѣ ея, давалъ охотно, что могъ.

Одинъ богатой Лордъ въ Дублинѣ сидѣлъ покойно въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ входитъ къ нему воръ, вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и требуетъ кошелька. Хозяинъ съ равнодушіемъ отдаетъ его. „Благодарю васъ, сказалъ воръ: но исполните еще прозьбу мою; дайте мнѣ честное слово, что вы полчаса не сойдете съ мѣста и ни съ кѣмъ не будете говорить.“ Лордъ и на то согласился. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ къ нему одинъ родственникъ посовѣтоваться о важномъ дѣлѣ; говорилъ, спрашивалъ, и къ удивленію своему не могъ добиться отвѣта: Лордъ ходилъ по комнатѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы; наконецъ, ровно черезъ полчаса, закричалъ: „Воръ былъ у меня въ кабинетѣ, унесъ мой кошелекъ!“ .. Но воръ уже былъ далеко!

Нѣкто Добсонъ изобрѣлъ въ Лондонѣ машину, которую онъ называетъ *зефиромъ*. Ея польза состоитъ въ томъ, чтобы выгонять изъ комнаты мухъ, комаровъ, запахъ кушанья и способствовать въ ней свободному обращенію воздуха. Она похожа на вѣтреную мельницу; только ея крылья вертятся горизонтально.

IV.

Объ извѣстности Литературы нашей въ чужихъ земляхъ.

Прежде въ иностранныхъ газетахъ писали только о нашихъ побѣдахъ и завоеваніяхъ: нынѣ пишутъ о новыхъ успѣхахъ просвѣщенія и Литтературы въ Россіи. Первое славнѣе, второе упѣшительнѣе для миролюбивыхъ друзей человѣчества.

Нашимъ Авторамъ должно быть пріятно, что ихъ имена и творенія дѣлаются извѣстными въ чужихъ земляхъ, и что они получаютъ такимъ образомъ *право гражданства* въ Европейской Республикѣ Литтераторовъ. Но справедливость и признательность требуютъ, чтобы мы наименовали здѣсь человѣка, которому

Словесность Руская обязана сею выгодою: всѣ подробныя извѣстія о нынѣшнемъ ея состояніи, напечатанныя въ разныхъ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ (а послѣ во Французскихъ, хотя Парижскіе Журналисты и не сказали, откуда они взяли ихъ) писаны Господиномъ Рихтеромъ, человѣкомъ достойнымъ уваженія какъ по моральному характеру, такъ и по ученымъ его знаніямъ. Посвятивъ часть жизни своей на образованіе ума и сердца молодыхъ благородныхъ людей въ Россіи, онъ посвящаетъ нынѣ искусное перо свое на переводъ Рускихъ сочиненій, къ удовольствію Нѣмецкой публики и къ славѣ нашей Литтературы. Господинъ Рихтеръ пишетъ такъ пріятно, что Издатели лучшихъ Журналовъ въ Германіи желали имѣть его сотрудникомъ. Съ нѣкотораго времени онъ самъ издаетъ Журналъ, выходящій въ Лейпцигѣ у Гаршкноха подъ именемъ: Russische Miscellen. Въ немъ сообщаются переводы изъ нашихъ книгъ, періодическихъ листовъ, старинныхъ народныхъ сказокъ и пѣсень; описанія Рускихъ обычаевъ, праздниковъ; анекдоты; любопытныя черты характера изъ Исторіи; и все имѣетъ одну цѣль: доказать, что Россія *во многихъ* отношеніяхъ достойна вниманія и любопытства просвѣ-

щенной Европы. Однимъ словомъ, Господинъ Рихтеръ любитъ насъ. Не будучи Рускимъ, онъ въ отечествѣ нашемъ провелъ цвѣтущія лѣта молодости, нашелъ здѣсь искреннее гостепріимство, друзей, признательность и — *второе* отечество, которое существуетъ только для сердецъ благородныхъ. Какъ мало такихъ моральныхъ характеровъ между иностранцами въ *отношеніи* къ Россіи! Сколько видѣли мы неблагодарныхъ, отъ Маржерета до Масона! ПЕТРЪ Великій говаривалъ, что Онъ радъ, когда, по примѣру Іисусовыхъ Учениковъ, изъ двенадцати чужеземцевъ выходитъ только одинъ дурной человѣкъ: мы охотно признаемъ ихъ всѣхъ хорошими; но должны сказать, что едва ли одинъ изъ двенадцати Французовъ и Нѣмцовъ, многимъ обязанныхъ Россіи, говоритъ и пишетъ объ насъ съ должною справедливостію и безъ грубыхъ, оскорбительныхъ предразсудковъ. Тѣмъ охотнѣе замѣчаемъ сіи рѣдкія *изключенія изъ правила*; тѣмъ усерднѣе должны мы хвалить добрыхъ иностранцевъ, которые, пріѣзжая къ намъ, берутъ на себя трудъ узнать языкъ Рускій, чтобы узнать Рускій народъ, и съ удовольствіемъ открываютъ въ немъ хорошія свойства и природныя дарованія. Не оскорбляемся злословіемъ,

ибо чувствуемъ свою цѣну и презираемъ его; но уважаемъ и любимъ тѣхъ, которые насъ уважаютъ и любятъ: иначе мы оправдали бы злословіе, показавъ себя неблагодарными.

Въ разсужденіи Словесности Россія конечно не имѣла еще вѣка Лудовика XIV, то есть, множества современныхъ Писателей, близкихъ къ совершенству въ разныхъ родахъ; но смѣю быть увѣреннымъ, что справедливое потомство — какъ бы оно вообще ни просвѣтилось, какъ бы ни возвысилось во сферѣ Искусства, ума, знаній — читая нѣкоторыя страницы, въ наше время написанныя, не признаетъ насъ варварами, и скажетъ: *въ вѣкъ* ЕКАТЕРИНЫ, *въ вѣкъ* АЛЕКСАНДРА *были въ Россіи таланты!*

Ф.

V.

Письмо изъ Лангедока.

Въ Парижѣ оставилъ я великолѣпіе, вкусъ, Искусства и шумную дѣятельность; а здѣсь нашелъ просвѣщенную, искреннюю ласковость и щастливую жизнь семейственную. Въ южныхъ странахъ Фран-

щїи Природа и Судьба настроиваютъ людей къ веселости и добросердечїю. На здѣшнихъ мирныхъ берегахъ, гдѣ рѣдко огромныя палаты бросаютъ тѣнь свою на свѣтлыя воды рѣкъ, обитаютъ довѣренность, невинность, любовь, искренняя набожность, и святыя узы нравственности привязываютъ людей къ супругамъ, дѣтямъ и мирной семейственной жизни. Въ самыя ужасныя времена Революцїи человѣколюбїе и Религїя находили убѣжище въ южныхъ провинцїяхъ. Земледѣлецъ слышалъ вдали грозу и бурю, но спокойно обработывалъ поле; пруды и молитва были его Ангеломъ хранителемъ. Трогательное, невинное добросердечїе стоитъ *образованнаго* вкуса и разума. Оно есть также *образованїе*: плодъ Натуры и внутренней дѣятельности душевныхъ способностей; а вкусъ и разумъ образованный есть дѣло Искусства и внѣшнихъ опытовъ. Человѣка Натуры можно уподобить первобытнымъ цвѣтамъ, *простымъ*, но *плодоноснымъ*: время и вкусъ открыли способъ украшать ихъ въ садахъ, но сдѣлали безплодными. Люди, соединяющїе въ себѣ внутреннее образованїе со внѣшнимъ, должны конечно назваться совершенными; но первое драгоцѣннѣе, и можетъ пріятнымъ образомъ

замѣнять послѣднее; а внѣшность никогда не замѣнишь внутренности.

Женщины въ Лангедокѣ вообще не такъ хороши, какъ въ другихъ провинціяхъ Республики; но Лангедокскія *красавицы* за то уже всѣхъ другихъ прелестнѣе, соединяя въ себѣ томность и пламенность южныхъ земель съ мысленнымъ образцомъ красоты. Всякая изъ нихъ есть Рафаелева Марія. Большіе черные глаза, румяныя щеки, густые длинные волосы, черты тонкія Греческія и живописная стройность, дѣлаютъ ихъ неизъяснимо-прелестными. Мущины же въ Лангедокѣ, подобно какъ и во всѣхъ южныхъ земляхъ, не велики ростомъ.

Здѣсь — кстати или не кстати — разскажу я трогательный анекдотъ нѣжности, слышанный мною отъ одного Монпельерскаго жителя.

Не далеко отъ сего города жила молодая дѣвушка, украшенная Природою и добродѣтелію. Она пѣла какъ Ангелъ, играла съ удивительною пріятностію на лютнѣ, мило изображала Натуру въ живописи и была отмѣнно искусна во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ.

Прелестный юноша тайно желалъ руки ея; часто видѣлся съ нею, но никогда не говорилъ о любви своей. Его лю-

безныя свойства, трогательная скромность и почтительность сдѣлали глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ дѣвушки; любовь его была ея главною мыслію и счастіемъ; нѣжный взоръ красавицы измѣнялъ иногда сердечной тайнѣ, и любовникъ съ восторгомъ предчувствовалъ свое блаженство.

Дни, недѣли проходили: дѣвушка напрасно ожидала милаго юноши, и наконецъ осмѣлилась спросить объ немъ. . . . Ей сказали, что онъ боленъ, обезображенъ оспою, лишенъ зрѣнія, и въ ужасахъ страданія борется со смертію. . . . Красавица поблѣднѣла. . . . „Боже мой!“ думала она: „я не увижу его! жестокая „смерть не допуститъ меня признаться „ему въ моей нѣжности! Не могу ходить „за нимъ въ болѣзни; не могу послѣднихъ „минутъ цвѣтущей жизни его усладить „душевнымъ состраданіемъ!“

Въ тоскѣ и горести прошелъ день; вечернее солнце погасло на западѣ, и кроткая звѣзда уединенно возсіяла на синемъ сводѣ неба; едва вѣялъ тихій вѣтерокъ, и все творенїе покоилось. Уединенїе и тишина ночи, оградивъ сердце любовницы отъ свѣта, совершенно предали ее чувству любви и Натуры. Удивительная, сильная мысль предоставилась душѣ ея: она

подумала — и рѣшилась. Закрывъ себѣ лицо и взявъ люлню, прелестная выходитъ съ робостію изъ дому и прямо идетъ къ замку любовника; сквозь зелень высокихъ ивъ, его окружающихъ, видитъ свѣчу въ комнатѣ больнаго, и бросается на дерновое канапе, сдѣланное тамъ для прохожихъ или для странствующихъ пѣвцевъ балладъ.

Отдохнувъ, красавица береттъ лютню — и поетъ простую, утѣшительную пѣснь вѣчнаго мира въ могилѣ; слезы льются изъ глазъ ея, сердце бьется сильно — и ночной холодной воздухъ не можетъ прохладить ея лица пылающаго. . . . Больной слышитъ нѣжные, сладкіе звуки: какое чувствительное сердце не узнаетъ голоса любви? . . . *Это она!* восклицаетъ юноша, и сіе внезапное радостное движеніе было щастливымъ переломомъ его болѣзни. Онъ лишился памяти — но черезъ нѣсколько минутъ лекарь увѣрился въ спасеніи его жизни. . . Любовница съ горестію возвратилась домой, не думая, чтобы юноша могъ узнать ее. Страхъ, уединеніе ночи и душевное напряженіе, съ которымъ она пѣла, смотря на жилище любовника и воображая его умирающаго, имѣли вредное слѣдствіе для ея здоровья: она слегла въ постелю. Юноша выздоровѣлъ, и еще въ

слабой томности спѣшилъ къ отцу ея, чтобы открыть ему свое сердце. Красавица уже съ именемъ невѣсты встала съ постели, и тогда, въ нѣжномъ восторгѣ, открыла ему и любовь и дѣло свое.

Послѣ того часто сидѣла она, вмѣстѣ съ милымъ супругомъ, на дерновомъ канапѣ, подъ тѣнію липъ, и всякой бѣдной, приближаясь къ ней, былъ увѣренъ въ ея помощи...

(*Съ Нѣм.*)

VI.

Соловей и чижъ (*).

Басня.

На зеленой сидя вѣткѣ,
Соловью чижъ говорилъ:
„Въ золотой живешь ты клѣткѣ,
А мнѣ кажешься унылъ!“ —
„Отъ того я и тоскую,“ —
Соловей въ отвѣтъ сказалъ —
„Что свободу дорогую
Я навѣки потерялъ.
Здѣсь и кормятъ и поятъ,
Но летать мнѣ не велятъ!“

В. Путятинъ.

(*) Подражаніе Польской: *Ptaszki w klatce.*

VII.

О Русской Грамматикѣ Француза Модрю.

Вопъ любопытный феноменъ! Руская Грамматика, сочиненная Французомъ и напечатанная въ Парижѣ со всею Дидоновскою чистотою и красивостію, чтобы заманить Республиканцевъ въ лабиринтъ нашего языка! Гражданинъ Модрю доказываетъ имъ, что они должны учиться ему какъ для выгодъ коммерціи, такъ и для лучшаго знанія самой Французской Грамматики. *Монитёръ* и *Декада* прославляютъ ученость сего творенія; первый говоритъ даже, что не многіе изъ Русскихъ знаютъ такъ основательно языкъ свой, какъ знаетъ его Гражданинъ Модрю. Смиряемся въ духѣ передъ Консульскимъ Журналомъ! Словесная ученость Автора въ избыткѣ Греко-Латино-Французскихъ грамматическихъ наименованій, старыхъ и вновь имъ изобрѣтенныхъ, доходитъ въ самомъ дѣлѣ до варварства! Но объясняются ли черезъ то свойство и правила языка? не думаю.

Модрю (какъ намъ сказывали) былъ въ Россіи учителемъ, спряпчимъ, купцомъ, даже Монахомъ, Гражданиномъ, даже

Гвардіи Капраломъ или Сержантомъ : онъ имѣлъ время и способъ изслѣдовать всѣ *глубины и изгибы* языка нашего! Будемъ признательны: Г. Модрю хвалитъ его богатство, величество, силу, гармонію; замѣчаетъ въ немъ только нѣкоторую суровость, и, какъ Французъ, какъ вѣрный согражданинъ Президента Монтескьё, приписываетъ ее климату. Изображая выгоды Рускаго языка, онъ находитъ великую въ возможности ставить слова, какъ хочешь. Это говорили и наши Грамматики; но справедливо ли? Мнѣ кажется, что для перестановокъ въ Рускомъ языкѣ есть законъ; каждая даетъ фразѣ особенный смыслъ; и гдѣ надобно сказать: *солнце плодотворитъ землю*, тамъ: *землю плодотворитъ солнце*, или: *плодотворитъ солнце землю*, будетъ ошибкою. Лучшій, то есть истинный порядокъ всегда *одинъ* для расположенія словъ; Руская Грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ Писателей! и право ошибаться не есть выгода.

Г. Модрю почти съ восторгомъ говоритъ о нашихъ *уменьшительныхъ*, и находитъ ихъ даже въ глаголахъ: *поколоть* есть для него *немножко уколоть*!! — Пусть угадаетъ Читатель, какія слова

прельщаютъ Автора своею силою и богатствомъ въ смыслѣ? *Тройка и часовникъ!!* Имя *часовникъ* переводитъ онъ такимъ образомъ: Livre qui contient les prières publiques et autres exercices de réligion; это не переводъ имени, а толкованїе смысла. Развѣ Французское les heures не то же значитъ, что нашъ *часовникъ* въ смыслѣ *молитвенника*?

Г Модрю находитъ въ одномъ имени *временщика* цѣлый трактатъ о непостоянствѣ придворнаго щастїя.. Это замѣчанїе имѣетъ свою цѣну, и мы согласны, что Руской *временщикъ* лучше Французскаго mignon. Но можемъ ли согласиться, чтобы слово *язычество* заключало въ себѣ тотъ глубокой смыслъ, который онъ ему приписываетъ, говоря: „Рускїе видятъ во „многобожїи *пустословїе*, и для того изъ „слова *язычникъ*, означающаго пустомелю „или болтуна (!!), они составили язы„чество?" Гражданинъ Модрю не знаетъ, что *языкъ* значитъ по-Славянски народъ, и что слово *язычество* такъ же образовано отъ имени народа, какъ Латинское gentilitas отъ gens.

Въ числѣ именъ сложныхъ, которыя ему нравятся и не нравятся, поставлены: *невѣстопрасительница*, *первстволю-*

бецъ: гдѣ онъ нашелъ ихъ? *Шляхетство*, *щенокъ* и *листокъ* оскорбляютъ, а *заимодавица* и *подаиваю* (je trais) плѣняютъ нѣж ой слухъ его; первыя кажутся ему вдохновеніемъ сѣвернаго, а другія южнаго климата. Слово *частоллю* изображаетъ для него народную привычку Рускихъ (miséricorde!!), но скорѣе можно укорять ею Нѣмцовъ, которые любятъ курить табакъ. Ласка *голубчикъ* есть, по мнѣнію Автора, слѣдствіе нашей вѣры во Свящаго Духа; а слово *братъ* и *братецъ* представляютъ ему важную истину: ту, что нѣкогда всѣ люди были въ Россіи братьями!! „Когда же развратились нравы, тогда „знатные взяли себѣ имя *братецъ*, а *братъ* „достался въ удѣлъ народу; одно есть „знакъ уваженія, а другое презрѣнія!!“ Гражданинъ Модрю велитъ нашимъ Историкамъ изслѣдовать, въ какое время произошло это различіе въ смыслѣ *брата* и *братца*. Задача трудная! не берется рѣшить ее.

Онъ замѣчаетъ, что Рускіе говорятъ: *на войнѣ*, а Французы: dans la guerre — отъ чего же такая розница въ предлогахъ? „Отъ того, что Французы вообра- „жаютъ войну только мѣстомъ; а Рускіе „Вулканомъ, огнедышущею горою: это

„представляетъ картину!“.. Модрю есть Граммапикъ. Поэтъ! но еще болѣе Грамматикъ-Философъ — какъ-то видно изъ слѣдующаго важнаго примѣчанія:

„Монархи въ Россіи имѣютъ неогра-
„ниченную власть; но какъ языкъ Руской
„повинуется только законамъ *общаго*
„Синтаксиса, то мы должны заключить,
„что и народъ Руской повиновался нѣко-
„гда одной волѣ своей. Заглядываемъ въ его
„Исторію, и находимъ, что сіе мнѣніе есть
„истина.“ Вопервыхъ нашъ языкъ, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ свои *особенныя* правила; вовторыхъ, знаетъ ли Гражданинъ Модрю нашу Исторію, думая, что Рускіе истребили Славянъ, и что языкъ Славянскій остался единственно въ священныхъ книгахъ побѣдителей — „для
„того ли, говоритъ онъ, что первые
„Христіянскіе Священники въ Россіи были
„Славяне, или, можетъ быть, для того,
„что сей языкъ казался Рускимъ выра-
„зительнѣе для богослуженія??“ Такое невѣжество едва вѣроятно... Гражданинъ Модрю воображаетъ, что горсть Варяжскихъ храбрецовъ, которыхъ привелъ съ собою Рюрикъ, добровольно призванный Славянами, уничтожила, такъ сказать, моральное бытіе сего великаго народа, и что мы говоримъ нынѣ по-

Варяжски!! Сей ученый мужъ не знаетъ, что Руской языкъ есть Славянской, измѣненный временемъ, употребленїемъ и примѣсомъ нѣкоторыхъ чужихъ словъ! Не удалось ли ему слышать, что Греческїй Императоръ Константинъ различаетъ ихъ въ своемъ твореніи? Правда, что въ его время назывался Рускимъ языкъ Нормандскїй; но онъ никогда небылъ народнымъ языкомъ въ Россїи. Князья Варяжскіе сообщили намъ имя *Руси*, но Славяне не приняли языка ихъ, и мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его въ нашемъ... Гражданинъ Модрю напомнилъ мнѣ одного Нѣмецкаго путешественника, надъ которымъ смѣялся Коцебу въ своемъ Журналѣ, и который сообщилъ публикѣ за извѣстїе, что наши священныя книги писаны языкомъ Скандинавскимъ! Одно стоитъ другова.

Желаютъ ли читатели, чтобы мы еще представили имъ опытъ Логики нашего Грамматика? Онъ собралъ нѣсколько Латинскихъ и Рускихъ словъ, въ доказательство, что между сими двумя языками есть сходство, и спрашиваетъ: кто у кого занялъ сїи, почти одинакїя слова? Имя *камзолъ*, по его мнѣнїю, рѣшитъ вопросъ. Въ Латинскомъ языкѣ есть

только camilia, а въ Рускомъ *камзолъ*, *камзольникъ*, *камзолецъ*, *камзолище*: „слѣд-„ственно Латинской заимствовалъ отъ „Славянскаго!!“ Cette multiplicité d'aſpects ſous les quels ſe préſente un même mot, ne permet guère de croire que ce ſoit la langue Slavonne qui ait emprunté de la Latine....

Гражданинъ Модрю усерденъ къ чести языка Славянскаго: это хорошо — но показавъ свое худое знаніе въ Исторіи Рускихъ, показываетъ его и въ исторіи языка ихъ. „Многія сложныя Рускія имена, говоритъ „онъ, заставляютъ почти думать, что „они составлены по Греческимъ (on ſeroit tenté de croire, etc.):“ слѣдственно ему не извѣстно за *вѣрное*, что Авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* изгнали первобытную чистоту древняго Славянскаго. *Пѣснь Игорю*, единственный остатокъ его, доказываетъ, что онъ былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, къ нещастью, по-Гречески; къ тому же переписчики дозволяли себѣ поправлять слогъ его.

За симъ имѣемъ честь откланяться Гражданину Модрю и двумъ большимъ томамъ его Грамматики, желая искренно, чтобы Французы могли умудриться и понять изъ нее свойство языка Рускаго. Приведенныя нами мѣста взяты изъ одной главы (coup d' oeil); но мы заглядывали и въ другія: видѣли, на примѣръ, такой переводъ словъ: *разосплаться*, commencer à dormir; *накричать*, ſe laſſer à crier; *послѣдородный*, rejeton; *блажить*, rendre heureux, и много подобнаго. Классическій Авторъ Рускаго языка есть для Г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція выбраны сіи щастливыя фразы: „Александръ неотмѣнную *предпріялъ надежду* обладать вселенною — Апеллесъ „одинъ имѣлъ позволеніе *смалевать* образъ „Александровъ — сна отъ природы упребляетъ мало — ежели бы боги изволили, чтобъ величество возраста твоего „было равно жадности души твоей — „ежели способы, къ великимъ дѣламъ „пріуготовленные, нерадѣніемъ преемника „приведены будутъ въ худое состояніе“ — и проч. и проч. Но слѣдующая фраза принадлежитъ конечно самому Авіпору: „Гульбище, сотвореное на Трехъ горахъ, „есть гульбище прохладное“ ....

Однимъ словомъ, Гражданинъ Модрю, говоря въ Грамматикѣ своей о многихъ правилахъ. забылъ одно: *не уси тому, чего самъ не разумѣешь!*

C'eſt ainſi qu'en partant je lui fais mes adieux!

А. Б. В.

ПОЛИТИКА.

I.

О силѣ Франціи и Россіи.

Подъ симъ именемъ недавно вышла на Англїйскомъ языкѣ весьма любопытная книга, напечатанная въ Германїи (хотя на заглавномъ листѣ сіоитъ имя *Парижа*). Авторъ неизвѣстенъ; но онъ имѣетъ большія свѣдѣнія и разсуждаетъ основательно. Главная его идея есть та, что нынѣшняя Франція и Россія суть двѣ истинно-великія и первыя Державы, которымъ другія не въ силахъ противиться, и которыя могутъ завоевать и раздѣлить Европу. Въ предисловіи онъ опровергаетъ общее мнѣніе, будто народы, достигшіе до нѣкоторой высоты и зрѣлости, непремѣнно должны упадать. Хотя сія мысль, по его словамъ, основывается нѣкоторымъ образомъ на Исторіи, однакожъ въ естествѣ вещей нѣтъ никакой моральной необходимости, чтобы политическое тѣло сіпарѣлось подобно человѣку, и чтобы сила съ богатствомъ ослаблялі его. — „Россія и Франція, „говоритъ Сочинитель, вышли изъ пре-

„дѣловъ ограниченнаго бытія; естьли „онѣ будутъ согласны, то другія госу- „дарства не могутъ остановить ихъ „дѣйствія, не могутъ помѣшать ихъ „намѣреніямъ. Южная Европа (до Эльбы „и Дуная) подчинена Франціи; берега „Африки, Алжиръ и Марокко, также „признаютъ скоро власть ея. Сѣверово- „точная часть Эльбы и Дуная до Ледо- „витаго моря непосредственно зависитъ „отъ Россіи. Азіатская Турція также „скоро можетъ быть въ ея рукахъ: ибо „Оттоманская Имперія явно погибаетъ „и никакимъ образомъ не спасется.“ — Авторъ считаетъ Англію въ великой опасности: ибо все могущество Консула устремлено теперь на разрушеніе Правительства ея. „Революція“ (какъ онъ думаетъ) „перемѣнила во Франціи не „систему, а только властителей, кото- „рые взяли другія мѣры, гораздо спа- „сительнѣйшія. Воинская смѣлость заступила „мѣсто обмановъ и тайныхъ хитростей „Кабинета. Въ три года Бонапарте сдѣ- „лалъ все, чего только могъ желать „Людовикъ XIV. Миръ Утрехтской и „Раштатскій ничто въ сравненіи съ „Люневильскимъ и Амьенскимъ, кото- „рые рѣшили судьбу не Эльзаса, но „Европы. — Теперь еще не льзя опредѣ-

„лишь точно народныхъ и воинскихъ „силъ Россіи: ибо сіе новое государство „безпрестанно возрастаетъ. Изключая „Грузію, въ ней около 42 милліоновъ жи„телей, въ числѣ коихъ 20 милліоновъ „крестьянъ мужескаго полу и 700,000 „воиновъ. Ея нынѣшняя мудрая Поли„тика устремлена на внутреннее образо„ваніе государства, но открываетъ ме„жду тѣмъ и новыя сношенія съ други„ми землями для выгодъ торговли своей, „промышленности и мореплаванія. Сіе „великое государство занимаетъ первое „мѣсто среди всѣхъ иныхъ; глава его „можетъ не только наблюдать ихъ дви„женія, но и пользоваться ими для „умноженія своихъ владѣній. Границы „Россіи почти вездѣ неприступны; окру„жены или океаномъ неудобнымъ для „кораблеплаванія, или Азіатскими кочую„щими народами; а властвуя на Баль„тійскомъ и Черномъ морѣ, Россія без„опасна и съ другихъ сторонъ. Арміи „цѣлой Европы не дерзнутъ войти въ ея „предѣлы.“ — Наконецъ Авторъ, какъ ревностный Британецъ, совѣтуетъ сво„ему Правительству всячески искать дружбы Монарха Россійскаго.

II.

Бонапарте Единственный.

Въ Германіи назвали Фридриха II, Короля Прусскаго, *Единственнымъ*; но въ другихъ земляхъ не приняли сего имени, ибо оно было только вдохновеніемъ и выдумкою лести. Въ Исторіи Фридриха нѣтъ ничего *единственнаго, безпримѣрнаго.* Онъ имѣлъ великій умъ, проницательность, твердость въ бѣдствіяхъ и рѣшительность: во многихъ Герояхъ Исторіи находимъ сіи свойства, которыя однакожь не спасли бы его въ семилѣтнюю войну безъ кончины Императрицы Елисаветы.

Только одному Первому Консулу Бонапарте прилично въ Исторіи названіе *Единственнаго.* Человѣкъ, рожденный на маленькомъ островѣ; въ 1793 году Капитанъ Артиллеріи, а черезъ 6 лѣтъ глава Французскаго, Италіянскаго народа, могущественнѣе всѣхъ Королей Французскихъ; имѣющій титулъ *Единственный* и власть надъ пятидесятью милліонами людей; власть, которая въ своемъ родѣ и дѣйствіяхъ безпримѣрна — человѣкъ, во всѣхъ планахъ и дѣлахъ *единственный*; нѣсколько разъ чудеснымъ образомъ спасенный; въ сраженіяхъ про-

иранныхъ вдругъ увѣнченный вѣнкомъ побѣды; законодатель въ каждомъ мирномъ трактатѣ; въ войнѣ и мирѣ употреблявшій способы и мѣры необыкновенныя; любимецъ щастія всегдашній: вотъ человѣкъ, котораго Исторія назоветъ *Единственнымъ*!

Правленіе его также *единственно*, безпримѣрно. Онъ разрушалъ и созидалъ по новому плану; свергнувъ партію, возводилъ на степень достоинства тѣхъ людей, которые составляли ее; употреблялъ въ орудія свои друзей и непріятелей; выдумалъ Конституцію единственную въ своемъ родѣ; выдумалъ совсѣмъ иную для другой земли, и былъ въ обѣихъ главою; управлялъ народами, совсѣмъ различными духомъ и характеромъ; далъ законы и новыхъ властелиновъ пяти Республикамъ; свергнулъ Короля и сдѣлалъ государство его Французскою провинціею; сотворивъ Королевство новое, отдалъ его другому Монарху; преобразилъ Нѣмецкую Имперію, Папалію; основалъ Католическую Религію на успѣхахъ новыхъ; доходилъ въ Европѣ до Вѣны; посылалъ войско за Дунай, за Панъ, за Везеръ и Эльбу; побѣждалъ на берегахъ Нила, бралъ города въ Сиріи; Африка, Азія и сильнѣйшіе Монархи

Европы смотрѣли на дѣла его съ изумленіемъ. . . . Все сіе есть историческая истина; но описаніе обстоятельствъ и прагматическая исторія такихъ великихъ происшествій будетъ дѣломъ потомства.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

Рѣчь Консула Бонапарте, читанная имъ въ Тайномъ Совѣтѣ (*).

(За нѣсколько дней до своего отъѣзда Консулъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ, былъ очень веселъ, ласковъ и разсуждалъ съ Членами о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ весьма рѣдко говоритъ съ ними. Мы имѣли случай достать списокъ любопытной рѣчи его, которую здѣсь печатаемъ.)

Отправляясь въ путешествіе самое важнѣйшее, какое только глава Имперіи предпринять можетъ, считаю за должность изъявить моему Совѣту, что я весьма доволенъ усердіемъ его и вѣрностію, и что ожидаю отъ васъ еще но-

(*) Она переведена изъ Лондонскихъ вѣдомостей: сдѣдственно читатели могутъ вѣрить ей и не вѣрить — какъ угодно.

выхъ заслугъ, особливо во время моего отсутствія.

Великое предпріятіе занимаетъ умъ мой. Не буду *теперь* говорить объ немъ, хотя для успѣха его потребую вашихъ совѣтовъ и стараній; но представлю вамъ то, чѣмъ Департаменты Совѣта должны немедленно заняться.

Признаемся искренно, что внутреннее правленіе Франціи не имѣетъ гармоніи и дѣятельности ея внѣшней Политики. Мы уважены и сильны внѣ, но внутри робки, нерѣшительны, боимся общаго мнѣнія и не всегда можемъ управлять имъ.

Отъ чего происходятъ сія медленность, сіи внутреннія замѣшательства? . . . До сего времени я не могъ узнать причины. Можетъ быть, мы изъявили лишнюю осторожность въ такихъ случаяхъ, которые требовали смѣлости; можетъ быть, мы излишно уважали мнѣніе, когда надлежало презирать его... Не знаю; но мнѣ кажется, что должно было вдругъ искоренить всѣ навыки, произведенные въ народѣ Революціею. Тогда, обращенный къ повиновенію мѣрами строгими, онъ менѣе занимался бы перемѣнами, нужными для возстановленія порядка, и мы могли бы свободнѣе дѣйствовать.

Французы вообще склонны къ осужденію всего и къ безпокойству. Сіе легкомыслїе, которымъ прежде укоряли ихъ и которымъ воспользовались хитрые Министры для введенія самовластія, уже не существуетъ; оно уступило мѣсто гордой взыскательности и волненію ума. Мнѣ извѣстно по разнымъ донесеніямъ, что мыслитъ народъ о нашемъ правленіи, и чего отъ насъ требуетъ. Онъ почти всѣмъ недоволенъ, увеличиваетъ зло и не чувствуетъ цѣны добра.

Признаюсь, что видя несправедливость націи и дерзкую безразсудность ея во мнѣніи о дѣлахъ нашихъ, я въ горести души своей спрашиваю у себя: не излишно ли были мы снисходительны, и могутъ ли Французы обойтись безъ самовластія?

Я доволенъ владѣльцами (propriétaires), которые вообще уважаютъ Правительство. Можетъ быть, они не имѣютъ къ нему полной довѣренности; можетъ быть, боятся рѣшительно соединить съ нимъ судьбу ихъ; можетъ быть, не хотятъ многимъ жертвовать для его успѣховъ и блага . . . Но теперь не должно судить ихъ строго. Довольно, что они отдаютъ намъ справедливость и не осуждаютъ системы Правительства.

Надобно открыть истинную причину народной холодности и взять рѣшительныя мѣры. Знаю, что вообще укоряютъ новое Правительство великими издержками для его наружнаго блеска и для доставленія чиновникамъ нужнаго избытка въ жизни. Естьли бы народъ могъ разсуждать, то мы доказали бы ему, что сіи издержки не истощили казны государственной, и что Правитель употребилъ на то суммы, въ которыхъ онъ не обязанъ былъ давать отчета, и которыя могъ свободно обратить въ награду для людей, привязанныхъ къ нему личнымъ усердіемъ или узами крови. Но когда народъ разсуждаетъ здраво? Революція сдѣлала его завистникомъ верховной власти и блеска ея: надобно пріучить Французовъ къ тому и другому.

Жалуются также на великія подати. Думаю, что онѣ слишкомъ *явны*, и что ихъ можно сдѣлать менѣе чувствительными даже въ случаѣ самой прибавки. Люди свѣдущіе въ семъ дѣлѣ думаютъ, что налогъ на землю слишкомъ великъ; надобно возвратиться къ системѣ откуповъ, но единственно въ то время, когда наша торговля и промышленность оживятся. Сія война, которой я не могъ ни отвратить, ни *отсрочить*, разстроила

планъ мой. Однакожь надѣюсь, что съ помощїю сосѣдовъ, отъ которыхъ имѣемъ право ипребовать возмездїя за наши спарыя и новыя благодѣянїя, можемъ уменьшить налоги....

Всего болѣе нашелъ я препятспвїя въ умноженїи армїи, необходимомъ для нашего величїя и для экспедицїй, мною пригопповляемыхъ. Могущество Франціи основано на побѣдахъ. Гигантскія армїи должны устрашать Европу, или она перестанетъ насъ боятьсл.... Я надѣялся на воинственный характеръ Французовъ, на ихъ славолюбїе и на спрасть къ завоеванїямъ, которую успѣхъ всегда усиливаетъ; но опытъ доказалъ мою ошибку. *Конскрилцїя* (*) произвела вездѣ неудовольспвїе и ропотъ; молодые люди не показываютъ ревности къ службѣ, а отцы усердїя къ отечеспву.... И въ какое время видѣли мы сїю неудачу? Тогда, какъ великія воспоминанїя и безпредѣльныя надежды долженспвовали бы всѣхъ молодыхъ Французовъ обратипь къ воинской славѣ; тогда, какъ они видятъ передъ собою неслыханную фортуну Генераловъ, осыпанныхъ богатспвомъ — тогда дороги наши усѣяны бѣглецами и домы укрываютъ малодушныхъ,

---

(*) Рекрутскій наборъ.

не хотящихъ славы!... Нужны сильныя мѣры: употреблю ихъ — особливо, естьли въ путешествіи моемъ не успѣю разными кроткими средствами оживить въ сердцахъ духа воинскаго, который угасаетъ.

Намъ должно также обратить глаза и на Префектуры, которыя кажутся мнѣ излишно многочисленными. Я сохранилъ новое раздѣленіе Франціи на Департаменты единственно изъ уваженія къ общему мнѣнію; но въ самомъ дѣлѣ нахожу его вреднымъ для обширной земли, гдѣ власть можетъ дѣйствовать сильно и быстро единственно тогда, когда число ея посредниковъ мало. Естьли много чиновниковъ, то одни обманываютъ Правительство своею неопытностію, а другіе коварствомъ. Интенданты и Губернаторы были весьма полезны для Французской Монархіи, ибо ихъ благо совершенно зависѣло отъ ея цѣлости. Наши Префекты и Генералы не имѣютъ такого блестящаго состоянія, и слѣдственно не могутъ быть столько привязаны къ Консулу. Правительству нужны люди, которые знали бы его тайныя намѣренія, и могли бы соображаться съ ними во всѣхъ предѣлахъ государства; но пока Франція раздѣлена на Департаменты мы не можемъ имѣть сихъ *великихъ повѣренныхъ.*

Не знаю, для чего нѣкоторые люди боятся мысли раздѣлить Францiю на обширныя губернiи и ввѣрить ихъ заслуженымъ Генераламъ. Чiпо было бы теперь съ нами, естьли бы Генералы, прославивъ Республику мужествомъ, сами не присвоили себѣ должной награды, и не исторгнули власти изъ рукъ недостойныхъ? Сiпрахъ, чтобы Герои наши не употребили ее во зло, оскорбляетъ честь ихъ и могъ бы имѣть ужасныя слѣдсiвiя, естьли бы щастливыя обстоятельсiва не возвели воина на первую степень во Францiи.

Когда я сказалъ, что военное состоянiе есть первое въ государствѣ, тогда многiе испугались: одни притворно, другiе искренно; говорили даже, что сiя мысль достойна варвара. Но я думаю нынѣ то же, что сказалъ тогда. Положенiе Францiи въ отношенiи къ Европѣ; новое стремленiе, сообщенное умамъ Революцiею; излишекъ народа, котораго не можетъ занимать ни торговля, ни земледѣлiе: все велитъ намъ проповѣдывать сiе мнѣнiе. Для Францiи необходимо войско, сильное и многочисленное; необходимо для нашей внупренней безопасности, для защиты границъ обширныхъ, для устрашенiя сосѣдовъ недружелюбныхъ, для экспе-

диціи отдаленныхъ, для завоеваній, которыя должны замѣнить потерю Колоній нашихъ, бывшихъ все еще недостаточными для предпріятій торговой дѣятельности и для многолюдства Франціи.

Сего довольно къ опроверженію умовъ робкихъ или ограниченныхъ. Мнѣ должно еще разсуждать съ вами о предметѣ, который долго занималъ всѣ мысли мои, но можетъ имѣть слѣдствія, противныя моему ожиданію; говорю о возстановленіи богослуженія.

Давно ли еще люди набожные, видя гоненіе Священниковъ, не смѣли и надѣяться, чтобы имъ когда нибудь дозволили слѣдовать ихъ душевному увѣренію? Всякой долженъ былъ думать, что, возстановивъ Религію, мы заслужимъ живѣйшую благодарность, и что усердіе къ Вѣрѣ будетъ столь же велико, сколь безчеловѣчно гнали ее въ Республикѣ.... Какъ страненъ народъ Французскій! онъ хотѣлъ Священниковъ, когда ихъ не было, и не хочетъ, когда они возвратились; онъ сдѣлался вольнодумцемъ, когда Правительство сдѣлалось благочестивымъ; во время гоненій онъ въ пещерахъ и въ густыхъ лѣсахъ искалъ жертвенниковъ, а нынѣ бѣжитъ отъ храмовъ и служителей

Олтаря, для того, что Правительство содержитъ ихъ на свои деньги!

Но Правительству нужна сія опора, которую мы купили дорогою цѣною. Народъ долженъ быть привязанъ къ Морали обрядами Религіи; долженъ повиноваться законамъ отъ сердечнаго увѣренія болѣе, нежели отъ страха. Но какъ успѣть въ томъ безъ Вѣры?

Не нужно ли возстановить всѣ права Духовенства? не нужно ди сдѣлать его участникомъ въ той власти, которую надобно ему поддерживать? Не нужно ли политическимъ закономъ предписать исполненіе Христіянскихъ должностей, которыя со временемъ могутъ обратиться въ народную привычку? Знаю трудности и даже опасность; но щастливыя обстоятельства могутъ въ семъ случаѣ пособить намъ, какъ они часто помогали мнѣ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія.

Наконецъ могу увѣрить васъ, что если Французы, уже закоснѣлые въ своихъ навыкахъ и предразсудкахъ, не захотятъ слѣдовать нашей системѣ, то по крайней мѣрѣ дѣти ихъ будутъ охотными ея орудіями. Вездѣ народное ученіе основано; школы наполнены молодыми людьми; они любятъ науки и слу-

шаютъ Профессоровъ, усердныхъ ко благу Правительства, которое даетъ имъ щастливое состояніе. Такимъ образомъ вредныя мысли не развращаютъ юношей; они возрастаютъ въ повиновеніи законамъ и въ преданности ко главѣ государства.

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Консулъ теперь въ Брисселѣ... Онъ видѣлъ мѣста, прославленныя республиканскою храбростію. Жители Дюнкирхена и Лиля, предлагая ему ключи городовъ своихъ, сказали: „Великій мужъ! возьми „ихъ: они чисты, ибо не были въ рукахъ „непріятельскихъ!“ Слова трогательныя и прекрасныя! Мы вспомнили бѣдствіе Герцога Йоркскаго подъ стѣнами Дюнкирхена и Лильскую осаду, славную для жителей сего города, который и во время Дюмурьероной измѣны показалъ мужественную рѣшительность и великую любовь къ отечеству. — Консулъ осматривалъ укрѣпленіе береговъ и приготовленія къ высадкѣ. Въ самое то время,

когда онъ возвращался изъ Флиссингена въ Брескенсъ, множество военныхъ судовъ Англійскихъ приближилось къ берегу, какъ будто бы желая устрашить его: Консулъ остановился и долго смотрѣлъ на гордые флаги Великобританніи .... Усердіе къ нему, изъявляемое жителями всѣхъ провинцій, кажется искреннимъ и пламеннымъ. Французы, созданные для Монархіи, нѣсколько вѣковъ славились любовію къ Королямъ: судьба поставила на мѣсто Карловъ, Генриховъ и Людовиковъ, Наполеона, съ святѣйшимъ титуломъ въ мірѣ — съ типуломъ *великаго глупца*: удивительно ли, что народъ, видя сродный къ *идолослуженію* (даже и въ самыхъ Республикахъ), съ благоговѣніемъ смотритъ на Героя, котораго слава есть слава Франціи? Древняя знаменитость рода имѣетъ конечно свои выгоды; но дѣла и величіе, особливо же власть и сила, могутъ обойтись безъ нихъ, и сами собою образуютъ надъ головою человѣка сіе лучезарное сіяніе, которое ослѣпляетъ глаза людей .... Новыя опасности, страхъ и надежда войны со врагомъ непримиримымъ, дѣлаютъ теперь Консула еще нужнѣе для Французовъ, издревле привязанныхъ къ народной чести своей. Бонапарте, заставляя ожидать чрезвычай-

ныхъ явленій, представляется теперь нашимъ мыслямъ въ какомъ-то священномъ мракѣ таинственности, разительномъ для воображенія и весьма благопріятномъ для его величія....

Кто знаетъ истинную цѣль Консулова путешествія? Извѣстно только, что онъ, употребляя дни на осматриваніе пристаней, крѣпостей и войска, работаетъ въ кабинетѣ до трехъ часовъ ночи и всякое утро отправляетъ курьеровъ. Какое необозримое поле дѣятельности для его великаго ума! сколько предметовъ одинъ за другимъ должны ему представляться! Естьли плоды умственной силы бываютъ лучшею мѣрою жизни, то день Консула Бонапарте стоитъ года другихъ людей. Не будемъ жалѣть объ немъ: великій человѣкъ наслаждается единственно трудами .... Но зная Французовъ, онъ снисходитъ къ забавамъ, изобрѣтенным веселостію их характера: ему даютъ балы!... и когда Государственный Секретарь Маре пришелъ сказать, что Французы взяли Англійскій фрегатъ, Бонапарте съ улыбкою смотрѣлъ на *вальсъ* Лильскихъ танцовщиковъ.

200000 Французовъ собираются на берегахъ моря, отъ устья Эльбы до Ла-Рошедя, ожидаютъ попутнаго вѣтра и въ

первую благопріятную минуту ввѣрить волнамъ щастіе Наполеона. Они составятъ четыре корпуса одной арміи подъ начальствомъ самого Бонапарте... мысль ужасная для друзей славы его, не для Англичанъ, которые справедливо говорятъ, что Каналъ долженъ быть Стиксомъ для Французовъ! Судя по характеру Консула, мы почли вѣримъ его намѣренію сдѣлать высадку, хотя она совершенно противна благоразумію и есть опаснѣйшее предпріятіе изъ всѣхъ, когда-либо занимавшихъ умъ человѣческой; но самая сія чудесная отважность можетъ плѣнить его. Основательное благоразуміе никогда не бывало достоинствомъ Героевъ славолюбія. Читатели помнятъ разговоръ Греческаго Философа съ Александромъ. Куда мы идемъ? спросилъ первый у юнаго Царя Македонскаго. За Геллеспонтъ, отвѣчалъ онъ: побѣдить Дарія. — „Хорошо; а послѣ?“ — Завоюемъ Сирію и Египетъ. — „Прекрасно; а тамъ?“ — Возьмемъ Вавилонъ. — „Еще лучше; а оттуда?“... Пойдемъ въ Индію. — „А когда завладѣемъ ею?“ — Тогда успокоимся. — „Чтожъ мѣшаетъ намъ теперь покоиться, еспи-ли мы не имѣемъ другой цѣли?“... Вотъ языкъ благоразумія; но Александръ переплылъ черезъ Дарданеллы, и сдѣлался

Героемъ Исторіи. Такимъ образомъ и Бонапарте можетъ переплыть черезъ Каналъ, чтобы навѣки остаться въ Исторіи смѣлѣйшимъ изъ Героевъ. Вспомнимъ Египетскую Экспедицію и, можно сказать, отчаянный его переходъ черезъ Альпы съ рекрутами: чего не льзя ожидать отъ такого человѣка?... Другой на его мѣстѣ вооружилъ бы только множество военныхъ легкихъ судовъ для опиянтія Англійскихъ купеческихъ кораблей и затворилъ бы для нихъ всѣ гавани южной Европы; но Бонапарте!!!...

Между тѣмъ въ Англіи назначены разные лагери для войска, которому надлежитъ встрѣтить Французовъ. Король намѣренъ ихъ осматривать и въ случаѣ высадки самъ приметъ начальство надъ ними, слѣдуя примѣру Елисаветы, которая, ожидая Гишпанцевъ, явилась въ станѣ Англичанъ и сказала воинамъ: „Знаю, что я тѣломъ слабая женщина, „но духомъ Монархиня и Монархиня Ан„гліи. Естьли непріятель дерзнетъ „явиться передъ нами, то буду сама „вашимъ полководцемъ и судьею на полѣ „сраженія.“ Но Елисавета имѣла великую душу; нынѣ другія обстоятельства... Правда, что у Британцевъ есть Герцогъ Йоркской, котораго искусство

и храбрость извѣстны Французамъ — извѣстны, къ нещастїю, и Русскимъ!

Англичане все еще берутъ множество кораблей, не только Державъ непріятельскихъ, но и дружественныхъ — подъ тѣмъ предлогомъ, что грузъ ихъ есть собственность Французовъ, или принадлежитъ къ запрещеннымъ, по Англїйскому морскому уставу, товарамъ. Лондонское Адмиралтейство, разсмотрѣвъ дѣло, иногда отпускаетъ сїи корабли; но коммерцїя терпитъ великой вредъ отъ такого насилїя: время пропадаетъ, и товаръ не рѣдко портится; не рѣдко и матрозы, наскучивъ праздностїю, оставляютъ Капитана и входятъ въ Англїйскую службу. Еще ЕКАТЕРИНА Великая хотѣла ограничить морской деспотизмъ Британцевъ; но обстоятельства донынѣ ему благопрїятствовали.

Грозный *безрукїй* Нельсонъ повелѣваетъ Средиземнымъ моремъ. Неаполь съ трепетомъ увидѣлъ флагъ его, который напомнилъ ему ужасныя казни и неслыханныя жестокости, запятнавшїя въ семъ городѣ славу великаго Адмирала Британнїи. Уже Англичане объявили нещастному Королю, что онъ будетъ ихъ врагомъ, естьли пуститъ Французовъ въ свою землю. Между тѣмъ Республиканцы

входятъ: и такъ Неаполитанцы ожидаютъ Англiйской канонады...

Остервененiе *Революцiонной войны* было, такъ сказать, естественно: судьба рода человѣческаго нѣкоторымъ образомъ отъ нее зависѣла; мы видѣли цѣль ея, и всякой зналъ, кому желать успѣха — но кому желать его въ нынѣшней войнѣ? Англiя хочетъ возбудить всю Европу противъ Францiи (*надобно убить тигра*, говоритъ Виндамъ); а Бонапарте грозится истребить Англiю: то и другое противно благу человѣчества. Вѣроятно, что ни та, ни другая Держава не достигнетъ до цѣли своей, и наконецъ помирятся; но между тѣмъ сдѣлается множество зла, убьютъ множество людей, разорятъ множество невинныхъ трудолюбивыхъ семействъ и похвалятся человѣколюбiемъ! *Все къ лучшему*, скажетъ новой Панглосъ или старой Кантъ, утверждающiй, что мы въ Аркадской миролюбивой жизни имѣли бы равное достоинство съ кротkими агнцами; но развѣ лучше быть тиграми, въ честь и славу Политики?

Въ Фрейбургѣ (въ Швейцарiи) открылся первый Сеймъ по новой Конституцiи, съ великою торжественностiю и въ присутствiи многихъ иностранцевъ (въ числѣ которыхъ былъ и Руской, Графъ Панинъ). Французскiй Министръ

и Ландманъ Аффри говорили рѣчи. Славный Алоисъ Рединъ выбранъ въ Депутаты отъ Швица. На печати Сейма изображенъ старый Швейцаръ, который въ одной рукѣ держитъ алебарду, а другою опирается на щитъ, съ надписью: *19 Кантоновъ союза.* Дай Богъ, чтобы сдѣлалось чудо, и чтобы Швейцарія воскресла!

Въ Диванѣ Константинопольскомъ ужасъ, а въ Турецкой Имперіи безпорядокъ и разбои. Въ Египтѣ Албанцы взяли Каиръ, убивъ Пашу; въ Аравіи кровопролитіе между сектою Али и Омара; передъ стѣнами Адріанополя мятежники . . . Селимъ можетъ быть славенъ въ Исторіи — именемъ послѣдняго Султана.

Министръ нашего Монарха въ Корфу предложилъ тамошнему Сенату учрежденіе семи народныхъ школъ, и въ предложеніи его находятся сіи достойныя замѣчанія слова: *мнѣніе, что народы для спокойствія и безопасности Правителей должны пресмыкаться во тмѣ невѣжества, есть ложное и для человѣчества оскорбительное мнѣніе!* . . Русской во всѣхъ земляхъ можетъ теперь громко произнести имя свое. Слава вѣку и АЛЕКСАНДРУ!

Іюля 31.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ 1803.

N° 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Рѣчь, говоренная въ собраніи Харьковскаго Дворянства Депутатомъ его, Коллежскимъ Совѣтникомъ Каразиными, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе в. г. городъ Харьковъ Университета.

Благодарность! она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце. О ежелибъ я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею!

Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ! Естьли дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни вели-

лѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечеству; ежели жестокость Природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго: то каково должно быть удовольствіе человѣка, возвратившагося подъ благотворнѣйшій небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и успѣховъ его дѣтства — исторгнувшагося изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать своимъ Эдемомъ, обиталищемъ невинности, дружбы и спокойствія? . . . Таковы были мои чувствованія, милостивые государи! таковы бываютъ они каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные Небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю щастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ. Мнѣ позволено сказать ЕГО устами, что подвигъ, предпріемлемый нашимъ обществомъ, пріятенъ ЕМУ; что СНЪ со свойственною Ангельской душѣ ЕІО милостію ожидаетъ исполненія нашихъ донесеннъхъ ЕМУ обѣтовъ Государству. — Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣще-

нїи края моего рожденїя, угодно вамъ было усугубить благосклоннѣйшимъ прїемомъ, котораго вы меня удостоили въ первое собранїе, когда я представилъ вамъ предначертанїе того учрежденїя, которымъ вы хотите украсить свою страну — отличить ее въ пространной Россїи. Позвольте, М. Г. изъявить вамъ глубочайшую и совершенную мою благодарность. — Не увѣряю васъ, что уиѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволенїе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованїя, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человѣческой природы ищутъ они сперва кругъ, который обнять имъ должно. Сверьхъ того, кто я, чтобъ смѣть мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда либо можетъ имѣть примѣтное вліянїе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, естьли случай поставилъ меня въ возможности сдѣлать

(*) Онъ первый сдѣлалъ предначертаніе о заведеніи въ Харьковѣ Университета по общему тамошней Губерніи желанію. Б.

малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполинской Россіи. — Такъ, М. Г. я смѣю думать, что Губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенїе. Она можетъ быть для Россіи то, что древнїе Аѳины для Грецїи. Мѣстное положенїе дѣлаетъ ее средоточїемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведенїй — сїе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей не можемъ дѣлить съ мѣстами менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ: — въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достоянїемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведенїй всякаго рода. Науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспо-

мянутъ священную для нихъ Грецїю, которая начально передала ихъ полуденному краю Россїи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвенїи восторга скажутъ: „Грецїя, отечество наше, намъ возвращена!“ Я полагалъ, М. Г. что отъ насъ Имперїя будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ Словѣ Божїемъ и нравахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли Царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающїе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанїя; что отъ насъ изыдутъ Витїи, Сїпихотворцы, прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее Правленїе; что мы наставимъ воспитателей Россїйскому юношеству; что мы умножимъ число Врачей, которыхъ одно приближенїе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; — что ученые, измѣряющїе теченїе свѣтилъ небесныхъ и силу Природы, у насъ будутъ образоваться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное спеченїе народа украситъ, распространитъ сей городъ и зависящїе отъ него — наполнитъ ихъ всѣми утѣхами, свойствен-

ными просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи полькится къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему Благотворителю, воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, сіе чувство, предметъ моего слова, обязываетъ насъ къ засвидѣтельствованію.ея предъ лицемъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную Ангелу щедротъ и милосней, Который нынѣ владѣетъ нами? Самъ ОНЪ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ ЕГО столько разъ было близко. И мы ли не вознаградимъ ЕГО? мы ли дадимъ покоя всей сѣверной Россіи возопить: „неблагодарные! скудны поля наши; мразъ воспящаетъ у насъ произрастать плодамъ Цереры; въ потѣ лица денноночно тру-

дясь, приносимъ мы Государству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, которыхъ лелѣетъ Природа; вы, которымъ даетъ она всѣ средства превзойти насъ — вы не хотите и соразняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться щастливымъ вашимъ положеніемъ, драгоцѣннѣйшимъ взоромъ Монарха, обращеннымъ на васъ — вниманіемъ столицъ, кои, внявъ намѣренію вашему, ожидали событія!“

Простите, М. Г. дерзновеніе мое: самыя сіи мысли, подкрѣпленныя другими доказательствами, подкрѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ Августѣйшимъ Монархомъ. Исполнители ЕГО человѣколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ЕМУ было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя Губерніи. — Высокопочтенное собраніе! не уже ли обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о сторонѣ нашей? Не уже ли найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить нѣперь? Воля ваша, изображенная

въ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна ли была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцовъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго Монарха сходствуетъ съ ихъ желаніемъ — предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство?

Представлю ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгодъ нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицемъ Просвѣщеннѣйшаго изъ Владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ Своихъ обязанностей — славы въ очахъ пространной Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской Губерніи! Представлю ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе! оправдать меня или

предать стыду и отчаянїю. Здѣсь предспою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника.

II.

Письмо изъ Парижа о Генералѣ Моро.

Только съ двумя человѣками трудно познакомиться въ Парижѣ, и совсѣмъ по разнымъ причинамъ: съ однимъ для того, что онъ, будучи гордъ отъ природы, и занимая первое мѣсто, считаетъ необходимостїю держать людей въ нѣкоторомъ отдаленїи; а съ другимъ для того, что онъ, уже по самой скромности не любя выставлять себя на показъ, охотно слѣдуетъ благоразумїю, которое совѣтуетъ ему вести жизнь уединенную. Всякой, кто знаетъ *новый* Парижъ, догадается, что я говорю о Давидѣ Моро. Самый первый взоръ на сего отмѣннаго человѣка располагаетъ душу въ его пользу: трудно вообразить себѣ лицо пріятнѣйшее; искренность и доброта на немъ живо написаны. Оно продолговато и не очень бѣло; носъ прямой; глаза большіе, черные и свѣтлые; ротъ изображаетъ

ласковую кротость; губы полныя; нижняя круглая часть лица нѣжна; голосъ твердъ и пріятенъ; ростъ средній; сложеніе крѣпкое; какая-то свободная ловкость во всѣхъ движеніяхъ, и видъ спокойный, который и въ самомъ живомъ разговорѣ не измѣняется. Сей простой наружности совершенно отвѣтствуетъ и простая одежда его. Онъ не слѣдуетъ Генераламъ, которые были съ Бонапарте въ Египтѣ, и которые соединяютъ въ своей наружности республиканскую простоту съ Консульскою пышностію: богатое платье съ остриженными, непудреными волосами. Я видѣлъ Моро въ блестящемъ собраніи у Военнаго Министра Бертье: всѣ другіе Генералы и чиновники были въ парадныхъ мундирахъ и въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ; а Моро въ темномъ фракѣ, съ круглою шляпою въ рукѣ, въ черныхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ лепточками, такъ, какъ я видалъ его дома или на вечеринкахъ у Госпожи Рекамье, и какъ онъ одинъ бываетъ у самого Консула въ торжественные дни. Моро пудрится и носитъ маленькую косу съ плетешками.

Разговоръ его также очень простъ. Любя охоту, онъ любитъ и говоритъ объ ней; а когда зайдетъ рѣчь о войнѣ, то разсуждаетъ о своихъ кампаніяхъ

съ такимъ же безпристрастіемъ, какъ о чужихъ: скромно, основательно и спокойно. Слушая его съ великимъ вниманіемъ, я понималъ, кажется, тайну сего мудраго Героя, который въ тишинѣ умѣетъ наблюдать дѣйствія, умѣетъ быть рѣшительнымъ во-время. Онъ не отнимаетъ у судьбы ея важнаго участія въ случаяхъ; приписываетъ также нѣкоторые блестящіе успѣхи свои и слабости непріятеля; но представляетъ вещи такъ ясно, въ такомъ гармоническомъ соображеніи, что всякой вмѣстѣ съ нимъ видитъ необходимость слѣдствій и переспаетъ дивиться математической вѣрности его кампаній. Личное знакомство съ Моро изъясняетъ также, какимъ образомъ, съ огнемъ и мечемъ вступая въ земли непріятельскія, и притомъ имѣя въ арміи своей многихъ жестокихъ, корыстолюбивыхъ Генераловъ, онъ умѣлъ вездѣ заслуживать любовь и почтеніе. Въ нынѣшнюю зиму Моро не рѣдко видался съ Господиномъ С*, Австрійскимъ Полковникомъ, который сражался съ нимъ въ Италіи и въ Германіи, нѣсколько разъ бывалъ у него въ главной квартирѣ и знаетъ хорошо всѣ дѣла Революціонной войны. Они по нѣскольку часовъ дружески разговаривали о послѣднихъ кампаніяхъ, и весьма

желательно, чтобы Господинъ С* описалъ для публики примѣчанія достойныя мысли сего великаго Генерала.

Но Моро, какъ я сказалъ, всего больше любитъ говорить объ охотѣ, Англійскихъ собакахъ своихъ, лошадяхъ, прекрасномъ звѣринцѣ и проч. Онъ купилъ *Гро-Буа*, сельской домъ Графа Прованскаго; живетъ въ немъ большую часть года, правитъ зайцовъ и ловитъ рыбу. Сей замокъ (въ 20 верстахъ отъ Парижа) со всѣхъ сторонъ окруженъ прекраснымъ лѣсомъ, который служитъ паркомъ для хозяина. Въ домѣ остались еще многія картины славныхъ Французскихъ живописцевъ. Обширные сады, пруды и каналы украшены рѣзною работою Адама и Бушардона, представляющею звѣриную ловлю. Тамъ Моро съ нѣкоторыми сосѣдями и друзьями наслаждается пріятностями и сельской и городской жизни, но другихъ рѣдко или никогда не принимаетъ. Одинъ Англичанинъ, не имѣя надежды съ нимъ познакомиться, нѣсколько дней жилъ тамъ въ деревнѣ, чтобы гдѣ нибудь встрѣтить его. Однажды видя человѣка, который въ зеленомъ камзолѣ выскочилъ изъ лодки на берегъ, Англичанинъ спросилъ: не можетъ ли онъ

ввести его въ замокъ, и показать ему Генерала Моро? *Могу*, отвѣчалъ ему сей человѣкъ съ веселымъ видомъ: *я самъ Моро, къ вашимъ услугамъ.*

Впрочемъ Моро живетъ хорошо и съ великимъ вкусомъ; столъ у него прекрасной, но не такъ богатъ винами, какъ у многихъ Парижскихъ богачей. Онъ принимаетъ гостей съ великою ласкою, старается угостить ихъ и самъ безпрестанно бѣгаетъ, чтобы имъ все подавали скорѣе и лучше. Такое угощенїе напоминаетъ добродушную старину и называется здѣсь уже *мѣщанскимъ!* Домъ его въ Парижѣ есть одинъ изъ великолѣпныхъ. Въ прошедшую зиму онъ далъ прекрасный балъ, нѣсколько ужиновъ и концертовъ для самыхъ лучшихъ людей въ городѣ: Генераловъ, чиновниковъ, Литтераторовъ, художниковъ, иностранцевъ; только не звалъ ни Консуловъ, ни Министровъ. На сихъ балахъ и концертахъ блистала своими талантами миловидная и любезная Госпожа Моро, которой никто лучше не танцуетъ и не играетъ на форте-пїано въ Парижѣ. Сїя похвала очень велика: ибо здѣсь молодые люди танцуютъ съ удивительнымъ совершенствомъ, такъ, что самъ Вестрисъ, которого зовутъ иногда на балы, устy-

паетъ имъ въ пріятности. Онъ думаетъ, къ нещастью, и на сихъ балахъ плѣнять глаза хипростями и мудростями; а господа Тренисъ, Дюпате и другіе *прелестники* моднаго свѣта, зная свою выгоду, хотятъ только летать Зефирами, и побѣждаютъ его. На форте-піано здѣсь многія дамы Виртуозы, и могутъ итти на ряду съ лучшими Артистами. Госпожа Моро принадлежитъ къ числу ихъ. Къ тому же она не привязывается къ сочиненіямъ одного Композитора, какъ другія: играетъ не только соннаты Клементіевы, Штейбольтовы, но и Моцардовы. Арфа въ рукахъ ея также плѣняетъ слухъ. Госпожа Моро еще прекрасно рисуетъ и даже пишетъ маслеными красками; шьетъ съ великимъ искусствомъ, и такимъ образомъ можетъ назваться мастерицею во всемъ, что служитъ къ украшенію женской любезности. Сіи таланты дѣлаютъ ея въ ней еще пріятнѣе отъ умнаго разговора и плѣнительнаго обхожденія. Самый вкусъ въ нарядахъ отличаетъ ее отъ другихъ здѣшнихъ красавицъ.

Сіи щастливые супруги имѣютъ сына, удивительно похожаго на добраго и любезнаго отца. Какъ мило видѣть его играющаго съ ребенкомъ подлѣ нѣжной

матери! Такъ надлежало бы Жерару изобразить Моро на картинѣ, чтобы дать объ немъ полную идею. Впрочемъ сей живописецъ представилъ его весьма выразительно: во весь ростъ, съ обыкновеннымъ спокойнымъ видомъ, въ простомъ синемъ кафтанѣ, съ однимъ шарфомъ главнокомандующаго. Между его картиною и Давидовою ужасною каррикатурою (на которой Бонапарте, съ распущенною мантіею, скачетъ верхомъ по крутизнѣ Сен-Бернарда) такая же розница, какъ между физіогномією и характеромъ сихъ двухъ Героевъ.

Хотя Моро есть самый любимѣйшій изъ Французскихъ Генераловъ (ибо вся армія *божится* только *его* именемъ) и хотя онъ имѣлъ множество случаевъ обогатиться, однакожь совсѣмъ не такъ богатъ, какъ Мюра, Ланъ, Массена и другіе. Моро, безъ совѣта друзей своихъ, предсказавшихъ ему судьбу его по заключеніи мира, теперь не имѣлъ бы средствъ жить порядочно. Всякому главнокомандующему Французскому Генералу давалось 6 милліоновъ ливровъ для кампаніи; у Моро осталось 4 милліона; друзья уговорили его взять ихъ себѣ. Но онъ, слѣдуя движенію великодушія, отдалъ половину Офицерамъ своего Штаба; другіе же 2 мил-

лїона составляютъ все нынѣшнее бо-
гатство его, которымъ наслаждаясь, сей
Генералъ могъ бы по своему характеру
назваться совершенно щастливымъ, если-
ли бы оскорбленное честолюбіе привязан-
ныхъ къ нему людей не тревожило его
спокойствія. Они весьма неблагоразумно
хотятъ славою Моро затмѣвать воинскую
славу Бонапарте, и столь же неблагораз-
умно думаютъ рано или поздно возвести
его на первую степень, для которой онъ
не имѣетъ ни довольно способностей, ни
довольно властолюбія. По крайней мѣрѣ
наблюдателю безпристрастному кажется,
что человѣкъ столь прямой, добродуш-
ной и скромной, хотящій быть един-
ственно тѣмъ, что онъ есть — искус-
нымъ Генераломъ — не можетъ щастли-
во управлять трудными дѣлами госу-
дарственными, особливо въ то время,
когда Франція не имѣетъ еще никакого
рѣшительнаго правленія, и когда одна
смѣлая рука самовластія хранитъ наруж-
ный порядокъ въ народѣ, пріученномъ
долговременною анархіею къ необузданно-
сти и уважающемъ только силу.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

СМѢСЬ.

Во всѣхъ Парижскихъ Журналахъ писали о молодомъ Гишпанцѣ, совершенно нечувствительномъ къ дѣйствію огня; сіе извѣстіе было сообщено и въ Московскихъ газетахъ. Но славный Докторъ Пинель, Членъ Института, нашелъ, что сей Гишпанецъ только менѣе другихъ чувствуетъ огонь. Это уменьшаетъ чудесность; однакожъ феноменъ остается феноменомъ, и любопытно знать, отъ чего онъ происходитъ: отъ особеннаго ли физическаго образованія или отъ искусства, намъ неизвѣстнаго. Въ древности нѣкоторые жрецы Аполлоновы ходили босикомъ по разгоряченному желѣзу, брали въ руки пылающіе уголья и клали ихъ себѣ въ ротъ. Извѣстны также *огненныя испытанія* среднихъ варварскихъ вѣковъ. Вѣроятно, что для сего употреблялись какія нибудь средства, которыя отнимали у тѣла чувствительность къ дѣйствіямъ огня.

Въ 1793 году Губернаторъ Сендейской Провинціи въ Японіи отправилъ транспортное судно съ разными съѣстными припасами въ столицу. Буря удалила его отъ береговъ; оно четыре мѣся

носилось вѣтрами по морю и стало на мѣль близь одного острова, принадлежащаго Россійской Американской Компаніи. Тамошній начальникъ человѣколюбиво принялъ 16 спасенныхъ Японцевъ и отправилъ ихъ въ Иркутскъ, откуда они привезены въ Петербургъ. Двое изъ нихъ добровольно остались въ Иркутскѣ, а двое умерли. Они выучились говорить по-Русски. Четверо окрестились. Императоръ дозволилъ имъ нынѣ возвратиться въ Японію на отправляемыхъ туда корабляхъ Русскихъ: *Надеждѣ* и *Невѣ*. Двое захотѣли воспользоваться симъ позволеніемъ, а другіе всѣ предпочли Россію своему отечеству; одинъ же ѣдетъ при нашемъ Японскомъ Посольствѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвратиться назадъ въ Петербургъ.

Одинъ Нѣмецкій ученый пишетъ изъ Кенигсберга слѣдующее: „Славный Канпъ, у котораго я всякую недѣлю однажды бываю, не долго будетъ гражданиномъ здѣшняго свѣта. Памятъ его совершенно затмилась. Глаза также отказались служить ему. Не имѣя способовъ заниматься, бѣдной старецъ уже въ шесть часовъ вечера ложится спать. Ему теперь 80 лѣтъ; и хотя желудокъ его варитъ еще самую грубую пищу — на примѣръ, нет-

чину — но онъ высохъ какъ скелетъ. Между тѣмъ и нынѣ разумъ его заставляетъ меня удивляться, а добросердечіе трогаетъ иногда до слезъ. Мнѣ хочется описать нѣкоторые мои съ нимъ разговоры: ибо такой человѣкъ и въ самомъ изнеможеніи духа своего есть любопытный предметъ для наблюдателя.“

Въ библіотекѣ покойнаго Мальзерба нашлась весьма рѣдкая книга, подъ титуломъ Miroir des François (*зеркало Французовъ*), сочиненная Николаемъ Монпаномъ и напечатанная въ 1582 году: въ ней описаны всѣ главныя происшествія Французской Революціи съ удивительною точностію.

Вотъ происшествіе совершенно истинное (говоритъ Гж. Жанлисъ въ Souvenirs de Félicie), которое нужно знать всѣмъ родителямъ! Господинъ M** посвящалъ жизнь свою на воспитаніе сына, любя его чрезмѣрно. Сей ребенокъ имѣлъ удивительный разумъ, великую способность ко всѣмъ наукамъ и сердце чувствительное, но часто упрямился. Однажды отецъ вышелъ изъ терпѣнія и грозился наказать его за упрямство; но десятилѣтній мальчикъ хотѣлъ поставить на-своемъ. Призвали двухъ человѣкъ съ розгами: онъ все еще не сдавался. Отецъ

велѣлъ раздѣть его и высѣчь. Приказанїе исполнили... Ребенокъ вдругъ перестаетъ кричать и блѣднѣетъ; слезы останавливаюпся, и на лицѣ, вмѣсто прежняго изступленїя досады, изображается какая-то ужасная неподвижность. На него смотрятъ съ удивленїемъ; спрашиваютъ — нѣтъ отвѣпа! Спрашное волненїе лишило его вдругъ памяти, чувства и разума; онъ на всю жизнь остался безумнымъ!

Слѣдующій анекдотъ перевели мы также изъ Souvenirs de Félicie. Господинъ Шан*, гуляя за городомъ, увидѣлъ горящую хижину. Ему сказываютъ, что въ ней лежитъ одна больная, дряхлая женщина. Онъ бросается въ пламя, находитъ спарушку еще живую, береп ее на руки и благополучно выноситъ изъ огня; но какъ платье на ней горѣло, то великодушный спаситель бросилъ ее въ лужу и — къ нещастїю, утопилъ! Сія лужа, наполненная дождемъ, была въ 6 футовъ глубиною. . . Вотъ славное, героическое дѣйспвїе, уничтоженное судьбою! Будь вода не такъ глубока, и всѣ газеты прославили бы сїю испорїю! Даже и геройспву нужно щастїе!

Астрономъ Мессье 8 Іюня увидѣлъ къ своему изумленїю, что новая Планета вдвое увеличилась противъ обыкновен-

наго. Онъ хотѣлъ уже извѣстить Астрономовъ о такомъ чудѣ; но скоро сей феноменъ объяснился: другая звѣзда такъ приближилась къ Планетѣ, что казалась однимъ пѣломъ съ нею, и заблужденіе наблюдателя открылось, когда она черезъ 40 минутъ удалилась отъ нее.

IV.

Искусство дѣлать женъ вѣрными.

Прошу не бояться! Это искусство состоитъ — въ книгѣ, подъ симъ титуломъ напечатанной въ Парижѣ — и очень давно: въ 1717 году. Всякой, бросивъ глаза на титулъ, подумаетъ, что Авторъ шутъ и забавникъ: ни мало! онъ съ важностію Индѣйскаго пѣтуха или Гишпанскаго Доктора предписываетъ рецепты. Жаль только, что они, сколько извѣстно, въ теченіе 86 лѣтъ не принесли никакой пользы: отъ того ли, что лекарство не дѣйствовало на женъ, или отъ того, что мужья не умѣли составлять, не умѣли давать его?

Авторъ выходитъ на сцену съ вопросомъ: „какимъ образомъ должны мужья „удалять *отравителей источника своихъ*

„*милѣйшихъ наслажденій* (то есть любо-
„вниковъ)?“ — Вопервыхъ они должны
искать супругъ въ добрыхъ и набожныхъ
семействахъ; не красавицъ и не дурныхъ,
не жеманныхъ и не кокетокъ, не уче-
ныхъ и не игрицъ. Авторъ продолжаетъ:
„Выбирай друга въ вышемъ состояніи,
„а жену или въ равномъ, или ниже себя;
„иначе она будетъ повелѣвать тобою.
„Будь для нее всегда примѣромъ добро-
„нравія, и храни вѣрность, если-ли
„хочешь вѣрности. Не говори при ней словъ
„двусмысленныхъ; не представляй ея во-
„ображенію ничего любострастнаго. Не
„теряй желанія нравиться ей. Люби чи-
„стоту даже до крайности. Не пріучай
„супругу къ своей излишней услужливо-
„сти; иначе она скоро потребуетъ ее отъ
„тебя какъ должности. Уѣдь молодую
„жену, что всѣ любовники вѣрны и
„не скромны.“ . . . (Такъ конечно; но
то бѣда, что иная не повѣритъ!) . . .
„Доказывай, что всѣ женщины, о кото-
„рыхъ говорятъ дурно, въ самомъ дѣлѣ
„невинны и страждутъ отъ клеветы;
„тогда она не захочетъ быть первою въ
„распутствѣ. Хвали ей мудрость зако-
„нателей, которые строго наказываютъ
„женъ невѣрныхъ. Имѣй слухъ честныхъ,
„преданныхъ тебѣ всею душею“. . . . (И

это не легко, господинъ Авторъ!) . . . .
„Не пускай къ себѣ въ домъ ни женщинъ
„дурнаго поведенїя, ни вдовъ, которыя
„*много знаютъ*, легко вкрадываюпіся въ
„довѣренность, и могутъ иногда рѣшить
„для жены загадку, которой лучше быпь
„всегда загадкою. — Чтожь дѣлать въ
„пакомъ случаѣ, когда мужъ употребилъ
„всѣ средспіва, а жена впадаетъ въ по-
„рокъ? Сперва надобно уговаривать ее съ
„любовїю, съ ласкою; попомъ лишить
„всѣхъ удовольствій, грозить, и наконецъ
„— запереть!! Естьли и то будетъ без-
„полезно, то — нещасіпный мужъ! брось
„книгу мою въ огонь, а жену сгони съ
„двора!... Но прежде сей крайности мож-
„но еще употребить нѣкоторую военную
„хитрость. Мужъ тихонько долженъ свѣ-
„дашь, что жена его говорила въ какомъ
„нибудь обществѣ безъ него, на другой
„день съ шуткою разсказать ей все отъ
„слова до слова, и увѣрить ее, что она
„говоритъ во снѣ. Сія хитрость, щастливо
„повпоренная нѣсколько разъ, заставитъ
„жену думать, что она въ самомъ дѣлѣ
„бываетъ-во снѣ нескромна; а это можетъ
„удержать ее отъ многихъ слабостей.“

Сія книга была нѣсколько разъ печатана въ свое время: теперь, думаю, книгопродавцы не обогатились бы ею.

Романы гораздо любопытнѣе. Однакожь въ ней есть и хорошіе анекдоты. На примѣръ слѣдующій: „Въ домѣ одной Маркизы „хвалили дѣла Саксонскаго Маршала. „*Правда*, сказала веселая и прекрасная „хозяйка: *онъ побѣдилъ непріятелей; „однакожь не могъ побѣждать страстей сво- „ихъ. Я больше сдѣлала: любила его и могла „ему противиться. Онъ защитилъ наши „провинціи: я спасла добродѣтель свою.*“

(*Изъ Нѣмецкаго Журнала.*)

V.

О благотворномъ дѣйствіи Наукъ для Франціи во время Революціонной войны.

(Переведено изъ новаго сочиненія Гражданина Біошпа: Eſſai ſur l'hiſtoire générale des ſciences pendant la révolution.)

Кенуа, Конде, Валансьень были въ рукахъ непріятеля; Тулонъ сдался Англичанамъ; многочисленные флоты окружали берега Франціи и дѣлали высадки. Внутри ужасъ и голодъ. Ла-Ванде,Ліонъ, Марсель бунтовали. Не было ни оружія, ни пороха; напрасно Республика искала въ Европѣ союзниковъ, которые могли бы

ее надѣлить ими. Наконецъ, къ увѣнчанію всего, она повиновалась Анархистамъ, не имѣвшимъ ни плана, ни средствъ защиты, — искуснымъ только въ гоненіяхъ и злодѣйствахъ. Все предвѣщало гибель Франціи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ сей крайности взяли въ Комитетъ *народнаго блага* двухъ новыхъ Членовъ (*), и поручили имъ военную часть. Они образовали армію, сочинили планъ войны, приготовили магазины.

Надлежало вооружить 900,000 человѣкъ, и (что было всего труднѣе) надлежало увѣрить въ возможности сего чуда народъ подозрительный, готовый видѣть вездѣ измѣнниковъ. Старыя фабрики и мануфактуры были для того недостаточны, и нѣкоторыя изъ нихъ, основанныя на границахъ, находились уже въ рукахъ непріятельскихъ. Завели множество новыхъ съ дѣятельностію безпримѣрною, поручивъ людямъ ученымъ сократить работу способами, до того времени неизвѣстными. Расплавка колоколовъ доставила нужное количество мѣди. Не было стали: Франція, осажденная какъ городъ со всѣхъ сторонъ, не могла получать ее изъ другихъ земель. Велѣли ученымъ найти искусство,

(*) Карно и Баррера.

котораго мы не знали: искусство дѣлать сталь; они изобрѣли его, и сія потребность войны стала независимою отъ чужихъ государствъ.

Науки оказали великія услуги, но злословіе порицало Ученыхъ: они должны были оправдываться, и не испугались клеветы гнусной. Обстоятельство нечаянное и странное увѣрило тогдашнее Правленіе въ ихъ полезности.

Офицеръ является въ Комитетъ *народнаго блага* и сказываетъ, что арміи сошлись въ полѣ, но что Французскіе Генералы не смѣютъ вести солдатъ въ огонь, ибо водка, имъ присланная, смѣшена съ ядомъ; больные пили ее въ Госпиталяхъ и тотчасъ умерли. Онъ проситъ, чтобы Комитетъ велѣлъ освидѣтельствовать водку — требуетъ его повелѣній и хочетъ немедленно скакать назадъ въ армію.

Въ ту же минуту призываютъ искусныхъ Химиковъ, велятъ имъ испытать водку и черезъ нѣсколько часовъ объявить, какой ядъ положенъ въ нее и чѣмъ можно отнять у него силу. Ученые трудятся одни, никого не пускаютъ къ себѣ и дѣлаютъ все сами. Едва даютъ имъ время окончать работу.

Они объявляютъ, что въ водкѣ нѣтъ яду, и что въ нее подмѣшено только

воды съ распущеннымъ аспиднымъ камнемъ, котораго вредное дѣйствїе исчезнетъ, естьли процѣдить ее. Членъ Комитета спрашиваетъ съ грознымъ видомъ, могутъ ли они быть въ томъ увѣрены? Вицѣспо отвѣта одинъ изъ Химистовъ требуетъ цѣдила, пропускаетъ водку сквозь полотно и выпиваетъ цѣлую рюмку; другіе слѣдуютъ сему примѣру. „Какъ вы осмѣливаетесь пить ядъ?“ говоритъ ему Президентъ Комитета. „Я имѣлъ гораздо болѣе смѣлости (отвѣчаетъ онъ), когда подписалъ имя свое на донесенїи.“

Сія услуга, сама по себѣ маловажная, убѣдила Комитетъ въ пользѣ Ученыхъ: онъ окружилъ себя ими, и всѣ способы защиты вышли изъ тихаго убѣжища, въ которомъ скрывался Геній Науки.

Всего нужнѣе былъ порохъ: его оставалось уже мало въ армїяхъ, а магазины совершенно истощились. Собрали пороховыхъ заводчиковъ, которые объявили, что они въ годъ дѣлаютъ 5 милліона ливровъ, но только изъ Индѣйской селитры; и что съ великимъ ободренїемъ могутъ сдѣлать и до пяти милліоновъ, а не болѣе. Комитетъ отвѣчалъ имъ, что они должны приготовить 17 милїоновъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; заводчики изумились и сказали: „естьли вы найдете

„сей способъ, то мы охотно признаемъ „свое невѣжество!“

Но спасенїе Франціи того неминуемо требовало. Не льзя было думать объ Индѣйской селитрѣ, ибо Англичане владѣли морями. Ученые вызвались извлечь селитру изъ земли во Франціи; сочинили для всѣхъ гражданъ краткое, ясное наставленїе, какъ собирать ее, и народъ, повинуясь гласу Комитета, сдѣлался Химистомъ — и наука трудная обратилась въ легкую, всеобщую. Жилища людей и скотовъ были взрыты; въ самыхъ развалинахъ Лїона искали селитры, а золу брали въ сожженныхъ лѣсахъ Ла-Вандейскихъ.

Слѣдствїя сей великой дѣятельности не принесли бы еще никакой пользы, естьли бы Науки не присоединили къ нимъ своихъ усилїй и новыхъ открытїй. Грубая селитра не годится для пороха, будучи смѣшена съ земляною солью, которая питаетъ въ ней сырость и черезъ то уменьшаетъ ея силу. Извѣстныя средства чистить ее требовали много времени. Для строенїя однѣхъ пороховыхъ мельницъ надлежало употребить нѣсколько мѣсяцевъ: между тѣмъ непрїятели покорили бы Францїю. Химїя изобрѣла новыя средства приготовлять и сушить сели-

тру въ нѣсколько дней. Вмѣсто обыкновенныхъ мельницъ, заставили людей вертѣть бочки, въ которыхъ уголья, сѣра и селитра истертыя были перемѣшены съ мѣдными шариками — и симъ способомъ порохъ дѣлался въ 12 часовъ. Такимъ образомъ оправдалось смѣлое слово Баррера, который сказалъ: „пусть ука„жутъ намъ селитренную землю, и мы „черезъ пять дней зарядимъ ею пушку“...

Надежда слѣдовала за ужасомъ, а побѣда за нещастіями: Науки вышли тогда изъ скромной неизвѣстности и явились въ полной славѣ....

Планъ кампаніи, сочиненный въ Комитетѣ *народнаго блага*, имѣлъ успѣхъ совершенный. Французскія арміи зашли въ тылъ къ непріятелю и принудили его поспѣшно оставить занятыя имъ крѣпости; слава и щастіе вели ихъ отъ завоеваній къ завоеваніямъ.

Искусства и Науки, оживленныя свободою, трудились съ новою дѣятельностію, готовили побѣды внѣ, а внутри заглаживали слѣды бѣдствій. Всѣ способы изобрѣтательнаго Генія были употреблены для того, чтобы Франція могла одна противиться всей Европѣ и съ успѣхомъ вести войну, самую ужасную и даже вѣчную.

Ученые, славясь такими великими дѣлами, пользовались довѣренностію неограниченною. Народъ зналъ, что Республика обязана имъ спасеніемъ и бытіемъ своимъ. . . . .

VI.

Совѣты пріятельницѣ.

(Изъ новыхъ Англійскихъ писемъ Госпожи Риверсдаль. Всего пристойнѣе женщинѣ быть наставницею женщинъ.)

Не скрою отъ васъ, любезная Софія; что вчерашній разговоръ нашъ оставилъ во мнѣ какое-то безпокойство. Облако страстей, которое затемняетъ умъ въ человѣкѣ и скрываетъ отъ него должности, образуется мало по малу: боюсь видѣть васъ въ такомъ положеніи; боюсь сего опаснаго и тайнаго вліянія чувствительности на разсудокъ женщины, и намѣрена еще говорить съ вами о моральныхъ обязанностяхъ, которыя служатъ основаніемъ порядка въ гражданскомъ обществѣ и мирнаго благополучія въ семействахъ.

Вы сказали, что мои правила согласны съ правилами вашего воспитанія и

разсудка, но что бываютъ обстоятельства, въ которыхъ сердцу дозволено уклониться отъ ихъ строгости для своего щастія; что женщина, имѣя характеръ твердый и душу чувствительную, можетъ найти благополучіе въ связи несогласной съ законами, Моралью и предразсудками свѣта. Правда, что вы не утверждали сей мысли за истину, а только сомнѣвались; но въ такомъ случаѣ и сомнѣніе весьма опасно.

Я хочу слѣдовать примѣру тѣхъ наставниковъ, которые подкрѣпляютъ надежду отдаленныхъ благъ доказательствомъ, что добродѣтель необходима для щастія самой здѣшней жизни. Не упомяну о преступленіи закона, а буду говорить вамъ единственно о пользѣ временной, и съ тою нѣжною снисходительностію, которая раждается отъ чувства нашей естественной слабости.

Обратимъ свое вниманіе на розницу въ гражданскомъ состояніи двухъ половъ, и вообразимъ, что мущина и женщина входятъ въ связь непозволенную законами. Ничто въ обыкновенныхъ упражненіяхъ женщины не отвлекаетъ ее отъ предмета страсти; напротивъ того все утверждаетъ сердце ея въ его зависимости отъ любовника. Единообразная, тихая жизнь,

уединенїе и нужда въ помощи, которыя бываютъ слѣдствїемъ нарушенїя должностей и свѣтскихъ условїй, всякой день болѣе и болѣе привязываютъ любовницу къ тому человѣку, который прельстилъ ее и лишилъ добраго имени. — Между тѣмъ мущина имѣетъ обширный кругъ дѣятельности и занятїй. Любовь можетъ совершенно овладѣть его душею, но только на время; являются разсѣянїя, заботы, дѣла, и чувство мало по малу въ немъ слабѣетъ. Ему приходитъ на мысль, что связь его осуждаютъ въ свѣтѣ; онъ думаетъ, что повинуется наконецъ гласу Морали — но въ самомъ дѣлѣ перестаетъ только любить. Мущина желаетъ блестящаго имени; не любитъ казаться рабомъ женщины, и спѣшитъ возвратиться къ видамъ честолюбїя, славы, фортуны, упрекая себя тѣмъ, что забывалъ ихъ въ ослѣпленїи страсти; онъ увѣряетъ себя, что признательность и тайна бываютъ единственнымъ долгомъ честнаго мущины въ разсужденїи слабой женщины, которая отдалась ему.

Замѣтьте, что я предполагаю въ немъ честь: какая доля ожидаетъ любовницу, естьли онъ изъ числа тѣхъ многихъ прелестниковъ, которые играютъ женскими сердцами и славятся обманами? Не имѣю

нужды въ краснорѣчіи для описанія слѣдствій. Но вообразимъ, что любовникъ нѣженъ, имѣетъ правила — однимъ словомъ, таковъ, какимъ воображаетъ всякая чувствительная женщина своего *милаго друга*. Посмотримъ, что будетъ...

Женщина, сдѣлавшись слабою, основала всѣ надежды свои на постоянствѣ любовника. Чѣмъ долѣе она сражалась съ собою, тѣмъ болѣе усилилась привязанность въ ея сердцѣ, и тѣмъ нужнѣе, тѣмъ необходимѣе для нее быть любимою. Нѣжность такъ безпокойна, такъ проницательна, что никакая оттѣнка не можетъ скрыться отъ глазъ ея; она видитъ самые первые знаки холодности, которая бываетъ еще тайною для самого любовника. Мало по малу ласковыя примѣчанія заступаютъ мѣсто восторговъ; нѣтъ уже милой простоты и безпечности; все обдумано, — и хотя взоръ еще не открываетъ, но сердце уже предчувствуетъ какую-то *старательность*, близкую къ принужденію. Она еще не холодность, но уже не страсть, не обожаніе... Горестное открытіе! истина мучительная для женщины, ввѣрившей любовнику жизнь и судьбу свою съ необходимымъ условіемъ — которое само собою разумѣется, хотя бы оно и не подтверждалось милліономъ

клятвѣ — съ условіемъ быть любимою до гроба!

Говорятъ, что женщина, отдаваясь любовнику, есть Царь, который слагаетъ съ себя корону; но Царь знаетъ, что онъ отказывается отъ власти, а женщина надѣется тѣмъ еще болѣе утвердить свою власть. Видя, что обманулась, она досадуетъ, упрекаетъ и требуетъ отъ сердца, чего оно не даетъ никогда по должности, но что еще показываютъ изъ жалости или нѣкоторой пристойности! Щастлива любовница, естьли она можетъ иногда назвать другомъ человѣка, которому поручила свой жребій!

Ахъ! сердце слабое и легковѣрное, презрѣвъ мнѣніе, отказавшись отъ всѣхъ благъ въ свѣтѣ, кромѣ щастія быть любимою, имѣетъ право сохранить хотя дружбу невѣрнаго; но, къ нещастію, рѣдко сохраняетъ ее. Въ связи законной дружба всегда бываетъ слѣдствіемъ чувства живѣйшаго, и мало по малу заступаетъ его. Она, въ сердцѣ нѣжнаго мужа, составляется изъ любви, уваженія, признательности, и бываетъ совершенною, когда супруга заслуживаетъ почтеніе свѣта. Мнѣніе такъ сильно дѣйствуетъ на мущинъ, что они, вопреки ихъ собственному чувству, имѣютъ нужду въ

сей опоръ для уваженія женщины. Воображеніе обыкновенно стремится украшать предметъ любви; а любовь слабѣетъ отъ всего, что унижаетъ ее въ общемъ мнѣніи.

Не скажете ли вы, что есть способъ *закрыться отъ свѣта*; что всегдашняя и постоянная осторожность можетъ спасти женщину отъ несправедливости или жестокаго суда людей? Опытъ доказываетъ, что рано или поздно всякая осторожность измѣняетъ намъ; но положимъ, что она есть вѣрный щитъ, и что любовникъ удовольствуется наружнымъ почтеніемъ свѣта къ его любовницѣ, хотя и знаетъ, что оно *несправедливо*; когда же мечты страсти разсѣются, не перемѣнитъ ли онъ мыслей своихъ о женщинѣ, которая отдалась ему? Въ немъ родится невольное сомнѣніе о безкорыстіи жертвы ея, и желаніе сдѣлать его щастливымъ перестанетъ ему казаться единственнымъ ея побужденіемъ. Можетъ быть, любовникъ скажетъ себѣ, что въ связи, равно пріятной для обоихъ, онъ долженъ только сохранить тайну, оставляя женщину; и человѣкъ такъ искусно обманываетъ себя въ видахъ собственной пользы, что ему легко вообразить, будто самая нѣжность заставляетъ его разорвать связь, которая ежеминутно могла

обезславить любовницу, до того времени чудесно спасенную отъ нареканія.

Но положимъ, что любовникъ нѣжный и великодушный не дозволитъ себѣ разсуждать такимъ образомъ: къ чему же остается ему прибѣгнуть? Уже онъ не любитъ такъ, какъ женщина хочетъ быть любимою. Возможно ли обмануть сердце притворствомъ? и согласно ли оно съ прямодушіемъ такого любовника? Онъ показываетъ нѣжную внимательность, ласку, дружбу, которыя смягчаютъ жестокую истину, а не скрываютъ ее. . . На какую жизнь осуждена бѣдная женщина, ежеминутно видя передъ собою безславіе, употребляя осторожность за осторожносіпію, всегда принуждая себя и всѣхъ обманывая? Гдѣ награда, которой она ожидала? Куда дѣвалось блаженсіпво, которымъ льстилось ея сердце и воображеніе при началѣ связи?

Такъ должно разсуждать, любезная Софія, когда есть время для разсужденія; когда одна суетность, одно темное желаніе нравиться влекутъ насъ къ опасностямъ и пороку. Теперь еще умъ вашъ не ослѣпленъ мечтами страсти: онъ свободенъ, и дозволяетъ вамъ ясно видѣть истину. Забудемъ — повторяю — что есть на свѣтѣ Религія, Моралъ и долж-

мости; забудемъ измѣны, невѣрность, злословіе: и тогда, даже и тогда останется неоспоримою истиною, что *связь, противная законамъ, должна рано или поздно быть нещастіемъ для женщины, которая входитъ въ нее безразсудно.*

VII.

Письмо къ Издателю.

Скромный благодѣтель утѣсненнаго семейства К. А. К. (*), находясь въ Сумскомъ Гусарскомъ полку, живетъ нынѣ въ Сумахъ. Да позволено мнѣ будетъ открыть еще любезную черту его характера. Прочитавъ въ 12 нумерѣ *Вѣстника* шестую статью, я такъ былъ тронутъ описаннымъ въ ней великодушнымъ поступкомъ, что въ тужъ минуту, не сказавъ никому ни слова, побѣжалъ въ квартиру благотворителя. Неожидаемый весьма ранній приходъ мой и слова: *благодарю васъ именемъ человѣчества*, прежде

(*) См. No 12 *Вѣстника*, стран. 291 Издатель знаетъ почтеннаго человѣка, отъ котораго онъ получилъ это письмо.

удивили его; но когда онъ узналъ причину, то я замѣтилъ на лицѣ его мгновенное движенїе внутренняго удовольствїя, которымъ только лучшїе изъ смертныхъ наслаждаются; а наконецъ съ равнодушїемъ, свойственнымъ единственно людямъ, ему подобнымъ, онъ мнѣ сказалъ: il n'y a rien d'étonnant; grace à Dieu, que je fus alors en état de ſecourir cette respectable famille, & je vois que je ſuis payé au delà de mon attente (*). — Можетъ ли такой человѣкъ быть нещастливъ когда нибудь?

N. N.

Сумы, 15 Іюля, 1803.

VIII.

Письмо одного Англичанина изъ Квебека.

Я только-что возвратился изъ Верхней Канады. Земля, климатъ и успѣхи трудолюбїя въ сей провинцїи превосходятъ общее мнѣнїе, которое мы, Лондонскїе

(*) То есть: „Дѣло мое не удивительно. „Слава Богу, что я могъ тогда помочь „доброму семейству, и теперь вижу, „что награжденъ за то свыше моего „ожиданія.“

жители, о томъ имѣемъ. Число людей безпрестанно умножается. Цѣлыя семейства почти ежедневно пріѣзжаютъ туда изъ Соединенныхъ Областей и селятся, покупая или нанимая землю. Необозримые дубовые лѣса доказываютъ ея плодородіе. Пшеница и другой хлѣбъ родится удивительнымъ образомъ: каждое зерно приноситъ сорокъ! Въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ нужды и удобрять поля. Зима бываетъ весьма не продолжительна; снѣгъ лежитъ иногда не долѣе двухъ недѣль. Главная же изъ всѣхъ выгодъ есть кроткое Правленіе и всеобщее увольненіе отъ податей.

Когда Губернаторъ въ прошедшемъ году собирался ѣхать въ главный городъ Йоркъ, то жители со всѣхъ сторонъ приступали къ нему съ жалобою на чрезвычайное изобиліе ихъ произведеній! „Житницы наши не вмѣщаютъ хлѣба,“ говорили они: „а скотинѣ нѣтъ уже мѣста на лугахъ. Естьли не дадутъ намъ способа отправлять хлѣбъ въ Нижнюю Канаду, то мы не можемъ собрать нынѣшней жатвы.“ — За нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ открылось наконецъ сообщеніе, черезъ опасную рѣку С. Лоренца, между двумя Канадскими провинціями. Теперь поселяне всего болѣе сѣютъ коно-

пли. Правительство опредѣлило ежегодно 200 фунтовъ сперлинговъ на ободреніе сего роду земледѣлія. Эта сумма кажется богатымъ Европейцамъ бездѣлкою; но она весьма велика для такой провинціи, которая за 12 лѣтъ передъ симъ не существовала.

Домы въ Верхней Канадѣ почти всѣ деревянные, но построены съ такимъ вкусомъ и такъ чисты, что плѣняютъ глаза. Поселяне весьма трудолюбивы и въ своемъ дѣлѣ искусны. Поля ихъ обработаны прекрасно. Правда, что благодѣтельная Натура освобождаетъ ихъ отъ великихъ трудовъ. Въ Европѣ надобно углублять соху во внутренность земли; но щасливый Канадскій житель не пашетъ, а только боронитъ свое поле, и тотчасъ сѣетъ.

Дороги отъ селеній къ селеніямъ очень хороши. Изъ Ніагары въ Чиппаву ходитъ всякой день почта. Нѣтъ ничего пріятнѣе дороги отъ Ніагары въ Квинсъ-Таунъ: ѣдешь по берегу величественной рѣки, теряешься во мракѣ дубовыхъ лѣсовъ, взъѣзжаешь на дикую гору, и вдругъ видишь великолѣпное и страшное зрѣлище перваго водопада въ мірѣ!

Квинсъ-Таунъ есть новой и своимъ положеніемъ весьма красивой городокъ.

Тутъ выгружаются товары, посылаемые въ Верхнюю Канаду; ихъ надобно отправлять сухимъ путемъ въ Чиппаву, ибо ужасное стремленіе рѣки препятствуетъ судоходству. Въ прошедшую зиму не малой купеческой корабль, пришедшій Эрійскимъ озеромъ въ Чиппаву, отправленъ былъ оттуда въ Квинсъ-Таунъ сухимъ путемъ! Его поставили на множество связанныхъ досокъ, и тащили, съ парусами и снастями, на волахъ черезъ горы и долины... зрѣлище безпримѣрное (*)!... а въ Квинсъ-Таунѣ спустили опять на воду.

Я не скажу ни слова о паденіи Ніагары: сіе чудо другими описано; но никто еще не могъ достойнымъ образомъ изобразить его великолѣпія.

Городъ Йоркъ построенъ на долинѣ, окруженной дубовыми рощами и весьма пріятной для глазъ. За шесть лѣтъ передъ симъ тамъ не было никакого слѣда рукъ человѣческихъ: городъ, какъ будто бы дѣйствіемъ волшебства, явился вдругъ среди непроходимыхъ лѣсовъ! Жители довели искусство рубить лѣсъ до высочай-

---

(*) А мы не хотимъ вѣрить, чтобы Олегъ съ флотомъ своимъ могъ на колесахъ катиться къ Царю-Граду!

шей степени совершенства. Мнѣ разсказывали, что одинъ Англичанинъ, недавно пріѣхавшій въ Йоркъ, уговорился съ поденщикомъ платить ему 20 копѣекъ за всякое срубленное дерево, и думалъ, что онъ нанялъ его не дорого; но Йоркской поденщикъ, начавъ рано по утру свою работу, успѣлъ до вечера выработать 70 рублей! Англичанинъ тотчасъ съ нимъ расплатился, чтобы онъ въ нѣсколько дней не разорилъ его.

IX.

Записки стараго Московскаго жителя.

Эмилія уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на *бульварѣ* нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья: куда же мнѣ дѣваться, и что дѣлать? Отъ скуки всего лучше писать; въ такомъ случаѣ перо служитъ *отводомъ* ея, и передаетъ всю скуку Автора читателямъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло! всякой о себѣ думай . . . Къ тому же мнѣ стукнуло 62 года, и я жилъ не съ завязанными глазами въ свѣтѣ: сколько важныхъ наблюденій могу сообщить

любопытнымъ, не хуже того *славнаго эфемера*, который, родясь на восходѣ солнца, видитъ себя въ глубокой старости при его захожденіи, и съ краснорѣчіемъ Доктора Франклина (Автора сей остроумной басни (*)) разсказываетъ юнѣйшимъ эфемерамъ о великихъ перемѣнахъ свѣта, замѣченныхъ имъ въ теченіе столь долгаго времени, то есть въ 15 или 16 часовъ! Боже мой! сколько сдѣлалось перемѣнъ и на моихъ глазахъ! Красавицы подурнѣли, веселыя женщины стали унылыми; въ рукахъ, которыя прежде такъ мило играли опахаломъ и въ легкомъ *вальсѣ* обнимали щастливыхъ Зефировъ, вижу теперь четки или карты; взоры, съ которыми нѣкогда всѣ другіе встрѣчались, нынѣ бродятъ уединенно по залѣ, наполненной людьми внимательными. Многіе умники обратились въ глупцовъ, честные люди въ бездѣльниковъ, подлецы въ гордецовъ, святоши въ вольнодумцевъ и вольнодумцы въ святошъ. Однимъ словомъ, я, старой эфемеръ, замѣчалъ метаморфозы въ жизни, которыя стоятъ Овидіевыхъ;

(*) Она напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

видѣлъ все, кромѣ того, чтобы плуты дѣлались честными, а глупцы умными.

Но не льзя писать обо всемъ, что знаешь: назовутъ сатирикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можетъ быть отъ того, что оно всегда напоминаетъ мнѣ гнусную фигуру Сатира. Не хочу также сообщать наблюденій, которыя можно растолковать въ худую сторону для настоящаго времени; скажутъ: „таковы старики! хваляпъ, чего уже „нѣтъ, а все новое осуждаютъ!“ . . . Нѣтъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси . . . Но въ такомъ случаѣ должно подумать. . . .

„Господинъ! господинъ! не надобно ли вамъ цвѣтовъ?“ . . . Этотъ голосъ, перервавъ нить идей моихъ, могъ бы чрезмѣрно разсердить меня, естьли бы онъ былъ не женской; но я, по старой привычкѣ, все еще не умѣю сердиться на женщинъ . . . Смотрю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ кресель какъ молодой человѣкъ (ибо у меня еще нѣтъ пода-

гры), даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ, и снова ищу въ головѣ мыслей . . . Но чего лучше? этотъ букетъ можетъ быпь темою . . . Безъ сомнѣнія! . . Задумываюсь на минуту и восклицаю: слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!“

Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей сполицѣ сія новая отрасль торговли: на моей памяти стали продавашь здѣсь ландыши. Естьли докажупъ мнѣ, что въ шестидесятыхъ годахъ хотя одинъ сельской букетъ былъ куплень на Московской улицѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первый огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ. . . . Изъ чего мы, Философы, заключаемъ, что Московскіе жипели просвѣтились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣпамъ есть любовь къ Натурѣ; а любовь къ Натурѣ предполагаетъ вкусъ нѣжный, утонченный Искусствомъ. Какъ первые *пріемы* Философіи склоняютъ людей къ вольнодумспву, а дальнѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка опъ Натуры, а дальнѣйшіе снова приводяпъ его къ ней. Спаринные Рускіе Бояре не

заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ . . . Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизъяснимое чудо! . . . О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ пѣнію черемхи, пивали холодной медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время Царя Михаила Ѳедоровича привезъ въ Москву Голштинецъ Петръ Марселисъ (*)! — Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ знатные начали строить домы въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ сголицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ; когда вся-

---

(*) Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы.

кой дворянинъ, насытившись зимою город-
скими удовольствіями, при началѣ весны
спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ
жаворонка или соловья! а кто долженъ
остаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по
крайней мѣрѣ переселиться за городъ;
число сельскихъ домиковъ въ окресіно-
стяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ
нанимаютъ не только дворяне, но и ку-
пцы. Мнѣ случилось въ одной Подмоско-
вной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай,
обращенный въ комнату съ диванами:
тутъ въ хорошее время года живетъ
довольно-богатой купецъ съ своимъ семей-
ствомъ. Въ городѣ у него каменной домъ
и большой садъ; но онъ говоритъ: „что
можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятно-
стію сельской жизни?“ Самые ремеслен-
ники любятъ уже веселиться хорошимъ
днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ
Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симо-
нову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ
множество гуляющихъ. Портные и сапо-
жники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты
на лугахъ, и съ букетами возвращаются
въ городъ. Мы видали это въ чужихъ зем-
ляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣ-
котораго времени, и должны радоваться.
Еще не такъ давно я бродилъ уединенно
по живописнымъ окресіностямъ Москвы

и думалъ съ сожалѣніемъ: „какія мѣста! и никто не наслаждается ими!“ а теперь вездѣ нахожу общество!

Однимъ словомъ, Рускіе уже чув. ствуютъ красоту Природы; умѣютъ даже украшать ее. Объѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самаго Британскаго Лорда; щастливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи — гдѣ дикость Природы соединяется съ удобностями Искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи — наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, которые ни на что не похожи въ Натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная....

Знаете ли, что и самой Московскій *бульваръ*, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе даетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіатцы, и которыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ не-знатными, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то щастливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго образованія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе; но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ *бульваръ* скупъ на пѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ нещастью, именемъ своимъ напоминаетъ *бульвары* Парижскіе, сіполь прекрасные и сѣнистые! Древней столицѣ Рускаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскимъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о са-

ныхъ жителяхъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотчасъ ведутъ его на свои прелестныя *террассы*, въ свои тѣнистыя алеи, которыя украшаютъ всѣ города ихъ. . . .

Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки (*) между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естьли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ

(*) Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ. Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ.

всегда движется сіполько людей; огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеваръ*, свою *липовую улицу* . . . Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ. . . Сверхъ того Кремль есть любопытнѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе.

Но это одна мысль. Кремлевская стѣна есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? Развѣ одно время разрушитъ ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Земляная: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными). . . И такъ удовольствуемся сво-

имѢ *бульваромъ*! куда, государи мои, вы дозволите мнѣ и теперь отправиться: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минуты, въ которую могу еще поговорить съ вами о другихъ перемѣнахъ въ Москвѣ бѣлокаменной и новыхъ выгодахъ нашего времени.

Б. В.

ПОЛИТИКА.

I.

Выписка изъ Лондонскихъ вѣдомостей.

Вотъ письмо Консула Бонапарте къ Генералу Мортье: „Повелѣваю вамъ взять „Ганноверъ какъ провинцїю Англіи.“ Генералъ Мортье отвѣчалъ: „Нѣтъ ничего „невозможнаго для воиновъ, которыми „управляетъ вашъ Геній; я буду побѣ„дителемъ, ибо вы приказываете мнѣ „побѣдить. Опасности не страшатъ меня, когда вы удостоите мои дѣла „улыбки, а память мою слезы вашей.“

По отъѣздѣ Консула Государственный Совѣтъ и Сенатъ имѣютъ частыя конференцїи, и всякой день отправляютъ къ нему курьеровъ съ извѣстїемъ объ ихъ разсужденіяхъ. Хотятъ дать великую власть, и всѣ способы блистать пышностїю, тѣмъ Сенаторамъ, которыхъ пошлютъ въ Департаменты. Они ежегодно должны предсѣдательствовать въ собранїи Депутатовъ провинцїи, которые будутъ съѣзжаться въ главномъ мѣстѣ или городѣ *Сенаторства* (Sénatorerie). Имъ дается также право предсѣдатель-

ствовать и въ судахъ, по дѣламъ, которыя могутъ имѣть какое нибудь отношеніе къ Правительству. Всякому Сенатору назначается ежегодно 60,000 франковъ для чрезвычайныхъ расходовъ. Однакожъ сей планъ можетъ быть не одобренъ Консуломъ, ибо онъ даетъ слишкомъ много вліянія Сенату. — Луціанъ Бонапарте удалилъ Редерера отъ славы и выгоды управлять *Сенаторствомъ*. Редererъ писалъ къ Консулу и жаловался ему на брата. Думаютъ, что Бонапарте утѣшитъ его.

Не давно толпа ребятишекъ окружила на Парижской улицѣ карету Консула Камбасереса съ громкимъ восклицаніемъ: „да здравствуетъ нашъ великій „Консулъ Камбасересъ!“ Слѣдуя первому движенію, онъ хотѣлъ остановиться и милостивою улыбкою приласкать людей, которые плѣнялi слухъ его такимъ лестнымъ восклицаніемъ; но вдругъ одумался, и вообразивъ, что его хотятъ или заманить въ сѣти или дурачить, онъ велѣлъ гвардіи своей разогнать мальчишекъ и съ великимъ сердцемъ поднялъ въ каретѣ стекло.

Въ Парижѣ, близъ Ботаническаго саду, переѣзжали Сену на плоту, который сдѣлался теперь ненужнымъ отъ

построеннаго тамъ моста. Перевозчики вздумали принесши сей ветхой плотъ въ даръ отечеству, для высадки въ Англiи. Префектъ счелъ это насмѣшкою и велѣлъ ихъ депутатовъ посадить на 8 дней въ темницу.

Мы уже давно замѣтили въ листахъ своихъ, что праздникъ 14 Iюля долженъ утратить блескъ свой съ умноженiемъ власти Консула, наслѣдника Революцiи. Нынѣшнее торжество его состояло единственно въ томъ, что отворили нѣсколько театровъ для черни и зажгли нѣсколько плошекъ въ Тюльери.

Мы можемъ извѣстить публику, что Бонапарте намѣренъ удивить Европу великими перемѣнами въ политической системѣ ея, когда нѣкоторые Кабинеты не захотятъ дѣйствовать согласно съ его планомъ.

Въ Парижѣ ходитъ по рукамъ печатный листъ, подъ титуломъ: *Генеалогiя Бонапарте, наслѣдника Бурбоновъ, сочиненная въ Ла-Ванде и напечатанная въ Тамплѣ* (*). Авторъ укѣряетъ, что дѣдъ Консула назывался Буона или Бона, оказалъ въ 1756 году какую-то услугу

(*) Парижская темница, гдѣ Король содержался.

извѣстному Корсиканскому несчастному Карлу Θеодору и былъ имъ пожалованъ въ дворяне съ именемъ Бонапарте. Это ничто иное, какъ пасквиль, и не весьма умный. Сочинитель, желая унизить Консула, приводитъ одно мѣсто изъ Сенеки, который, бывъ сосланъ въ Корсику, сказалъ объ ея жителяхъ, что „ихъ первый законъ есть мщенїе, второй жить „грабежемъ, третїй лгать, четвертый „не вѣрить богамъ.“

Мы уже говорили о томъ, что Бонапарте не давно предлагалъ Лудовику XVIII торжественно отказаться отъ своихъ правъ на Французскїй тронъ, и въ такомъ случаѣ обѣщалъ ему большїя выгоды. Вотъ отвѣтъ Претендента: „Я „не считаю *Господина* Бонапарте за одно „съ его предмѣстниками; уважаю его „храбрость, воинскїе таланты, и даже „благодаренъ ему за многїя новыя хорошїя учрежденїя: ибо добро, дѣлаемое „*народу моему*, всегда для меня драгоцѣнно. Но онъ ошибается, думая, что „я могу отказаться отъ правъ своихъ, „которыхъ основательность и сила утверждается самымъ его предложенїемъ. „Не знаю, какую судьбу назначаетъ „Провидѣнїе мнѣ и роду моему; но знаю „долженъ, Имъ на меня возложенную

„вмѣстѣ съ моимъ саномъ. Какъ Хри-
„стіанинъ буду исполнять ее до конца
„жизни; какъ сынъ Лудовика святаго
„могу по крайней мѣрѣ сказать то же,
„что онъ сказалъ: *мы все потеряли, кро-*
„*мѣ чести* (*)! 25 Апрѣля, 1805.“

Вотъ письмо одного Англичанина изъ Кале: „Послѣ отъѣзда Консула Бонапарте, я снова могъ гулять по валу крѣпости, и встрѣтился однажды съ молодымъ Французскимъ Офицеромъ, которой служитъ въ здѣшнемъ гарнизонѣ. Мы уже давно знакомы и всегда искренно разговаривали другъ съ другомъ. Онъ не доволенъ тѣмъ, что Бонапарте объявилъ себя Консуломъ на всю жизнь и присвоилъ себѣ право назначить преемника. Молодой Офицеръ спросилъ у меня, какъ далеко отъ Дувра до Лондона? — Пятнадцать почтъ, отвѣчалъ я. — Тутъ онъ съ великою живостію сказалъ мнѣ: „Мы скоро будемъ въ вашей столицѣ.“ —

(*) Но это слова не Лудовика святаго, а Франциска I, написанныя имъ къ матери послѣ нещастнаго сраженія при Павіи. Это одно заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ письма: Лудовикъ XVIII знаетъ по крайней мѣрѣ Исторію своихъ предковъ, и не могъ такъ ошибиться. — К.

Удивленный его *довѣренностію*, я хотѣлъ знать, вѣритъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы Консулъ отважился на такое предпріятіе? „Безъ сомнѣнія," отвѣчалъ мой знакомецъ: „ему должно отважиться; это такъ вѣрно, какъ вы живы. Странно, что человѣкъ, который видитъ наши приготовленія, можетъ еще сомнѣваться!" — Послѣ разныхъ увѣреній, что Бонапарте дѣйствительно занимается планомъ высадки, онъ перемѣнилъ тонъ разговора и сказалъ съ веселымъ видомъ: „Меня увѣряли, что у васъ много лавокъ, гдѣ продаются золотыя и серебряныя вещи?" Васъ не обманули, отвѣчалъ я: въ Англіи нѣтъ Французской шумихи, а все чистые драгоцѣнные металлы. — „Вы ошибаетесь, сказалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ: все ваше золото скоро будетъ Французскимъ." — — Говоря о лицѣ и наружномъ видѣ Консула, молодой Офицеръ спросилъ: „каковъ вашъ Король?" Самой доброй человѣкъ, отвѣчалъ я: онъ думаетъ только о славѣ и щастіи своего народа, который за то обожаетъ его. Могу васъ увѣрить; что Георгъ III есть Король душею и сердцемъ . . . Живость моего отвѣта заставила его разсмѣяться. „Будьте покойны, любезный пріятель,

на счетъ вашего Короля," сказалъ онъ съ шуткою: „мы обойдемся съ нимъ ласково." Я съ такимъ же веселымъ видомъ отвѣчалъ ему: Почтенный другъ! душа моя совершенно спокойна; ибо я увѣренъ, что Французы, которые сядутъ на корабли для переѣзда въ Англію, могутъ быть въ Лондонѣ только плѣнниками... Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ съ жаромъ: „Думаю, что мы потеряемъ 40 тысячь человѣкъ; но это бездѣлица!" . . .

II.

О нынѣшней войнѣ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

Происшествія нашего времени такъ чрезвычайны, такъ несогласны съ правилами разсудка, съ Исторіею и Политикою прежнихъ временъ, что развѣ одни рабы могутъ быть хладнокровными зрителями и безмолвствовать. Но не всякой изъ людей, благородныхъ сердцемъ, можетъ объявить публикѣ свое мнѣніе: тѣмъ болѣе обязанъ Журналистъ, уважаемый въ своемъ отечествѣ, сказать, что онъ думаетъ.

Мудрость или невѣжество Министровъ хотя и можетъ нѣсколько времени быть недоказанною, но скоро задача рѣшится, и слѣдствія открываютъ причину. Оставимъ въ покоѣ Англійскаго Короля, ибо по законамъ Британніи за все отвѣтствуютъ Министры: только объ нихъ говорить будемъ. Описанїе ихъ мудрыхъ и безразсудныхъ правилъ, ошибокъ, глупостей — и всего, что угодно — составляетъ уже издавна главную часть Англїйской Исторїи. Кто не помнитъ системы великаго Чатама или глупостей недостойнаго Бьюта, который при концѣ семилѣтней войны дѣлилъ въ Сенп - Джемсѣ Прусскїя владѣнїя? Кто забылъ Министра Норта, столь безумно начавшаго Американскую войну? Кто не дивился и глубокой Политикѣ Господина Питта въ 1790 году, когда Англїя за Очаковскую степь хотѣла объявить войну Россїи, и когда весь Британскїй народъ изъявилъ свое несогласїе на такую безразсудность? Но величайшїе грѣхи въ Политикѣ были предоставлены нынѣшнимъ Министрамъ.

Они въ самомъ началѣ своего Министерства изумили Европу заключенїемъ мира. Англія, съ безпримѣрною славою истребивъ вездѣ непрїятельскїе флоты,

владѣя всемїрною торговлею, множествомъ завоеванныхъ острововъ и колоній, вдругъ отдаетъ все назадъ; и только уже по разитѣнѣ трактатовъ, послѣ Лондонской иллюминацїи, народнаго торжества и красивыхъ рѣчей Парламентскихъ о благословенїяхъ мира, Англїйскїе Министры увидѣли свое излишнее безкорыстїе и страшную силу Францїи. Отъ того происходила ихъ нерѣшительность, несообразность въ мѣрахъ и боязнь возвратить завоеванїя, Мысъ Доброй Надежды, Мальту и Египетъ; наконецъ они все отдали, кромѣ Мальты; отдали Голландцамъ Мысъ Доброй Надежды въ самое то время, когда уже Сент-Джемской Кабинетъ рѣшился объявить войну Францїи!!

Министры непремѣнно хотѣли сей войны — и не для того, чтобы удержать Мальту: ибо никто еще у нихъ не отнималъ ее, и сомнительно, чтобы Консулъ началъ непрїятельскїя дѣйствїя. По крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ Британнїя могла бы доказывать, что она только обороняется; и Бонапарте не могъ бы возбудить противъ Англичанъ всего народа Французскаго, — не могъ бы преклонить на свою сторону всѣхъ Государей

и всѣ націи въ Европѣ: что теперь видимъ.

За голую скалу Средиземнаго моря начать войну убыточную и опасную, казалось противнымъ здравому смыслу; надлежало предполагать другія важныя причины для изъясненія такой великой рѣшительности. Парламентскія рѣчи Министровъ и бумаги, обнародованныя Англійскимъ Правительствомъ, доказали ошибку людей благоразумныхъ: Аддингтонъ и Гакесбури не имѣли никакихъ другихъ причинъ начать войну, кромѣ того, что испугались могущества Франціи, которое они сами утвердили Амьенскимъ миромъ!

Здѣсь читатели дозволятъ намъ нѣсколько отступить отъ главнаго предмета.

Многіе Нѣмецкіе Патріоты желали, чтобы Король Прусской занялъ своими войсками Ганноверъ и тѣмъ предупредилъ вступленіе Французовъ въ сію землю. Вѣроятно, что Берлинскій Кабинетъ желалъ отвратить сіе несчастіе отъ Ганновера дружественными представленіями Консулу; но если ихъ не уважили?? . . . Извѣстны три способа дѣйствовать на Кабинеты: убѣжденіями дружественными, такъ называемыми демонстраціями или угрозами

и непрїятельскимъ нападѣнїемъ. Когда перевѣя не имѣютъ успѣха, то можно еще грозить; но угрозы пугаютъ только слабыхъ. Франціа въ 1787 году напрасно хотѣла воинскими приготовленїями отвесши Прусскаго Короля отъ участїя въ дѣлахъ Голландїи; напрасно также, черезъ три года потомъ, Англїя и Пруссїя угрожали Россїи на сухомъ пути и на морѣ: ЕКАТЕРИНА, не боясь того, исполняла планъ Свой. Нѣтъ сомнѣнїя, что и Бонапарте не испугался бы никакихъ угрозъ. Онъ конечно сказалъ бы Берлинскому Кабинету слѣдующее: „Англїя объ„явила Франціи войну и гордится своими „флотами, съ которыми наши не могутъ „теперь сражаться. Остается Ганноверъ, „который принадлежитъ моему непрї„ятелю, и въ которомъ единственно „могу дѣйствовать наступательно. Я „хочу овладѣть имъ; и кто вздумаетъ „противиться сему намѣренїю, тотъ „будетъ явнымъ врагомъ моимъ.“ Послѣ такого отвѣта Берлинскїй Кабинетъ долженствовалъ бы или замолчать, съ опасностїю для мирной системы своей въ будущемъ, или, въ противность благоразумїю и къ радости своихъ тайныхъ непрїятелей, для защиты Ганновера отказаться отъ выгодъ дружеской связи съ Фран-

цїею и въ надеждѣ на отдаленную помощь войти въ самую ужаснѣйшую войну. Министры Англїйскїе конечно предвидѣли завоеваніе Ганновера и пожертвовали имъ другой важнѣйшей, намъ еще неизвѣстной цѣли. Планъ войны ихъ противъ Французовъ долженъ ограничиться новыми завоеваніями въ обѣихъ Индіяхъ, отнятіемъ кораблей въ Европѣ, занятіемъ главныхъ пристаней въ Сицилїи и блокадою или бомбардированіемъ нѣкоторыхъ гаваней. Сіи дѣйствія не представляютъ Англичанамъ большихъ трудностей; но болѣе имъ уже нечего дѣлать — или надобно безумно отважиться на высадки. Англїйскихъ высадокъ давно уже никто не боится; только одна Египетская удалась имъ, по милости и глупости Французскаго Генерала Мену. Сія щасливая Египетская экспедиція вскружила голову многимъ Британцамъ, такъ, что и самые Члены Парламента, ослѣпленные народною гордостїю, мечтаютъ нынѣ о высадкахъ. Но какъ Французы на морѣ, такъ Британцы на землѣ не могутъ сражаться съ своимъ непріятелемъ.

Планы Англїйскихъ Министровъ во всемъ непостижимы для обыкновеннаго разсудка. Предвидя, что Франція не

дозволитъ Голландіи пользоваться неутралитетомъ, ибо имѣетъ нужду въ ея морскихъ силахъ, они немедленно велѣли брать корабли Голландскіе и скоро торжественно объявили ей войну; Гишпанія находится въ такой же зависимости отъ Бонапарте, но Англійское Правительство донынѣ щадитъ ее, и причина сего снисхожденія есть для насъ тайна. Извѣстно то единственно, что Гишпанцы воспользовались драгоцѣннымъ временемъ и благополучно перевезли въ Европу несмѣтныя сокровища изъ Америки. Всѣ ихъ корабли, нагруженные серебромъ и золотомъ, вошли въ гавани.

Такое великодушіе Англійскихъ Министровъ противъ западной, не весьма дружелюбно къ нимъ расположенной Державы, конечно удивительно; но они еще болѣе удивили насъ своимъ дѣломъ на Сѣверѣ. Какъ ни хотѣлось Французамъ пресѣчь Англійскую торговлю съ сѣверною Европою, но они должны были щадить корабли дружественныхъ, мирныхъ Державъ, тѣмъ болѣе, что Бонапарте желаетъ казаться совершенно правымъ въ нынѣшней ненавистной войнѣ. Хотя Англійскіе корабли и не могли ходить по Эльбѣ, однакожь торговля между Великобританніею и сѣверными

землями продолжалась; 7 и 8 Іюля приходили еще въ Гамбургъ неутральные корабли изъ Гуля и Ливерпуля. Лондонское купечество тому радовалось; а сей классъ людей есть, какъ извѣстно, самый важнѣйшій въ Англіи. По крайней мѣрѣ Англичане имѣли сообщеніе съ Гамбургомъ и могли на чужихъ корабляхъ присылать туда свои товары, въ ожиданіи перемѣны и лучшихъ обстоятельствъ.

Что же сдѣлали Англійскіе Министры? самое живѣйшее удовольствіе, самую величайшую услугу Консулу Бонапарте: они вздумали держать въ блокадѣ Эльбу (*), столь драгоцѣнную для ихъ торговли; пресѣкли сообщеніе Англіи съ Гамбургомъ и — что всего безразсуднѣе въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ — оскорбляютъ тѣмъ всѣ Державы, не пропуская ихъ кораблей. Дерзость неизъяснимая! Такимъ ли способомъ могутъ Британцы снова найти друзей въ Европѣ, утраченныхъ ихъ моремъ деспотизмомъ, кровопролитіемъ передъ Копенгагеномъ и забвеніемъ союзниковъ при заключеніи Амьенскаго трактата? Не льзя, кажется, выдумать лучшаго средства для оскорбленія не только Кабинетовъ,

(*) А теперь и рѣку Везеръ.

но и всѣхъ частныхъ людей — для истребленія всякой привязанности къ Англіи.

Теперь спрашивается: чего ожидаютъ Британскіе Министры отъ такихъ жестокихъ мѣръ? Того ли, чтобы великія Державы покорились ихъ самовластію и въ угожденіе имъ объявили войну Консулу? или Бонапарте скорѣе помирится съ ними, видя, какъ они всѣхъ вооружаютъ противъ себя?

Скоро важныя происшествія будутъ отвѣтомъ на сіи и другіе вопросы. Между тѣмъ Англичане нашли тайну *почти* вселить въ насъ желаніе того, что прежде ужасало благоразумныхъ людей, и что во многихъ отношеніяхъ пагубно для блага Европы, всѣхъ народовъ, человѣчества — желанія, чтобы Французамъ удалась высадка въ Англіи!

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Важнѣйшее изъ новыхъ происшествій Европы есть общее вооруженіе Британскаго народа, всѣхъ Англичанъ отъ 17 до 55 лѣтъ, какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ.

Парламентъ единодушно и съ живѣйшею ревностію одобрилъ сіе предложеніе Министровъ; земледѣльцы, ремесленники съ усердіемъ спѣшатъ занять мѣсто въ рядахъ сего пестраго войска; женщины вышиваютъ знамена съ патріотическими девизами; дѣти бьютъ въ барабаны, и Лорды, банкиры маршируютъ какъ рекруты! Вся Англія обращается въ лагерь: зрѣлище, которое мы видѣли во Франціи, и которое не обѣщаетъ успѣха непріятелямъ народа столь великодушнаго, готоваго на все для спасенія отечества. Бонапарте побѣждалъ арміи, но еще не истреблялъ народовъ вооруженныхъ: одно легче другова!

Засѣданіе, въ которомъ Парламентъ изъявилъ согласіе на мѣры, взятыя Министрами, было любопытно для наблюдателей. Говорили о величайшихъ опасностяхъ для Англіи, но говорили хладнокровно; предполагали непріятеля въ Лондонѣ, и шутили. И такъ важные Британцы умѣютъ быть забавниками въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ и веселые Французы посыпаютъ свою голову пепломъ! Военный Секретарь, говоря о необходимости общаго вооруженія, сказалъ: „Французы отъ природы *любопыт-*
„*ны*; имъ хочется узнать, есть ли

„въ Англіи люди готовые умереть за оте-
„чество и свободу. Ихъ начальникъ, какъ
„слышно, также пылаетъ нетерпѣніемъ
„въ томъ увѣриться. Правда, что онъ
„могъ бы уже имѣть идею о Британцахъ
„послѣ дѣла Тулонскаго и худой удачи
„своей въ Сиріи противъ Капитана Ан-
„глійскаго и горсти матрозовъ. Но есть-
„ли Французы, не смотря на то, все
„еще любопытны знать, какъ мы мо-
„жемъ сражаться за нашихъ супругъ,
„дѣпей и вольность, то просимъ ихъ
„сѣсть на корабли и беремся навсегда
„вылечить ихъ отъ безпокойнаго любо-
„пытства!“ . . . Но всего болѣе шутилъ
въ рѣчи своей Ораторъ Виндамъ. „Знаю,
„говорилъ онъ, что люди важные и по-
„чтенные доказываютъ невозможность
„высадки. Я могъ бы наименовать здѣсь
„нѣкоторыхъ ученыхъ Юрисконсультовъ,
„глубокомысленныхъ Теологовъ, разум-
„ныхъ купцовъ, искусныхъ земледѣль-
„цевъ и прекрасныхъ женщинъ“ . . . .
(Члены и зрители смѣются) . . . „но
„Адмиралы наши не такъ думаютъ.
„Люди, которые видѣли море только въ
„Маргатѣ, сидя въ своихъ купальняхъ,
„воображаютъ, что наши деревянныя
„стѣны (корабли) и деревянныя головы
„могутъ однѣ спасти Англію. . . . .

„Во время Рыцарства надлежало повару „Королевскому отрѣзывать шпоры у тру- „совъ: Авторы Амьенскаго трактата „должны отрѣзать мои шпоры, ибо я, „какъ они говорили, слишкомъ боязъ- „ливъ! . . . Они увидѣли опасность, но „поздно. Сіи великія мѣры, взятыя „нами, можно уподобить большимъ пуш- „камъ, которыя производятъ много гро- „му и шуму, а мало дѣйствія; напротивъ „того частныя мѣры, взятыя во время, „сравниваю съ ружейнымъ, гораздо дѣй- „ствительнѣйшимъ огнемъ . . . Министры „долго наслаждались спокойною дремотою, „теперь только протираютъ себѣ глаза „и кричатъ: *къ ружью вся Англія!* Вмѣ- „сто порядка выходитъ замѣшательство, „которое напоминаетъ мнѣ описаніе сла- „вной кампаніи Маіора Сипорджона: *вле- „реди гремятъ барабаны, назади лаютъ „собаки, и быки наши прыгаютъ какъ бѣ- „шеные.* Для чего Министры ранѣе не „подумали о мѣрахъ, нужныхъ для „спасенія Англіи и цѣлаго міра? ибо міръ „долженъ погибнуть съ Англіею (!!) . . . „Французы конечно поступятъ съ нами „не такъ великодушно, какъ съ другими „завоеванными народами: съ Гишпанцами „и и Голландцами. Не можемъ надѣять- „ся на умѣренность или жалость побѣ-

„дипеля. Онъ не дозволитъ намъ со-
„хранить и нашей промышленности; онъ
„разрушитъ насъ какъ машину безполе-
„зную; истребитъ наши учрежденія,
„завалитъ гавани, сожжетъ корабли,
„срубитъ лѣса; ярость его готовитъ
„для насъ судьбу Карѳагена.“ — Питтъ
также говорилъ рѣчь; хвалилъ общую
ревность, общее вооруженіе, но, подобно
Виндаму, осуждалъ Министровъ за ихъ
долговременное бездѣйствіе. Къ нему при-
сталъ и Фоксъ; но говорилъ слабѣе обы-
кновеннаго. Только одно мѣсто въ рѣчи
его произвело сильное впечатлѣніе въ слу-
шателяхъ, когда онъ сказалъ: „Естьли
„непріятель и выдетъ на берегъ, естьли
„возметъ и Лондонъ, то все еще не за-
„воюетъ Британніи.“ Тутъ раздалось въ
залѣ общее восклицаніе: *слышите! слы-
шите!* Лордъ Гакесбури, оправдывая
Министровъ, сказалъ въ заключеніи:
„Отечество! будь покойно. Люди, кото-
„рые наслаждались великимъ благоден-
„ствіемъ и великою славою, не могутъ
„покориться непріятелямъ, не могутъ
„быть рабами!“

Въ другомъ собраніи Парламента Пол-
ковникъ Крафордъ сказалъ: „Мы по-
„миримся единственно тогда, когда за-
„главіе тракитана будетъ опроверженіемъ

„Консуловыхъ словъ, будто Англія одна „не въ силахъ воевать съ Франціею. Я го- „ворилъ прежде, что только 60,000 Фран- „цузовъ могутъ выти на берега Англій- „скіе. Военный Секретарь полагалъ „100.000, замѣчая, что столько же должно „прежде погибнуть въ волнахъ. Фран- „цузы погибнутъ конечно; но мы дол- „жны умножить свое регулярное войско и „сдѣлать на берегахъ укрѣпленія. Непрі- „ятель знаетъ всѣ мѣста. Эрцгерцогъ „Карлъ въ 1796 году отдалъ мнѣ планъ „для высадки Французовъ въ Англіи, „найденный въ карманѣ одного убитаго „Республиканскаго Генерала. Сей планъ „былъ такъ хорошъ и вѣренъ, что сочини- „тель его безъ сомнѣнія долго жилъ въ „Англіи. Помню также, что еще пре- „жде Революціонной войны мнѣ удалось „говорить о томъ съ Кюстиномъ. Сей „Генералъ имѣлъ безстыдство сказать „мнѣ, что онъ нарочно объѣздилъ всѣ „берега Великобританніи для снятія пла- „новъ.“ — — Въ доказательство безъ со- мнѣнія, сколь великодушны Англичане, и сколь богата казна ихъ, Министры предложили Парламенту дать 600,000 рублей Дому Оранскому въ награжденіе за его потери и за дружбу къ Велико- британніи. Парламентъ единодушно со-

гласился: черта характерная и достойная замѣчанія! Одинъ извѣстный Франсисъ Бордетъ сказалъ: „Великодушіе по„хвально; но время ли теперь расточать „казну? Министрамъ остается предло„жить, чтобы мы вознаградили и Кур„фирста Ганноверскаго за его потери! „Надобно вспомнить, какъ обремененъ „народъ податями! Народъ для меня „важнѣе всѣхъ бывшихъ Штатгальте„ровъ.“ Ему не отвѣчали.

Въ Лондонѣ видны теперь вездѣ мундиры, а за городомъ вездѣ солдатскія ученья. Двѣ тысячи знатнѣйшихъ молодыхъ людей произвольно сосставили конный полкъ; и купцы на биржѣ занимаются только военными приготовленіями.

Между тѣмъ изъ Дублина получены въ Лондонѣ печальныя извѣстія о мятежѣ и кровопролитіи, бывшемъ въ семъ городѣ. Мятежниковъ собралось до 5000: они хотѣли взять Дублинскую крѣпость, но были разбиты Англійскимъ гарнизономъ. Въ другихъ мѣстахъ Ирландіи также все готово къ бунту. Парламентъ, увѣдомленный о томъ Королемъ, опредѣлилъ, что всѣ Ирландцы, обличенные въ злыхъ умыслахъ, должны быть судимы по военнымъ законамъ. То есть, сія

нещастная земля снова дѣлается театромъ ужасовъ: вотъ *первое* бѣдствіе войны для Англіи! ибо въ мирное время Ирландцы не отважились бы на явный бунтъ, который безъ сомнѣнія произведенъ надеждою на помощь Французовъ, имѣющихъ тайныя связи съ недовольными. Война есть дѣло адское, не смотря на ея нынѣшнія *устивыя* формы: кто не позволяетъ себѣ дѣлать всего возможнаго зла непріятелю? Такъ, можетъ быть, и Французы питаютъ огонь мятежа въ Ирландіи, въ отплату Англіи за Ла-Ванде. Народъ Аѳинскій не хотѣлъ и слышать о способѣ сжечь непріятельскіе корабли, узнавъ отъ Аристида, что сей способъ несогласенъ съ воинскою честію: новые Республиканцы конечно не такъ думаютъ, и Бонапарте не Аристидъ. . . Теперь любопытные могутъ спросить у Британскихъ Министровъ: грузъ взятыхъ Французскихъ и Голландскихъ кораблей стоитъ ли кровопролитія въ Ирландіи и мѣръ жестокости, къ которымъ Правительство должно прибѣгнуть въ семъ случаѣ? Аддингтонъ и Гакесбури не все предвидѣли. За *первымъ* бѣдствіемъ войны могутъ явиться и другія, также *не предвидѣнныя* . . . Разумъ самыхъ глубокихъ Политиковъ весьма ограниченъ,

и судьба любитъ иногда смѣяться надъ его вѣроятностями. Есть только одинъ способъ не раскаиваться: быть справедливымъ. Уже Философія убѣдила нѣкоторыхъ въ истинѣ сего правила для щастія людей въ жизни; но Политики еще не вѣрятъ, чтобы оно было нужно и для щастія народовъ. По чему знать? когда нибудь они могутъ увидѣть, что справедливость и человѣколюбіе суть вѣрнѣйшія опоры Державъ; но прежде еще многія Государства падутъ въ сію бездну ничтожества, которая уже поглотила столько Имперій и народовъ въ мірѣ!

Бонапарте еще путешествуетъ, но скоро возвратится въ Парижъ. Ни который изъ Монарховъ Франціи не былъ встрѣчаемъ подданными такъ великолѣпно и съ такимъ энтузіазмомъ. Путешествіе Консула есть безпрестанное торжество. Вездѣ блестящіе ряды воиновъ, съ усердіемъ въ груди къ Герою; вездѣ трудолюбивые граждане, предлагающіе ему драгоцѣнные плоды своего искусства; и самая торговля, остановленная войною въ ея выгодныхъ предпріятіяхъ, хочетъ веселить глаза его знаками своего богатства; вездѣ восклицанія: *слава Консулу* и *гибель Англіи*! — На балѣ, данномъ ему Бриссельскими жителями въ огром-

ной залѣ прежнихъ Брабантскихъ Чиновъ, онъ сидѣлъ на великолѣпныхъ креслахъ славнаго Монарха Карла V. Тамъ отъ имени города поднесли Госпожѣ Бонапар-те драгоцѣнное кружевное платье, въ маленькой *баркѣ*, сдѣланной изъ розоваго дерева съ золотою мачтою и съ флеро-выми парусами. — Антверпенъ веселилъ Консула своею древнею процессіею, назы-ваемою *гроте Оммеганъ*: везли кита и корабль на колесахъ, несли образъ Неп-туна, Вулкана и Гиганта, въ 25 футовъ вышиною, сдѣланнаго въ 16 вѣкѣ и рас-писаннаго Рубенсомъ. По народному пре-данію, сей великанъ былъ ужасный раз-бойникъ; извѣстный Брабо, котораго име-немъ названъ Брабантъ, отсѣкъ ему ру-ку (*антъ*) и бросилъ (*верпенъ*) ее въ море: отъ чего произошло имя Антвер-пена. *Монитёръ* говоритъ, что жители забыли смотрѣть на своего кита и вели-кана, видя передъ собою Консула, *вели-кана славы*: вотъ дурной вкусъ и остро-умїе, достойное не Консульскаго Журна-ла, а газетъ Антверпенскихъ! *Монитёру* оставалось еще назвать Бонапарте *ки-томъ славы* для *полноты* сравненїя.

Не только Департаменты и города, но и деревни — не только богатые, но и самые бѣднѣйшїе люди даютъ деньги

Французскому Правительству для высадки. Парижскіе площадные разносчики принесли въ казну 800 ливровъ и сказали: „даръ нашъ не великъ, но ненависть „наша къ Англіи безмѣрна.“ Парижскіе хлѣбники прислали 16,186 франковъ.

Въ Италіи носится невѣроятный слухъ, что Королева Этрурійская будетъ невѣсткою Консула и супругою Луціана Бонапарте!! — Король Этрурійскій не такъ славно царствовалъ, какъ погребенъ: онъ лежалъ въ гробѣ украшенный брилліантами; съ ними опустили его и въ землю. Хотятъ также соорудить великолѣпный памятникъ надъ могилою; это нужно: ибо Его Величество не успѣлъ сдѣлать ничего достопамятнаго въ жизни. Впрочемъ онъ любилъ Нумисматику, и даже Исторію, но только *натуральную.*

15 *Августа.*

Конецъ X Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

ІЮЛЬ. No 13.

Стран.

I. Меланхолія и воображеніе. (Окончаніе.) - - 3

II. Горесть супруга. - - - 38.

III. Рѣчи Роменскаго Повѣта Маршала Василія Полетики, произнесенныя имъ въ собраніи Дворянства въ Полтавѣ. - 39.

IV. Анекдоты и мысли, переведенныя изъ Французскихъ Журналовъ. - - - 46

V. О щастливѣйшемъ времени жизни. 51

VI. О Русскомъ переводѣ Анахарсиса. 57.

VII. Славный и великій Орденъ Дураковъ. - - - 58.

VIII. Объ имени рѣки Яхромы. - 60.

IX. Важность Мальты для Англіи. 63.

X. Извѣстія и замѣчанія. - 71

ІЮЛЬ. No 14.

I. Свиданіе Софіи Шарлоты, Королевы Прусской, и матери ея съ ПЕТРОМЪ Великимъ. - - 85

II. О Небесной Физикѣ. - 93

III. Торжественное шествіе молодаго и стараго Тибетскаго Ламы. 102

Стран.

IV. Въ моемъ наслѣдіи. - - 105
V. Письмо Русскаго путешественника изъ Берлина. - - 109
VI. Разговоръ Діогена съ Аристиппомъ о лести. - - 114
VII. Рыцарь нашего времени. - 121
VIII. Письма ЕКАТЕРИНЫ Великой къ Циммерману. - 142
IX. Смѣсь. - - 145
X. Шутки Парижскихъ Журналистовъ на счетъ Англійскихъ Министровъ. - - 148
XI. Извѣстія и замѣчанія. - 151

АВГУСТЪ. No 15.

I. Свиданіе Госпожи Жанлисъ съ Вольтеромъ. - - 161
II. Храмъ Свѣтовида. - 173
III. Выписки изъ Англійскихъ Журналовъ. - - 186
IV. Объ извѣстности Литературы нашей въ чужихъ земляхъ. - 195
V. Письмо изъ Лангедока. - 198
VI. Соловей и чижъ. Басня. - 203
VII. О Русской Грамматикѣ Французской Модрю. - - 204
VIII. О силѣ Франціи и Россіи. - 213
IX. Бонапарте Единственный. - 216
X. Рѣчь Консула Бонапарте, читанная имъ въ Тайномъ Совѣтѣ. 218
XI. Извѣстія и замѣчанія. - 227

АВГУСТЪ. No 16.

Стран.

I. Рѣчь, говоренная въ собраніи Харьковскаго Дворянства Депутатомъ его, Коллежскимъ Совѣтникомъ Каразинымъ. - - 235

II. Письмо изъ Парижа о Генералѣ Моро. - - 243

III. Смѣсь. - - 251

IV. Искусство дѣлать жепъ вѣрными. 255

V. О благотворномъ дѣйствіи Наукъ для Франціи во время Революціонной войны. - - 258

VI. Совѣты пріятельницѣ. - 264

VII. Письмо къ Издателю. - 271

VIII. Письмо одного Англичанина изъ Квебека. - - 272

IX. Записки стараго Московскаго жителя. - - 276

X. Выписки изъ Лондонскихъ вѣдомостей. - - 287

XI. О нынѣшней войнѣ. - 293

XII. Извѣстія и замѣчанія. - 301